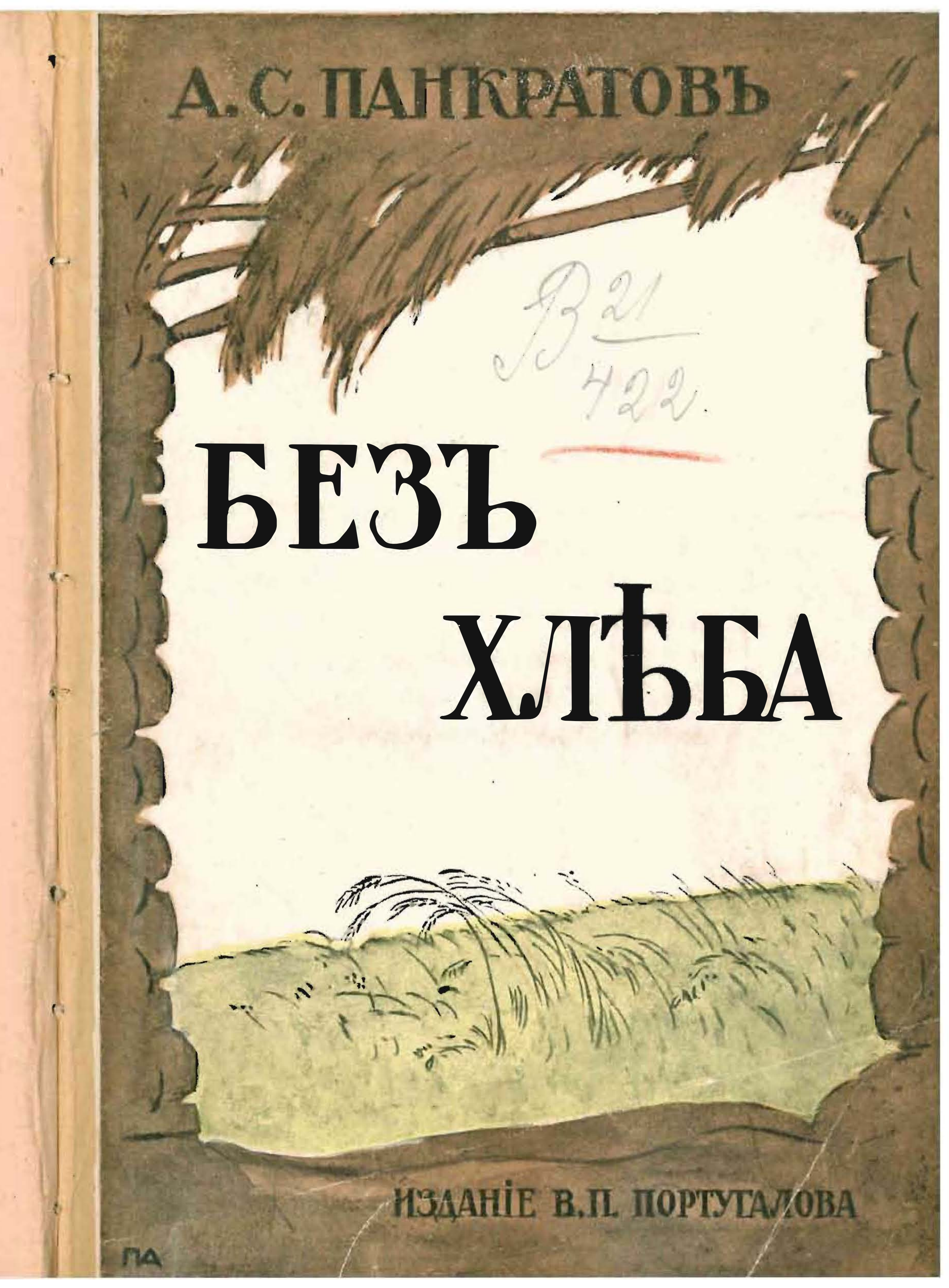

А. С. ПАНКРАТОВЪ
В 21/422
БЕЗЪ
ХЛѢБА
ИЗДАНІЕ В. П. ПОРТУГАЛОВА
ПА

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій, т. I. Москва, 1910.

Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій, т. II. Москва, 1911.

Милліоны въ землѣ. Очерки русской жизни. Изданіе В. П. Португалова (печатается).

Потомки Ивана Сусанина (готовится).

А. С. ПАНКРАТОВЪ

БЕЗЪ ХЛѢБА

ОЧЕРКИ РУССКАГО БѢДСТВІЯ

(Голодъ 1898 и 1911—12 гг.).



ИЗДАНІЕ В. П. ПОРТУГАЛОВА,
Москва 1913.

ГОЛОДЪ 1898 ГОДА.

I.

Первыя вѣсти.—„Голода нѣтъ".—Запрещенія.—Благодѣтельная „ошибка".

Сижу надъ старыми, пожелтѣвшими отъ времени записными книжками. Изъ далекаго прошлаго встаютъ тяжелыя картины. Какъ давно это было. Да и было ли? Не кошмарный ли это сонъ? Какъ будто среди сытой, довольной жизни попалась мнѣ книжка, написанная кровью, объ иной чудовищной жизни и тяжесть страданій заставила вздрогнуть меня.

Встаютъ далекіе образы: худые, темные, стонущіе. Идутъ тѣнями. Какъ много ихъ!.. Какъ тяжело бередить старую рану.

Стояла ранняя весна. Она застала меня за сухими университетскими лекціями среди каменныхъ громадъ домовъ, гдѣ солнце и радость весенней ласки кажутся несбыточной, далекой мечтой. Въ душѣ лежало тяжелое чувство пустоты и неудовлетворенности... Университетская жизнь была въ разбродѣ, рвалась на части, билась лбомъ о крѣпкую стѣну. Какъ-то кисло, безъ подъема проходила студенческая забастовка. Гордое, сильное эхо другихъ городовъ къ намъ долетало ма-

леньким, неслышным. Такъ тогда казалось. Нервы взвинчивались, поднимались. Душа хотѣла вырваться куда-то и улетѣть въ иной, полный свободы, прекрасный міръ.

Въ мою маленькую комнату безъ зова, безъ предупрежденій ворвались первые лучи весенняго солнца: они тепло и ласково скользнули по стѣнамъ, нескромно заглядывая въ темные уголки, стали играть въ зеркалѣ и манить на просторъ полей, обѣщая показать всѣ прелести весны въ деревнѣ. Для меня было ясно—они ощупывали мою душу, разогрѣвали ее, замерзшую въ однообразіи и холодѣ городской жизни.

И разогрѣли...

Въ это время газеты были полны описаніями ужасовъ цынги и тифа, разыгравшихся въ Поволжьѣ, на почвѣ недоѣданія. Тамъ совершалась великая драма борьбы человѣка за кусокъ хлѣба.

Началось все просто, обычно. Какъ всегда у насъ. Сначала статистическія данныя. „Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской, Уфимской и Казанской губерніи урожай ниже средняго, а по мѣстамъ неудовлетворительный". Обыватель прочелъ и подумалъ:

— Жить еще можно...

Потомъ, какъ первыя, одинокія капли лѣтняго дождя, появились двѣ, три осторожныхъ корреспонденціи съ театра ужасовъ. Жилось тогда труднѣе, чѣмъ сейчасъ, дышалось тяжело. Нужно было, взывая, оглядываться:

„Въ д. Карабулакъ, Кармальской волости, у мѣстныхъ крестьянъ погибли озимыя. На яровыя также мало надежды. Продаются за безцѣнокъ лошади. Весьма возможно, что нужна будетъ сторонняя помощь".

Теперь время другое, къ голоду въ деревнѣ „привыкли", да и способовъ борьбы со старымъ строемъ стало больше, поэтому такія корреспонденціи теперь

напечатаетъ не всякая столичная газета. Редакторъ просто скажетъ:

— Не интересно. Нужно мѣсто для описанія послѣдняго скандала въ Думѣ...

Но тогда общество еще не было отравлено ядомъ конституціоннаго политиканства. Оно напряженно ждало и пользовалось каждымъ самымъ незначительнымъ случаемъ, какъ средствомъ борьбы. Голодъ поэтому былъ однимъ изъ крупныхъ козырей общества противъ надоѣвшей опеки. Вверху это знали и принимали свои мѣры. Газетамъ „не дозволялось сгруппировывать подъ общей рубрикой извѣстія о неурожаѣ и явленіяхъ, происходящихъ отъ онаго", „воспрещалось печатать какія-либо воззванія въ пользу голодающихъ". А въ 1892 году даже было предписано „воздерживаться относительно необходимости устроить пышную встрѣчу американскимъ судамъ, везущимъ хлѣбъ для голодающихъ".

Но въ описываемый 1899 годъ волна прорвала плотину запрещеній. Капли забарабанили по крышѣ. Петербургскія газеты, какъ болѣе смѣлыя, поставили точку надъ і.

— Голодъ.

Ужасный, зловѣщій голодъ. Со всѣми признаками разложенія: тифомъ, цынгой. Цѣлыхъ три огромныхъ губерніи объяты его пламенемъ.

Наконецъ, загремѣлъ громъ. И въ раскатахъ его Россія услыхала отчаянный крикъ:

— Голодъ! Голодъ! Голодъ!

На Страстномъ бульварѣ зашипѣли:

— Голода нѣтъ. Раздуваютъ крамольники.

Изъ Петербурга было нажали кнопку. „Голода" не стало. Онъ замѣнился „недородомъ". Но Россію обмануть было уже нельзя. Она знала, что тамъ гдѣ-то, за Волгой, пластами лежатъ чуваши, мордва, татары. Пухнутъ отъ голода. Шевельнуться не могутъ отъ боли.

Конечно, „они привыкли“,—но все же... Ужасно было думать, что у нихъ нѣтъ простого, чернаго хлѣба, *которымъ мы кормимъ собакъ*. Мѣстами доѣдаютъ послѣднее и готовятся пухнуть. Усиленно собираютъ лебед и разныя травы, чтобы хоть немножко продолжить существованіе.

„Мѣры были приняты“. Было объявлено, что „энергично работаетъ „Красный Крестъ“. Стараются земскіе начальники. Вся голодающая мѣстность оцѣплена попечительствами. Вездѣ столовыя, чайныя, больницы, медицинскій персоналъ.

Но общество грустно качало головой. Оно подъ сурдинку сомнѣвалось. Странное,—оно привыкло сомнѣваться. Тѣмъ болѣе, что печать продолжала свою работу. Столбцы газетъ заполнялись описаніями голода. За холодными, цензурованными словами чувствовалась раздирающая сердце драма, за „корректнымъ“ тономъ звучали рыданья. Читаешь и представляешь: вотъ умираютъ дѣти, приковывается къ постелѣ тяжелымъ недугомъ глава семьи, бѣдная, рыдающая мать напрасно подноситъ ребенку высохшую грудь—въ ней нѣтъ молока...

Робко былъ поставленъ вопросъ о частной помощи. Газеты осторожно завели рѣчь, что правительству, молъ, трудно, средствъ у „Краснаго Креста“ мало. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не допустить русскую интеллигенцію, нашу отзывчивую учащуюся молодежь въ деревню? Пустъ учится добру, упражняется въ хорошихъ навыкахъ...

Логика власти холодна, какъ клинокъ шпаги. Она обыкновенно отвѣчала такъ:

— Хотите помочь? Что жъ, доброе дѣло... помогайте страдальцу брату, наказанному Богомъ за пьянство и лѣнь... Жертвуйте!

И подставлялась кружка „Краснаго Креста“.

Но на этотъ разъ произошла благодѣтельная „ошибка“. Растерялись ли подъ напоромъ общественной волны, или было что другое, но только въ одинъ прекрасный день, рядомъ съ просьбой о пожертвованіяхъ на „Красный Крестъ“ въ газетахъ появилось воззваніе, заканчивающееся многозначительными словами. Пожертвованія просили направлять по частному адресу самарской общественной организаціи—„Частнаго Кружка“. Это было понято обществомъ, какъ побѣда надъ „старымъ строемъ“ и также учтено на „Страстномъ бульварѣ“. Тамъ злобно заворчали:

— Справились бы своими силами. Допустить общество, пропитанное желаніемъ бунта, значитъ разносить по деревнямъ заразу крамолы...

Но было уже поздно. За одной частной организаціей послѣдовала другая. Горячее письмо въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ А. С. Пругавина, бывшаго тогда секретаремъ самарской губернской земской управы, заставило учащуюся молодежь откликнуться на призывъ. За Волгу на помощь голодающему крестьянину устремились студенты, курсистки, гимназисты и другіе интеллигентные люди. Посыпались пожертвованія. Присылали деньги, одежду, муку, просо. Прислали откуда-то даже вагонъ пирожковъ съ яйцами. Общество, такъ долго насильно сдерживаемое, обрадовалось маленькой бреши въ великой китайской стѣнѣ и показало молодое одушевленіе, богатый родникъ силъ и энергіи.

Надумалъ и я поѣхать за Волгу. Въ это время въ городъ, гдѣ я учился, вернулся изъ поѣздки по голодающей мѣстности извѣстный тогда профессоръ Е. Ф. Шмурло. Его блестящіе фельетоны о голодѣ печатались у кн. Э. Э. Ухтомскаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и на насъ, молодежь, производили сильное впечатлѣніе. Вообще въ это тяжелое для Россіи время, органъ кн. Ухтомскаго сослужилъ большую службу обществу. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ смѣло печатались статьи о голодѣ и воззванія,

не жалѣлись краски для описанія ужасовъ. А. С. Пругавинъ помѣщалъ тамъ свои прекрасныя письма. Правда, рядомъ съ фельетонами Шмурло и Пругавина помѣщались крѣпостническія и дикія статьи г. Ярмонкина, отрицавшаго голодъ, но имъ мы не вѣрили.

Къ Е. Ф. Шмурло я и направился за совѣтомъ. Профессоръ оказался ласковымъ человѣкомъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте,—сказалъ онъ,—но шуба у васъ есть?

— Это пустяки,—отвѣтилъ я.

Стоялъ холодный мартъ, а у меня кромѣ легонькой студенческой шинели ничего не было.

Профессоръ долго разсказывалъ мнѣ о трудностяхъ жизни среди голодающихъ и направилъ меня въ Самару къ А. С. Пругавину.

Черезъ день поѣздъ съ грохотомъ мчалъ меня и моего товарища, Залольскаго, на юго-востокъ.

II.

Самарскій частный кружокъ. — А. С. Медвѣдевъ и А. С. Пругавинъ.—Красный Крестъ.

Въ Самарѣ насъ встрѣтили съ распростертыми объятіями. Тутъ былъ штабъ „Самарскаго Частнаго Кружка“. Организаціонная работа кипѣла безъ начальника. Его не было. Это была своеобразная армія. Ее двигали не приказанія, а польза дѣла. Она была ихъ главнокомандующимъ.

Штабъ состоялъ изъ людей, проникнутыхъ однимъ желаніемъ—помочь населенію. Добрымъ, хорошимъ словомъ вспоминаю я всегда этихъ милыхъ людей. Забывали свои личныя дѣла, не знали отдыха, ѣздили, терпя неудобство, по губерніи. И все это безкорыстно.

Это были частные и честные люди. Это была наша интеллигенція. Это было наше младенческое общество, которое боялись пускать безъ няньки...

Помню крѣпкую, изъ дуба сдѣланную, фигуру А. С. Медвѣдева, недавно умершаго. Послѣ онъ былъ членомъ первой Государственной Думы отъ Тверской губерніи, а тогда занималъ должность управляющаго частнымъ банкомъ въ Самарѣ. Я всегда смотрѣлъ съ уваженіемъ на это умное, крестьянское (онъ изъ крестьянъ) лицо и любилъ слушать его грубоватый, но пріятный голосъ. Въ памяти представительная фигура А. С. Пругавина, его корректный тонъ. Этотъ человѣкъ интересовалъ меня и съ другой стороны — какъ знатокъ сектантства и старообрядчества. Но я смѣшалъ А. С. съ его братомъ, извѣстнымъ народникомъ. А такъ какъ тогда былъ самый разгаръ споровъ и печатной борьбы между марксистами и народниками, то я съ юношескимъ задоромъ спросилъ Александра Степановича:

— Вѣрите ли вы еще до сихъ поръ въ идеалы народничества?

Онъ было попробовалъ перейти въ шутливый тонъ, но я пресерьезно заявилъ, что для меня этотъ вопросъ очень важный. Я былъ, конечно, марксистомъ.

Милая юность!

Въ моей книжкѣ записано, что А. С. Пругавинъ далъ мнѣ такой отвѣтъ:

— Я замѣчаю упадокъ народничества, но не вижу ничего привлекательнаго въ марксизмѣ.

Это меня не удовлетворило. Мнѣ нужна была опредѣленность: народникъ ты или марксистъ? Къ народникамъ я относился развѣ только снисходительно.

Какъ давно, давно это было! Словно золотой сонъ дѣтства...

Секретаремъ кружка была живая, умная дѣвушка, Н. А. Хардина, дочь очень извѣстнаго въ Поволжьѣ

адвоката Хардина, недавно умершаго. Она разсказала мнѣ исторію Кружка.

Исторія эта грустная, хотя и обычная. Мног шиповъ, терній. Вездѣ были преграды. Но *неожиданно* все увѣнчалось успѣхомъ. Когда дѣло возникло, его вогнали въ загородку „законности“. Было узко, но работать все-таки можно.

— Словомъ, произошло своего рода чудо,—закончила моя собесѣдница.—Среди чудесной обстановки мы и сейчасъ работаемъ. Но какъ трудно привыкнуть къ чуду!

„Кружокъ“ согласились легализовать подъ условіемъ, чтобы онъ не печаталъ ничего о себѣ. Но комитетъ кружка собралъ 25 тыс. пожертвованій и нашелъ мѣсто для своихъ воззваній въ субсидируемыхъ правительствомъ органахъ: „Котлинѣ“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Губернаторъ, увидавъ воззванія, напомнилъ объ обѣщаніи комитета ничего о себѣ не печатать. А комитетъ отвѣтилъ:

— Тогда мы отошлемъ назадъ всѣ пожертвованія жертвователямъ.

Это былъ бы грандіозный скандалъ. Губернаторъ это понялъ и замолчалъ. Кружокъ сталъ работать, но администрація все время не сводила съ него глазъ. Приходилось дѣйствовать крайне осторожно и прежде всего ничѣмъ не возмущаться. Между тѣмъ, въ глаза лѣзли поступки присылаемыхъ „Краснымъ Крестомъ“ уполномоченныхъ и другихъ чиновниковъ. Къ дѣлу эти лица отнеслись, какъ къ пріятному развлеченію и выгодной командировкѣ. Народъ пухъ отъ голода, а они отписывали въ Петербургъ: „Голода нѣтъ, есть маленькій недородъ“. Лишь цынга ихъ испугала не на шутку.

А. С. Медвѣдевъ видѣлъ все безобразіе и ужасъ дѣйствительности и, бывало, говорилъ:

— Сейчасъ мы будемъ вести себя тихо, а послѣ компаніи я опубликую все въ заграничныхъ газетахъ...

Но, кажется, такъ и не успѣлъ опубликовать.

Между кружкомъ и „Краснымъ Крестомъ“ шла глухая борьба. Я былъ у одного доктора „Краснаг Креста“. Онъ такъ отзывался о кружковскихъ воззваніяхъ:

— Жалкія слова.

Удивлялся:

— Я не понимаю, какъ студенты идутъ въ Кружокъ на 10 — 15 рублей въ мѣсяцъ? Это же нищенскій окладъ!

Они предлагали гораздо больше, но къ нимъ шли мало. Чиновникъ „Краснаго Креста“ никакъ не могъ догадаться, что для нашей молодежи „цѣль не оправдывала средства“. Молодежь шла не на оклады, а въ деревню на помощь крестьянину. Флагъ частной организаціи давалъ ей больше свободы дѣйствій.

III.

Въ деревнѣ. — „Скорпіонъ“. — Г. Ярмонкинъ. — Отзывы администраціи и дѣйствительность.

На мѣста отъ кружка уже выѣхало много народа. Въ деревнѣ появились незнакомые люди. Доселѣ мужики знали земскаго, сидѣлицу изъ винной лавки и священника. Изрѣдка наѣзжали изъ города разные непріятные чиновники, которые, то распекали, то требовали, то просто ничего не дѣлали, а, прозвенѣвъ бубенчиками, куда-то уѣзжали. Теперь, бокъ-о-бокъ съ крестьяниномъ и даже въ его хатѣ поселились совершенно иные люди, какъ будто съ другой планеты.

„По обличью, какъ будто и господа, но больно до нашего брата болѣзны. Распекать—не распекаютъ, недоимокъ не требуютъ, а сами, наоборотъ, помогаютъ. Чудные!..“

Появились „барышни изъ столовой", „столовщики" и „столовщицы". Названіе очень удачное: столовались какъ будто не крестьяне у интеллигента, а, наоборотъ, интеллигенты у крестьянъ.

Въ концѣ марта я направился въ Бугульминскій уѣздъ. Поѣздъ сергіевской „костоломки" протащилъ меня до Минеральныхъ водъ. Тамъ меня взяли на себя худыя лошаденки чувашина и начали борьбу съ невылазной грязью. Но на душѣ у меня было весело. Сверху смѣялось ласковое, весеннее солнце.

Я въ деревнѣ.

Скорѣе къ ужасу, горю, страданью! Гдѣ эти несчастные, безпомощно валяющіеся въ цынгѣ?

Чувствовалась сила, страстное желаніе работать не покладая рукъ. Молодое воображеніе рисовало картины одна другой ужаснѣе. Впередъ толкало и любопытство, новизна явленія.

Еще въ поѣздѣ николаевской дороги, подъ грохотъ колесъ, меня въ тревожномъ полуснѣ угнетали какіе-то призраки. Предъ глазами ярко рисовалась картина голода въ Индіи, гдѣ-то видѣнная. Сидѣли длинные человѣческіе скелеты, понуривъ голову, на землѣ. Дѣти лежали безпомощно. Ни крика, ни стона. Все давно замерло и съ холоднымъ равнодушіемъ смотритъ въ лицо костлявой смерти. Надъ усталой, больной отъ безпрерывнаго грохота, головой, среди мерцанія свѣчи, въ грязномъ вагонѣ 3-го класса носились эти ужасные призраки. Они склонялись надо мной, что-то шептали—долго и страшно. И боль головы усиливалась, и кошмаръ становился тяжелѣе. Только утромъ улетали призраки. Но тяжелое впечатлѣніе оставалось.

Тутъ, въ деревнѣ, эти призраки снова стали меня посѣщать. Вѣчная грязь, непривычка къ ѣдѣ, натянутость нервовъ. Все это вновь рождало головную боль и усталость. Призраки рѣяли въ темнотѣ ночи подъ шуршанье таракановъ въ деревенской избѣ.

Я искалъ ихъ воплощенія въ жизни. Но, представьте, не находилъ. Нужда въ глаза не била. Ѣхалъ по голодающей мѣстности и не видѣлъ голода, какъ я его себѣ рисовалъ. Былъ среди больныхъ и не видѣлъ болѣзни. Что же это такое?

Первое время я былъ смущенъ. Вглядывался въ лица встрѣчавшихся мужиковъ и бабъ, видѣлъ дѣтей, но ничего тревожнаго не замѣчалъ. Мужики, какъ мужики... И хлѣба не просятъ. И за помощью не обращаются.

Еще въ вагонѣ желѣзной дороги я попалъ съ моими молодыми представленіями въ лужу „трезвыхъ" взглядовъ. Ѣхалъ какой-то вертлявый человѣкъ, какъ оказалось, управляющій однимъ имѣніемъ, и земскій врачъ. Это были мѣстные люди. Мы разговорились.

— На голодъ ѣдете? Напрасно,—озадачилъ меня управляющій.

— Какъ напрасно?

— Да такъ-съ. Не стоитъ труда. И голода нѣтъ никакого—одна лѣнь. Лучше бы эти деньги, что на столовыя идутъ, въ другое мѣсто пошли... на флотъ или въ инвалидные капиталы.

— Но, вѣдь, у крестьянъ нѣтъ хлѣба! Какъ же такъ? Цынга и тифъ... Фактъ на лицо.

— Молодъ вы, сударь, и деревни не знаете! Здѣсь притворства не оберешься. „Мы люди темные",—корчитъ мужикъ изъ себя дурака, а самъ свою выгоду знаетъ, норовитъ вамъ въ карманъ забраться. Хорошо, вѣдь, жить-то на чужія деньги и ничего не дѣлать!

— Но, позвольте...

— Вамъ-то ничего... Вы провели время для своего удовольствія, да и уѣхали въ столицу. А мы тутъ круглый годъ съ ними. Разопретъ его съ благотворительныхъ щей, къ нему въ рабочую пору и приступу нѣтъ.

Я хотѣлъ спорить, но управляющій съ явной досадой на лицѣ вышелъ изъ вагона.

— Скорпіонъ, а не человѣкъ,—тихо замѣтилъ врачъ,—они тутъ со своимъ бариномъ всю округу въ ежевыхъ рукавицахъ держатъ. Кулаки, хоть и дворяне. Но и вамъ, молодой человѣкъ, не слѣдъ смотрѣть сквозь розовыя очки. Сентиментализмъ-то столичный нужно бросить. Онъ помѣшаетъ вамъ. Здѣсь не такъ обстоитъ дѣло, какъ иногда пишутъ. Нужно смотрѣть правдѣ въ глаза.

— Голодъ, дѣйствительно, есть, — продолжалъ онъ,—и голодъ замѣтный. Но ужасовъ, о которыхъ вы говорите, нѣтъ. Здѣсь живутъ и умираютъ просто, по-русски (онъ улыбнулся грустной улыбкой), безъ аффектацій. Голодъ самъ къ вамъ не пойдетъ, его нужно сыскать, хотя это сдѣлать и не трудно. Это чисто русская черта. Хороша ли она—вопросъ другой. Во всякомъ случаѣ, она удобна для многихъ, а мужика нашего равняетъ съ папуасами и другими дикими людьми. Что касается цынги и тифа, то эти болѣзни здѣсь не переводятся никогда...

— Но это еще ужаснѣе,—замѣтилъ я.

— Можетъ быть, но я констатирую фактъ. О притворствѣ онъ говорилъ—оно, дѣйствительно, есть. И нужно наметаться, чтобы отличить истинную нужду отъ подложной.

Мы долго говорили. Врачъ былъ деревенскій практикъ, съ трезвымъ взглядомъ. Послѣ я узналъ, что его любили крестьяне, несмотря на то, что онъ подчасъ былъ грубъ съ ними.

На одной изъ станцій въ вагонъ вошелъ управляющій.

— Заболтался тамъ съ знакомыми,—сказалъ онъ,—теперь слѣзаю. А вамъ на память хочу подарить одну брошюрку. Полезная вещь. Прощайте!

Въ моихъ рукахъ очутилась тонкая тетрадка съ

многообѣщающимъ заголовкомъ: „Правда о самарскомъ голодѣ“. Авторъ—г. Ярмонкинъ.

Я зналъ этого господина по „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“. Много говорилъ мнѣ о немъ А. С. Медвѣдевъ. Когда наступила острая нужда, Ярмонкинъ предлагалъ крестьянской семьѣ изъ 4 человѣкъ рабочихъ съ подводой въ недѣлю 90 коп. Крестьяне говорили:

— Лучше умремъ, чѣмъ поѣдемъ на такую работу.

А Ярмонкинъ вездѣ звонилъ:

— Какой же это голодъ, если не идутъ на работу?

А. С. Медвѣдевъ „попросилъ“ его изъ своего кабинета, когда онъ пришелъ къ нему и началъ ругать крестьянъ.

Врачъ опредѣлилъ физіономію Ярмонкина такъ:

— Это типикъ!

Дѣйствительно, „типикъ“. Большаго презрѣнія къ мужику я не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Думаю, что самъ покойный Грингмутъ, кладя подъ розгу русское крестьянство, все-таки трепалъ его по плечу и утѣшалъ:

— Ничего, братъ! Терпи, казакъ...

Тутъ и этого не было. Его „правда о голодѣ“ была сплошной тенденціозной выдумкой. Онъ видѣлъ только лѣность, злостное притворство и грубость мужика. Словомъ, все, кромѣ голода.

Я проводилъ врача и остался одинъ въ вагонѣ. Наступила ночь. Въ искрахъ паровоза чудились мнѣ страшныя тѣни голода...

Продолжаю искать страданье. Останавливаюсь на „въѣзжей квартирѣ“ и по-долгу разспрашиваю старосту, хозяина или ямщика.

— Ну, что—у васъ голодаютъ?

— Туго приходится, а только не совсѣмъ...

— Цынга есть, пухнетъ народъ?

— Не слыхать этого. Говорятъ, что жена Ящеряка

Яшткина лежитъ хворая, а только отчего и какъ, мы не знаемъ, мы не фершала...

Захожу въ избу къ хозяину. Обѣдаетъ вся семья. Есть хлѣбъ, картофель, капуста. Повидимому, всѣ здоровы и сыты. Въ праздничный день видѣлъ пьяныхъ. Подворнаго обхода я пока не дѣлалъ,—спѣшилъ на мѣсто.

Проѣзжалъ однимъ врачебнымъ пунктомъ. Заѣхалъ къ доктору. Осторожно, чтобы не показаться наивнымъ, спросилъ о голодѣ:

— Огромный голодъ,—отвѣтилъ онъ.—Кругомъ нѣтъ хлѣба. Многія семьи еще держатся, но черезъ мѣсяцъ тутъ будетъ что-то ужасное. Больныхъ и теперь масса—цынга и тифъ...

— Какія же деревни особенно голодаютъ?

Онъ назвалъ какъ разъ тѣ, которыми я проѣзжалъ.

— Стр нно.

Въ большомъ раздумьѣ продолжалъ я пут .

Наконецъ, я на мѣстѣ. Освоился. Живу и работаю. И вижу, какъ съ каждымъ днемъ мѣняется картина. Глубже вхожу въ жизнь крестьянина и ужасаюсь той бездны нужды, среди которой онъ живетъ. Загородка, которая отдѣляетъ насъ отъ мужика, при совмѣстной съ нимъ жизни и ласковомъ обращеніи, постепенно исчезаетъ. Изъ сфинкса, загадочнаго, дикаго, полуживотнаго, онъ превращается въ человѣка, несчастнаго, но высокаго по своей духовной природѣ.

Ласка въ деревнѣ дѣлаетъ чудеса. Ея такъ тамъ немного, что даже малая доза даетъ вамъ ключъ къ сердцу. Безъ ласки для васъ все предстанетъ въ иномъ свѣтѣ. Годы угнетенности воспитали въ деревнѣ сознаніе, что „господа“ любятъ въ деревнѣ благополучіе. Вотъ почему наружно все спокойно—это основа и источникъ для традиціоннаго „все обстоитъ благополучно“. Спросите вы старосту, старшину, словомъ, лицъ начальствующихъ:

— А голодно у васъ?

— Пустое все. Всегда такъ жили, Бога не гнѣвили... А что мужикъ нонѣ пошелъ прощалыга—это вѣрно. Все бы ему подачки. Работать не любитъ...

Спросишь у постороннихъ объ этомъ лицѣ. Говорятъ:

— Да это кулакъ, всѣхъ въ рукахъ держитъ, крикомъ кричимъ отъ него!..

Въ деревнѣ выборными администраторами являются почти всегда „кулаки“, „богатѣи“. Къ матеріальному верховенству имъ выгодно прибавить и юридическое. Оно удваиваетъ имъ внѣшній „почетъ“. А мужики выбираютъ такихъ потому, что шагу шагнуть безъ нихъ не могутъ. Все опутано ихъ сѣтями. Они дѣйствуютъ на своихъ избирателей и подкупами, и „острасткой“. Начальству такіе кулаки-старшины также на руку. Они имѣютъ больше вліянія на крестьянъ. Крестьяне всѣхъ ихъ глубоко ненавидятъ, но снимаютъ шапки и величаютъ:

— Ты одинъ у насъ отецъ-благодѣтель!

Есть среди такихъ старшинъ большіе „дипломаты“. Спрашиваю одного:

— Голодаютъ у васъ крестьяне?

Приготовился слушать филиппику по адресу „лѣнивыхъ пьяницъ“. Вдругъ иное:

— Страшно голодаютъ, особенно въ деревнѣ Казанкѣ, тамъ народъ вальмя валится—все поѣли, лебеду жрутъ...

— Что за исторія,—думаю.

— Вотъ бы, господинъ, если бы вы у земскаго попросили попечительскую столовую тамъ открыть—было бы хорошо...

— Попрошу...

— А меня попечителемъ...

Ларчикъ просто открывался.

Вообще отзывамъ о голодѣ волостной и даже сель-

ской администраціи вѣрить нужно съ большой осторожностью. Она изъ группы, по своимъ экономическимъ интересамъ, противоположной бѣднотѣ. А между тѣмъ, сколько людей основываютъ свои мнѣнія на словахъ людей этой группы! Люди, „по казенной надобности" посѣщающіе деревню, всѣ свои отчеты основываютъ на такихъ сомнительныхъ данныхъ. Отсюда понятно, что „голодъ выдумали крамольники".

У самихъ крестьянъ также трудно добиться прямого отвѣта. Въ голодающей деревнѣ все спокойно и наружно благополучно. На этотъ обманъ поддаются многіе, искренно отрицающіе голодъ:

— Сами мужики говорятъ, что нѣтъ ничего особеннаго...

У крестьянина спросишь:

— Голодаютъ у васъ?

Онъ отвѣчаетъ:

— Да, не очень разъѣшься нонѣ...

— Болѣютъ?

— Баютъ люди,—болѣютъ. У меня мальчонка ногами слегъ. Ничего, поднимется...

— Хлѣбъ-то чистый ѣшь или съ примѣсью?

— Кладу лебеды для сладости.

— А мякину?

— Нѣтъ... Богъ миловалъ...

И все въ такомъ родѣ. Даже находятъ возможность шутить.

Нужда крестьянина не лѣзетъ сама въ глаза. Я бы сказалъ, что это хорошая черта. Но... въ Самарѣ въ земскимъ санитарномъ бюро, докторъ Грапъ показывалъ мнѣ образецъ „голоднаго хлѣба". Смѣсь земли, какого-то пепла, мякины и отрубей.

— Да неужели?—говорю.

— Это какое-то свинство,—вырвалось у одного присутствующаго.

— Велико терпѣніе русскаго народа, — сказалъ кто-то.

— Что это за терпѣніе! Просто каннибализмъ, допотопное время, каменный періодъ...

Такое терпѣніе, пожалуй, и отрицательное качество...

Чтобы видѣть нужду во всемъ ея печальномъ блескѣ, нужно не заходить ни въ волостное правленіе, ни останавливать перваго встрѣчнаго мужика. Нужно начать подворный обходъ деревни. И вотъ тутъ даже при бѣгломъ осмотрѣ откроются передъ вами ужасныя, глубокія язвы.

Такъ я и дѣлалъ. Результатъ былъ поразителенъ. Наружное „все обстоитъ благополучно" исчезло. Предо мною раскрывались покровы, отдѣляющіе настоящую жизнь отъ „спокойнаго благополучія". Подчасъ даже тѣ краски, которыми я рисовалъ себѣ голодъ, не видя его, блѣднѣли. Картина была ужаснѣе. „Голодъ въ Индіи" былъ близокъ къ нашей дѣйствительности.

Не валялись на улицѣ скелетообразныя людскія тѣни. Но въ цынготныхъ больничкахъ лежало по 15—20 человѣкъ, людей только по имени. Въ дѣйствительности, это были трупы. Запахъ трупный, видъ умирающаго, вспухшее лицо, потускнѣвшій взглядъ, тяжелое прерывистое дыханіе. Откроешь ноги—огромныя, багровыя, кровавыя пятна. Это я говорю о тяжелой формѣ цынги. Печальную процессію представляла вереница легко цынготныхъ, идущихъ изъ домовъ въ цынготную столовую. Съ клюками въ рукахъ, съ охами и вздохами, сгорбленные, желтые, оставляя за собою въ воздухѣ трупный запахъ, собирались эти люди въ одну избу.

Эта картина, право, недалека отъ индійской.

IV.

Въ голодающей Лашманкѣ. — Попечительская столовая.—Воровство.—„Ашать давай“.

Весенняя распутица. Ни на саняхъ, ни па телѣгѣ ѣхать нельзя. У крыльца меня ожидала верховая лошадь съ мальчишкой—проводникомъ.

— Неужели иначе нельзя проѣхать?—уныло спрашиваю я.

— Нельзя,—отрѣзалъ мальчишка.

Ему, видимо, б ли противны мои городскія привычки. Онъ безъ сѣдла гарцовалъ передъ окнами на бойкой рыжей лошадкѣ.

— А смирная?—спросилъ я.

— Специальная...

Я съ трудомъ влѣзъ первый разъ въ жизни па сѣдло. „Специальная“ была, видимо, стара. Она вздрагивала всѣмъ корпусомъ и, какъ будто, ломилась подо мной.

— Ну, съ Богомъ,—провожалъ земскій врачъ Ротбергъ.—Относительно голода „не сумлѣвайтесь“, тамъ и въ хорошіе года ѣсть нечего, а нынѣ—не приведи Богъ злому татарину.

Мы тронулись. Я оглянулся—врачъ смѣялся надъ моей „гофмаршальской“ фигурой.

Милый, рѣдкій человѣкъ. Онъ завѣдывалъ отъ Кружка нашимъ голоднымъ райономъ и былъ душой дѣла. Я былъ однимъ изъ двухъ его помощниковъ.

Выбрались за село. Здѣсь я понялъ, что „спеціальная“, дѣйствительно, единственный способъ передвиженія. Ноги ея уходили по щиколотокъ въ глинистую, затягивающую грязь.

— Ну, ужъ дорожка,—невольно вырвалось у меня.

— Это еще благодать,—отвѣтилъ мой проводникъ,—а вотъ подъ Сотниковымъ хуторомъ какъ бы совсѣмъ не застрять.

— То-есть какъ?

— Рѣчонка тамъ. Мостъ сломало. По водѣ будемъ ѣхать, до сѣдла доходитъ...

— Этого еще не доставало—утонуть,—подумалъ я.

Но хуторъ проѣхали благополучно. Вдали показалась татарская деревня Лашманка—цѣль моей поѣздки.

Это былъ мой первый визитъ въ голодающую деревню. Я никогда не забуду его.

Околица. Сѣрые, смоченные дождемъ, домики съ соломенными крышами. Въ серединѣ убогая мечеть. На вышкѣ минарета призывалъ къ вечерней молитвѣ „азанчай“. Снизу были отчетливо видны его сѣдая борода, зеленый, полосатый халатъ и бѣлая чалма. Въ воздухѣ прокатились и исчезли послѣднія слова его молитвеннаго призыва. Онъ отнялъ отъ ушей руки и, облокотившись на баллюстраду, началъ съ любопытствомъ вглядываться въ меня. Въ избахъ захлопали окошки. Высовывались характерныя татарскія лица, съ любопытствомъ смотрѣвшія на чужого человѣка.

Не успѣлъ я войти во „въѣзжую квартиру“, какъ дворъ наполнился толпой народа. Женщины стояли поодаль. Всѣ онѣ были въ грязныхъ, по яркихъ костюмахъ. Дѣти въ засаленныхъ тюбитейкахъ и желтыхъ халатахъ висѣли на окнахъ. На помостѣ около двери слышался гулъ голосовъ и крикливые возгласы. Толпа взрослыхъ громко, возбужденно говорила на своемъ языкѣ, жестикулируя и показывая пальцами на мою комнату.

Староста Ибрагимъ, высокій худой человѣкъ, и нѣсколько сѣдыхъ татаръ, сидѣли со мной и разсказывали о своемъ житьѣ-бытьѣ. Грустное ихъ житье. Голодъ уже вступилъ въ свои права.

— Больно плоха наша стала,—говорилъ Ибрагимъ.

— Лошадки та нэтъ, свечки та нэтъ, нисего нэтъ,—

повторялъ хозяинъ квартиры, сѣдой, со слезящимися глазами, татаринъ.

— А для дѣтей попечительская столовая есть?— спросилъ я.

— Есть, только...

Ибрагимъ оглянулся на дверь и наклонился ко мнѣ:

— Воровство, а не кормежка...

И всѣ вдругъ часто-ча то, съ негодованіемъ, заговорили:

— Хлѣбъ воруетъ, наживается, ребятъ бьетъ...

— Прогони, Александръ,—просилъ Ибрагимъ,— кровь нашу пьетъ... Царь прислалъ денегъ намъ, а онъ себѣ беретъ.

— Больно терпимъ отъ Хабибуллы...

Рѣчь шла о завѣдующемъ попечительской столовой. Бесѣда затянулась за полночь. Я уже зналъ положеніе деревни во всѣхъ деталяхъ. Разъ по десяти мнѣ передавали объ одномъ и томъ же. Я усталъ, хотѣлось остаться одному, чтобы разобраться во впечатлѣніяхъ. А татары сидѣли и продолжали тянуть свою грустную нескончаемую повѣсть...

Заморосилъ дождикъ. Спускались сумерки. При тускломъ освѣщеніи умирающаго дня вся эта оборванная, грязная толпа навѣвала невольную грусть. Въ сердцѣ заползала безотчетная тоска. По стѣнамъ шуршали и копошились тараканы. Сдѣлалось нестерпимо больно, физически больно. Болѣла голова, ныли усталые члены. Уйти куда-нибудь изъ этой душной комнаты. Казалось, что изъ каждой щели здѣсь глядѣла нужда. Подчасъ я уже ничего не видѣлъ предъ собою, все сливалось въ одну точку, прыгающую, мелькающую. Слышалъ только нескончаемую цѣпь словъ—жалкихъ, сверлящихъ душу:

— Больно плоха наша стала. Лошадки-та нэтъ, овечки-та нэтъ, нисего нэтъ...

Этихъ людей я гдѣ-то видѣлъ... Гдѣ? Тысячи разъ

ихъ видѣлъ... Во всѣхъ концахъ Россіи. И всѣ они одинаковы. Маленькіе, жалкіе... „Терпѣливые“,—какъ противно это слово. И все противно. И ноющую пѣсню эту я слышалъ милліоны разъ. И голодъ, и холодъ, и притѣсненіе. Все это до оскомины, до ненависти, до криковъ боли знакомо и противно...

Я склонился на нары. Какъ отчаянно болѣла голова. Какіе-то молотки опускались, били и вновь подымались...

— Лошадки-та нэтъ, овечки-та нэтъ, нисего нэтъ...

Утромъ проснулся опять съ головной болью. Картина не измѣнилась. Десятокъ татаръ смотрѣли на меня, какъ и вчера. На окнахъ висѣли ребята, а въ углу сарая стояла толпа женщинъ.

Мы начали съ Ибрагимомъ подворный обходъ. Нужды долго искать не пришлось. Она ежеминутно появлялась во всемъ своемъ безобразіи. Среднято достатка семьи доѣдали послѣднее. Много семей жили только 35-фунтовымъ пайкомъ земства. Но его въ этотъ мѣсяцъ долго не выдавали, такъ какъ провезти было нельзя въ распутицу.

Во многихъ домахъ хлѣбъ былъ необычайный, шоколаднаго цвѣта. Это лебеда. Иногда изъ него торчали хвостики отрубей и сѣрый слой простой грязи.

Что-то нечеловѣческое.

Не притворяются ли? Нетрудно положить предъ моимъ приходомъ кусокъ отвратительной смѣси. Я садился около дѣтей и, разговаривая, слѣдилъ. Они ѣли этотъ хлѣбъ ровно, спокойно, такъ, какъ ѣдятъ натуральный хлѣбъ. Такъ же ѣли его и взрослые за обѣдомъ.

— Мы привыкли,—говорили они,—все лучше, чѣмъ ничего.

Помню ребенка. Худенькія ручки, огромный отвислый животъ. Старческая серьезность на лицѣ. Онъ смотрѣлъ намъ въ глаза глубокимъ, не земнымъ взгля-

домъ и ѣлъ огромный кусокъ хлѣба изъ лебеды. Хрустѣлъ песокъ на зубахъ.

Навертывались слезы.

Въ попечительской столовой „Краснаго Креста" кормили ребятъ школьнаго возраста. Я зашелъ на обѣдъ. Попечитель Хабибулла смотрѣлъ на меня встревоженнымъ взглядомъ. Т хою грустью прозвучала предобѣденная молитва, пропѣтая однимъ мальчикомъ. Въ татарскихъ молитвахъ и пѣсняхъ есть что-то глубоко печальное. Какое-то воспоминаніе о великомъ, хорошемъ прошломъ и рыданія о невозвратномъ прошедшемъ. Ребята заработали ложками. Ѣли какую-то мутную, пустую, горячую жижицу. Хабибулла отвѣшивалъ полуфунтовые пайки хлѣба.

— Воруетъ, меньше даетъ,—шепталъ мнѣ на ухо Ибрагимъ.

Похлебкой обѣдъ начался и кончился. Я былъ уже на улицѣ. Вдругъ слышу крикъ.

Одинъ татарченокъ вылетѣлъ изъ двери и съ ревомъ растянулс на землѣ. Разъяренный Хабибулла появился на порогѣ дома:

— Нельзя такъ, говорю, нельзя... паршивый!

Для меня онъ говорилъ по-русски.

Что такое?—спрашиваю.

— Кусокъ взялъ... Зачѣмъ взялъ? А? Земскій не велѣлъ. Жри здѣсь!..

Мальчикъ рыдалъ.

— Сестрѣ взялъ, брату взялъ,—говорилъ онъ сквозь слезы.

— Укралъ?—спрашиваю.

— Какое укралъ,—поясняетъ возбужденный Ибрагимъ,—въ обѣдѣ не доѣлъ свой кусокъ и понесъ домой. Дома хлѣба нѣтъ, такъ сестрѣ...

— Нельзя такъ, говорю,—подскочилъ Хабибулла.— Въ столовой жри, а домой земскій не велѣлъ...

Онъ лгалъ. Паекъ выдавался въ полное распоряженіе

ребенка. Но контроля не было, а важное дѣло кормленія было передано „Краснымъ Крестомъ" сомнительнымъ людямъ. Хабибулла что хотѣлъ, то и дѣлалъ, съ голодными дѣтишками. Обвѣшивалъ, бралъ остатки себѣ. Тяжелая сцена.

Мальчикъ продолжалъ рыдать. Ему по моей просьбѣ дали кусокъ. Онъ бросился бѣжать съ нимъ къ голодной сестрѣ.

Во многихъ семьяхъ у женщинъ, особенно кормящихъ грудью, темныя, водяночныя лица. Цынга уже началась. Кровавые подтеки на ногахъ. И невыносимый запахъ въ избѣ.

Къ вечеру перваго дня мы обошли съ Ибрагимомъ одну улицу. Рядъ избъ выходилъ въ черное поле, гдѣ виднѣлся, мѣстами не стаявшій, снѣгъ. Въ у л бленія одиноко стоялъ домикъ безъ крыши и безъ двора. Я думалъ, что это погребъ или баня, и хотѣлъ пройти. Но изъ двери выглянула женщина, и староста попросилъ меня зайти.

Домикъ оказался людскимъ жильемъ. Я отворилъ дверь и очутился какъ будто въ темномъ погребѣ. Свѣтъ скупо проникалъ въ оконце, полузавѣшанное тряпкой. Двѣ трети помѣщенія занимала печка, но на ней, все-таки, нельзя было помѣститься взрослому человѣку. Остальное пространство было такъ узко, что разойтись двоимъ было трудно. На земляномъ полу красова ась лужа снѣговой воды.

Здѣсь жили *люди:* мать—вдова и двое ея сыновей. Съ печки глядѣло на меня блѣдное заплаканное личико въ разорванной рубашонкѣ и просаленой драной тюбитейкѣ. Около лужи, на полу, сидѣлъ другой мальчикъ и, видимо, дрожалъ отъ холода. Въ углу стояла, закрывъ лицо руками, мать. Было пусто и тихо, какъ у гроба.

— Неужели они здѣсь ночуютъ?—спросилъ я Ибрагима.

— Какъ придется, когда кто возьметъ къ себѣ на

ночь, въ теплѣ ночуютъ, а не возьметъ, и здѣсь остаются.

— Но гдѣ же? Неужели въ лужѣ?

— Они вѣдь нищіе,—пояснилъ староста.

Когда мы уходили, мать заплакала и, протягивая руки, о чемъ-то просила.

— Что она проситъ, Ибрагимъ?

— Съ утра не ѣли. Никто не подастъ,—у самихъ нѣтъ...

Дѣтское личико, все время испуганно смотрѣвшее на меня съ печки, вдругъ задергалось, сморщилось и разразилось громкимъ плачемъ. Мальчикъ, сидѣвшій въ углу, низко опустилъ голову.

Такъ живутъ люди! И сколько людей такъ живутъ, не видя просвѣта!

Черезъ недѣлю семья эта была принята въ новооткрытую столовую. А немного спустя Сахибя—такъ звали вдову — уже франтила въ новомъ костюмѣ, подаренномъ одной изъ пріѣхавшихъ на голодъ дамъ. Нужно было видѣть радость ея и ребятъ, также одѣтыхъ въ новые халаты. Довольная и счастливая улыбка не сходила съ лица ихъ за всѣ четыре мѣсяца кормленія. Нѣтъ сомнѣнія, что это время было самымъ счастливѣйшимъ періодомъ въ жизни этихъ несчастныхъ существъ, почувствовавшихъ себя хоть на короткое время людьми.

На другой день новая картина. Какая-то женщина бросилась предо мной на колѣни съ плачемъ.

— Что такое?—спрашиваю Ибрагима.

— Домъ свалился. Лошадь, значитъ, почесаться подошла...

— Что-о?

Анекдотъ какой-то! Идемъ на мѣсто „происшествія". Странный, грустный фактъ. Одинъ уголъ дома сѣлъ, старое бревно было выворочено.

— Неужели, лошадь?

— Да... сосѣдская.

Хорошъ домъ!

Женщина плакала. Она еле избѣжала опасности—домъ могъ рухнуть и задавить ее съ шестью дѣтьми.

— А новый домъ сколько стоитъ?

— Изъ кизяка рублей двадцать.

Припоминаю въ другой деревнѣ такой фактъ. Позвали къ цынготной. Идемъ со старикомъ, отцомъ больной. Прошли рядъ избъ, вышли въ поле.

— Куда же?—говорю.

— А вотъ, труба...

Смотрю: на землѣ стоитъ труба, изъ нея вьется дымъ. Жилище оказалось подъ землей. Грязь, сырость. Бѣдность непокрытая. Пятеро ребятъ, всѣ блѣдные, больные.

— Ты бы изъ кизяка устроилъ избу,—говорю старику.

— Плоха наша... Денегъ нѣтъ...

Такъ шли день за днемъ. Тяжелые, утомительные дни. Картины нищеты и болѣзней били по нервамъ.

Въ концѣ третьяго дня я уже чувствовалъ упадокъ силъ. Жалость и острота чувствъ спустились куда-то на дно. Осталось одно желаніе—уйти отъ этого ужаса, успокоиться.

Круглыя сутки я былъ одинъ. Днемъ обходъ. А вечеромъ десятокъ татаръ забирались ко мнѣ и или молча ѣли меня глазами, или возбужденно, со сверкающимъ взоромъ говорили о попечителѣ.

И было невыразимо жаль этихъ несчастныхъ людей. Безысходную нужду не могъ замаскировать возбужденный, повидимому, энергичный говоръ. Сквозь страстныя, горячія рѣчи слышались робкія рыданія. За дерзкимъ, смѣлымъ взглядомъ скрывалась вѣковая забитость...

Уходили они, садился надоѣдливый хозяинъ квартиры и тянулъ свою однообразную пѣснь:

— Лошадки-та нэтъ, овечки-та нэтъ...

И въ тревожномъ, кошмарномъ снѣ слышалась мнѣ эта пѣснь.

Просыпаясь, я видѣлъ на лавкѣ все того же татарина съ его печальной, тянущей за душу, пѣсней.

Въ постели цѣлая армія клоповъ и таракановъ терзала меня. Болѣла голова, ныли усталые члены.

Наконецъ, обходъ кончился. Получилось общее впечатлѣніе, что кормить надо всѣхъ. Своего хлѣба ни у кого почти не было.

Я объяснилъ старостѣ, что ѣду за провизіей и скоро пріѣду устраивать столовую.

Подали лошадь. Я предвкушалъ пріятное одиночество и отдыхъ. Но у околицы меня ждала новая неожиданность.

У крайняго дома собралась огромная толпа женщинъ и дѣтей. Она, какъ по командѣ, бросилась ко мнѣ. Поднялся плачъ, шумъ. Дѣти лѣзли подъ ноги лошади, женщины цѣплялись за поводъ, за сѣдло, тащили меня на землю и что-то по-татарски кричали. Мнѣ стало жутко. Чего они требуютъ? Вдругъ, знакомая русская фраза:

— Ашать (ѣсть) давай! Зачѣмъ уѣзжаешь?

Я долго объяснялъ, что ѣду за провизіей и скоро вернусь.

Всѣ были покойны, пока я говорилъ. Но какъ только я дернулъ лошадь, чтобы ѣхать, началось прежнее. Крикъ, плачъ, шумъ.

Кое-какъ съ тяжестью на сердцѣ выбрался я изъ толпы.

Оборванные, голодные люди, долго бѣжали за лошадью и громко кричали:

— Ашать давай!..

V.

Сифилитикъ.—Христіане за 10 рублей.—Василіи Васильевичи.—Зараженная деревня.

Каждый день я открывалъ новые и новые очаги голода и болѣзней. Картины голода были похожи другъ на друга и я скоро уже механически относился къ нимъ. Но къ болѣзнямъ я такъ и не могъ привыкнуть.

На одномъ большомъ церковномъ торжествѣ я видѣлъ скопившуюся около мощей толпу калѣкъ и уродовъ. Что это за страшное зрѣлище! Они ползали по полу, толкая и ненавидя другъ друга—эти ужасные люди-призраки... Мнѣ казалось, что они пришли сюда съ злораднымъ намѣреніемъ отравить и безъ того печальную человѣческую жизнь. Я ждалъ, что калѣки вотъ-вотъ вскочатъ на самое высокое святое мѣсто, и потрясая лохмотьями, обнаживъ свои гнойныя раны и уродливости, захохочутъ въ лицо всему человѣчеству...

Такое же давящее, угнетающее впечатлѣніе получилось и отъ картины болѣзней голодающаго населенія.

Помню, искали мы съ ямщикомъ дорогу и заѣхали въ деревню. Постучались въ окно крайней избы. Оттуда выглянула молодуха.

— Дорогу до Гундоровки?..—переспросила она.

Въ это время изъ глубины избы послышалось властное: „зови въ избу“.

— Зайди,—сказала молодуха и захлопнула окно.

Чистая деревенская изба. Бѣлая, русская печь, занявшая чуть не полкомнаты, палати съ ворохомъ шубъ и перинъ, безпорядочно набросанныхъ, коникъ около двери, лавка вдоль стѣнъ и огромная божница въ углу съ ярко расшитымъ полотенцемъ на иконѣ.

На лавкѣ сидѣлъ крестьянинъ, лѣтъ сорока, въ

синей самотканной рубахѣ и теплыхъ сапогахъ. Лобъ его былъ повязанъ грязной, на первый взглядъ показавшейся мнѣ просмоленной, тряпкой. Блѣдное худое лицо выдавало изнурительную болѣзнь.

— Дорогу тебѣ до Гундоровки,—тяжело заговорилъ онъ,—да она тутъ за лѣсомъ прямо пойдетъ.

Помолчавъ немного, онъ пытливо взглянулъ на меня и спросилъ:

— А ты не изъ фершаловъ ли будешь?

И не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Я вотъ всю зиму маюсь; посмотри-ка, господинъ, не скажешь ли чего!

Онъ повернулся къ стѣнѣ и началъ осторожно отдѣлять тряпку отъ лба. Я внутренно вздрогнулъ, предчувствуя, что буду свидѣтелемъ чего-то ужаснаго. Послышался трескъ: присохшая, грязная тряпка отдиралась отъ наболѣвшаго человѣческаго тѣла. И предо мною предстала во всемъ своемъ страшномъ безобразіи гнойная рана, занявшая всю длину лба. Казалось, что лобная кость была съѣдена вся. Впадина раны по краямъ была черна, какъ будто вымазана грязью.

Больной сидѣлъ, низко опустивъ голову и упираясь обѣими руками въ лавку.

— Всю зиму маюсь,—какъ-то виновато заговорилъ онъ.—И чѣмъ-чѣмъ не лечилъ!.. Намедни Прохоръ изъ Чесноковки сказывалъ, что копоть больно помогаетъ... Встань, говоритъ, съ зарей, зажги лампу, да накопти на ней топоръ, а потомъ собери копоть-то, да и мажь... Я вотъ ужъ пятый разъ мажу, а все нѣтъ легче...

— А у доктора былъ?—спросилъ я.

— То-то вотъ не былъ. И живетъ онъ отъ насъ недалече, да лошадь-то все занята: то по дрова поѣдутъ на ней, то по хозяйству. Такъ все и не приходилось съѣздить-то.

Страшный видъ зіяющей раны, безпомощность больного и сознаніе того, что самъ я ничѣмъ не могу помочь

несчастному, подѣйствовали на меня подавляющимъ образомъ. Я опустился на лавку и не сразу нашелся что сказать.

Потомъ я долго говорилъ, съ цѣлью утѣшить больного и заронить надежду на выздоровленіе. Говорилъ, что болѣзнь пройдетъ, но вылечить ее можетъ только докторъ, къ которому и совѣтовалъ ѣхать немедленно.

Когда я выходилъ изъ избы, по лицу больного, на которомъ вначалѣ промелькнули было ож вленіе и надежда, можно было замѣтить, что мой совѣтъ его не удовлетворилъ. Голова съ зловѣщей раной на лбу опустилась, какъ будто, еще ниже, вся фигура несчастнаго выражала полную безпомощность.

На крыльцѣ догнала меня женщина и спросила:

— Порошковъ, баринъ, нѣтъ-ли? Али мази какой?

— Къ доктору ступайте, онъ дастъ,—совѣтовалъ я.

Она проводила меня недоумѣвающимъ взглядомъ и скрылась за дверью.

На югѣ моего участка лежало село Д. Населяли его чуваши.

Безотраднѣе жизни этого племени я не видалъ ничего. Во всей обстановкѣ его быта что-то задушенное, загнанное, животное, умирающее. Большая половина чувашъ идолопоклонники. И это, кажется, лучшая половина. Бѣднота—христіане. Въ тяжелые голодные годы они массами обращались въ христіанство, такъ какъ каждому оставившему язычество платили по 10 руб. въ видѣ поощренія. Конечно, и съ крестомъ на шеѣ они оставались идолопоклонниками. Всѣ обращенные звали себя Василіями Васильевичами. Цѣлыя деревни состояли изъ Васильевъ Васильевичей. Причина простая—священника тамъ звали Василіемъ. Оттого и обращенные звались такъ.

Подойдешь, бывало, къ дому такого Василія Васильевича и думаешь: входить или нѣтъ. Топятъ чуваши

по-черному. Дверь низкая, едва пролѣзешь. Дымъ клубами валитъ изъ темной впадины.

Нѣтъ, думаешь, лучше вызвать сюда.

Вылѣзаетъ Василій Васильевичъ. Грязный, ужасный. Онъ спитъ въ избѣ вмѣстѣ съ коровами и овцами. Глаза воспаленные, слезящіеся. Трахома—національная болѣзнь чувашей. Движенія сонныя, лѣнивыя.

— Какъ дѣла?—спрашиваешь.

— Нисего...

— Хлѣбъ есть?

— Нѣту... хлѣба нѣту...

— Здоровъ?

— Нисего...

Смотришь: ноги въ цынготныхъ кровоподтекахъ, глаза въ трахомѣ, подозрительныя шишки на ногахъ.

Записываешь въ книжку.

— Какъ зовутъ?

Молчаніе.

— Какъ зовутъ, спрашиваю. Ты христіанинъ?

— Христьянинъ.

Какъ же зовутъ?

— Ящерякъ.

— А христіанское имя?

— Забылъ, господинъ...

Крестъ, данный при крещеніи, носитъ,—боится..., а имя забылъ; другъ друга всѣ чуваши зовутъ языческими именами.

Изъ такихъ Васильевъ Васильевичей состоитъ село Д.

Пріѣхалъ вечеромъ. Въ селѣ тихо, какъ будто все вымерло.

— Ну, какъ у васъ, голодаютъ?—спрашиваю хозяина въѣзжей квартиры.

— Нисего... живутъ.

— Болѣютъ?

— Не шибко...

— Мрутъ?

— Бываетъ...

Утромъ началъ подворный обходъ. Хлѣба мало, а въ нѣкоторыхъ домахъ нѣтъ совсѣмъ. Осматриваю у каждаго ноги. Вижу пятна, кровоподтеки. И, кромѣ того, язвы и шишки.

— Что такое?—думаю.—Цынгу различаю. А что означаютъ эти язвы и шишки?

Иду далѣе. Въ каждой избѣ—цынга и язвы. Обошелъ уже двадцать домовъ—вездѣ одно и то же. Всѣ въ цынгѣ...

Молніей пронеслась догадка:

— Вѣдь это сифилисъ, и на его почвѣ цынга.

Не хватило силъ продолжать обходъ.

Что-то страшное. Послѣ я пріѣзжалъ сюда съ врачемъ, онъ нашелъ, что вся деревня въ двѣсти дворовъ заражена сифилисомъ. Сифилисъ у взрослыхъ и у грудныхъ дѣтей. У крестьянъ, у учителя, у причта.

Въ избахъ трупный запахъ. Язвы на лицѣ, головѣ, ногахъ. Деревня гніетъ и разлагается. Врачъ въ 30-ти верстахъ. Никто къ нему за помощью не обращается. Сифилитики живутъ, какъ на прокаженномъ островѣ.

Вечеромъ, когда я ложился спать, до меня донеслись какіе-то звуки. Прислушиваюсь: пѣніе. Скорбное, унылое, погребальное.

— Что это такое?—спрашиваю хозяина.

Онъ смутился и замялся.

— Говорилъ имъ нельзя, не велѣно, а они... все свое. Пойду скажу...

— Да что такое?

— Дѣвки собрались, хороводы водятъ... Говорилъ—не велѣно...

Я остановилъ его. Прислушиваюсь,—ни одного веселаго аккорда. Что-то заунывное, тягучее. Послѣднее прости суровой судьбѣ. Улыбка мертвеца. Такъ весе-

лится умирающая, гніющая деревня. Жутко. Страшно.

Съ погребальнымъ звономъ живутъ эти полулюди. Когда-нибудь и здѣсь было весело, но голодъ, болѣзни, забитость вытравили все веселое, все живое, человѣческое. Осталось больное, животное существованіе...

VI.

Работа интеллигенціи.—Женщины.—Г-жа Левицкая.

Въ этотъ годъ русская интеллигенція пережила свою раннюю весну. Самую красиву , лучезарную весну, когда небо дышетъ тепломъ, а земля улыбается первымъ побѣгомъ сочной, зеленой травы.

Общество на сердечное дѣло кормленія голодающихъ выслало свою молодежь для практики душъ. Такого неподдѣльно чистаго подъема силъ я не наблюдалъ послѣ. Послѣдующій общественный подъемъ „девятой волны" неизмѣримо выше по идеѣ и результатамъ. Но онъ пропитанъ жестокостью кровавой борьбы...

Тогда же забыли философію, не гадали о будущемъ, не разсуждали, а просто взяли и вложили тихо и незамѣтно свое сердце въ маленькое дѣло. И было тепло. Работалось бодро. Вѣрилось въ жизнь, въ побѣду труда и свѣта.

Я съ удовольствіемъ возстанавливаю въ памяти лица двухъ студентовъ петербургскаго университета, пріѣхавшихъ къ намъ на голодъ. Они был евреи, изъ богатыхъ семей Петербурга. Къ ихъ франтоватому костюму не шла сѣрая, грязная обстановка голодающей деревни. И намъ казалось, что не пройдетъ и недѣли, какъ ихъ опять потянетъ въ Петербургъ.

Но этого не случилось. Вышло наоборотъ. Они быстро освоились, пріобрѣли деревенскій видъ и какъ работали! У этихъ щеголей все кипѣло въ рукахъ. Столовыя ихъ были образцовыя. Крестьяне ихъ любили.

Помню гимназиста, кажется, Тверской гимназіи— М. Л. Онъ бросилъ г мназію и пріѣхалъ на голодъ съ одной цѣлью:

— Помочь.

Работалъ самоотверженно.

И много было такихъ.

Но пальму первенства я отдалъ бы женщинамъ. Трудно себѣ представить, какую любовь вкладывали онѣ въ дѣло.

Одна курсистка долго жила въ томъ селѣ Д., въ которомъ всѣ ж тели были сифилитиками. Она это знала, но упорно не хотѣла уѣхать:

— Кто же этимъ несчастнымъ поможетъ,—говорила она.

Почти ничего не ѣла, боялась ко всему прикоснуться, но все-таки жила.

Была у насъ общая любимица—Е. Н. Женщина уже пожил я. Глубоко интеллигентная, тонко чувствующая. Мнѣ казалось, что около ея сѣдѣющей головы всегда стояло облако свѣта и чистоты...

Она говорила тихо, но выразительно. Самый пошлый человѣкъ остановился бы и не сказалъ двусмысленности въ ея присутствіи. Мы звали ее:

— Святая.

Въ прошломъ у нея былъ романъ. Она была любима, любила сама до самопожертвованія. Но... минуло счастье и она осталась одна...

Судьба кинула ее въ чувашское село. Она скоро покорила угрюмыхъ, недовѣрчивыхъ дикарей. Около ея избы всегда стояла толпа. Особенно полюбили ее дѣти.

Она кормила въ столовой и кое-чѣмъ лѣчила.

Какъ-то пріѣзжаю къ ней. Смотрю—у ней красный, воспаленный глазъ.

— Что съ вами?

— Вчера борной водой промывала дѣвочкѣ рану на ногѣ. Она мнѣ чихнула въ глаза. Да это пустяки!

Но я поѣхалъ за докторомъ. Дѣвочка была сифилитичка, я это зналъ. Къ счастью все обошлось благополучно.

Когда она уѣзжала бабы и дѣти плакали. А мужчины толпой провожали ее за околицу и все „наказывали“:

— Ты намъ пиши!

Однажды мнѣ принесли телеграмму: „Ради Бога прошу принять въ число завѣдующихъ столовой безъ жалованья. Левицкая“.

Датирована какимъ-то южнымъ городомъ.

Меня поразило это „ради Бога“.

Кормленіе уже кончилось и наступило время яселъ. Я отвѣтилъ: „предлагаю завѣдывать яслями“. Черезъ недѣлю Левицкая пріѣхала.

Это была молодая, красивая женщина. Съ смуглымъ лицомъ, темными густыми волосами и карими глазами. Типичная хохлушка.

Говорила тихо, медленно. Когда разговорились, я замѣтилъ, что на ея лицѣ застыло выраженіе какого-то горя. Она страдала... Но отчего? Вздумалъ было спросить о ея домѣ, семьѣ, она умѣло перевела разговоръ на другое...

Я послалъ ее въ одно татарское село.

Татары косо смотрѣли на „ясли“:

— Не крестить ли берутъ дѣтей?

Пріѣзжаю черезъ недѣлю. Левицкая въ татарскомъ костюмѣ. Кругомъ нея дѣти, цѣпляются за юбку, лѣзутъ, что-то болтаютъ по-своему ласковое. Суровые старики улыбаются.

Побѣдила.

Чистота въ ея ясляхъ образцовая. Дѣти вымыты, причесаны. Передъ обѣдомъ молитва. Маленькій татарченокъ звонкимъ голоскомъ пропѣлъ заунывный призывъ къ Богу благословить хлѣбъ. Всѣ сидѣли, какъ загипнотизированные. Я взглянулъ на Левицкую, у нея въ глазахъ стояли слезы.

Послѣ обѣда она провела меня въ свою избу. На нарахъ кто-то лежалъ подъ горой одѣялъ и одежды.

— Это бѣдная Фатьма. Съ ней лихорадка,—сказала Левицкая.

— Почему она у васъ?

— Въ домѣ ея отца такая бѣдность, что она бы тамъ умерла.

Дѣвочка умирала, когда Левицкая нашла ее: она была истощена, лежала не двигаясь, а ее кормили мякишемъ чернаго хлѣба, размоченнымъ въ водѣ. Левицкая стала просить дѣвочку у родителей. Отецъ сурово заявилъ:

— Она умретъ скоро. Что въ ней? Корми сына— онъ работникъ будетъ.

— Я буду кормить и сына, и Фатьму.

— Она умретъ скоро, говорю...

Кое-какъ отецъ позволилъ взять Фатьму. Левицкая перенесла ее къ себѣ и стала ухаживать за ней. Дѣвочка была, какъ восковая.

На печи у Левицкой былъ другой паціентъ-старикъ. Онъ еле двигался.

— Да у васъ тутъ цѣлая больница!

Недѣли черезъ двѣ старикъ умеръ, а Фатьма стала двигаться. Она воскресала. На желтомъ личикѣ появился слабый румянецъ. Дѣвочка стала ходить. Кушала уже съ дѣтьми.

Какъ-то мы говорили съ Левицкой о ней.

— А что будетъ съ ней послѣ насъ?—задала вдругъ Левицкая тяжелый вопросъ.

— Уйдетъ къ отцу,—говорю.

— Но, вѣдь, это смерть?

— Что же мы можемъ сдѣлать?

Левицкая ходила послѣ этого печальная и чаще ласкала Фатьму. Дѣвочка отъ нея не отходила.

Всегда я заставалъ около Левицкой большое сборище бабъ и мужиковъ изъ окрестныхъ деревень. Они приходили лѣчиться.

— Досадно, что я не медичка,—говорила она мнѣ. Не знаю, чѣмъ имъ помочь?

Она кормила ихъ горячимъ супомъ, поила молокомъ. Раны обмывала борной водой. Давала простыя средства: хининъ, дѣленое масло и др. Когда болѣзнь была серьезна, она нанимала на свой счетъ подводу и отправляла больного или больную на земскій пунктъ, снабжая письмомъ къ врачу.

Левицкую скоро узнали всѣ въ окружности и стали уважать. Врачъ особенно внимательно осматривалъ ея больныхъ.

Ей часто приходили откуда-то письма. Я по ея просьбѣ посылалъ ихъ съ нарочнымъ. Но однажды долго не было писемъ. Она пріѣхала взволнованная.

— Нѣтъ,—спрашиваетъ.

— Нѣтъ.

— Боже мой, что тамъ?

Она, видимо, переживала тяжелую минуту. Но не говорила ни слова. Къ вечеру уѣхала въ свое село.

Черезъ два дня ей пришла телеграмма. А черезъ недѣлю она была у меня, осунувшаяся, поблѣднѣвшая.

— Уѣзжаю. Простите, ради Бога!..

Минута тяжелой паузы.

— Силы оставили. Мужъ... въ тюрьмѣ, двое дѣтей... Нужно ѣхать.

Слезы блеснули у ней на глазахъ.

— А какъ же Фатьма?—задала она вдругъ вопросъ, и на лицѣ ея отразился ужасъ.

Я не отвѣтилъ.

— Она, вѣдь, умретъ?.. Силъ нѣтъ...

Посидѣла немного молча и поднялась. Слезы текли у ней по лицу.

— Съ татарами не прощалась, нервы не выдержать. Побывайте, ради Бога, у Фатьмы. Она ушла къ отцу такая печальная... какъ будто я ее обидѣла...

И уѣхала, оставшись загадкой. Даже куда уѣхала не сказала.

Всѣ онѣ такія были, эти русскія женщины... Или тихія, таинственныя, глубокія и чистыя. Или радостныя, живыя, ясныя... Но и тѣ и другія съ сердцемъ, полнымъ глубокой любви къ страдающему народу, сердцемъ, жадно просящимъ подвига...

И тамъ, въ голодающихъ селахъ, онѣ мелькали, какъ яркія звѣзды. Появятся, освѣтятъ темноту и, затѣмъ, тихо скатятся куда-то въ пространство, въ бездну... Но слѣдъ долго остается—такой прекрасный, свѣтящійся.

VII.

„Описка" и что отъ нея произошло.

Знойный іюль. Поля стоятъ желтыя. Спѣлые колосья ржи и пшеницы, наклонивъ свои печальныя, осужденныя головки, ждутъ своего палача-жнеца. Еще нѣсколько дней, и желтая, безжизненная равнина запестритъ красными и бѣлыми рубашками, замелькаютъ надъ моремъ колосьевъ однообразные взмахи жней и косцовъ, послышится заунывная страдная пѣсенка, и безсильная желтая рать упадетъ къ ногамъ человѣка.

Я ѣхалъ по своему „голодному району" въ послѣдній разъ. Столовыя, гдѣ кормились голодающіе, постепенно закрылись. Больнички, гдѣ лежали цынготные больные, были уже пустыми. Выздоровѣвшіе ушли на заработки. Все радовалось, радовался и я: скоро на далекій, род-

вой сѣверъ. Захотѣлось опять окунуться въ гомонъ столичной жизни. Слишкомъ ужъ тяжела и однообразна была жизнь въ этой заволжской глуши.

Я ѣхалъ знакомыми мѣстами. Вотъ оврагъ около Сотникова хутора. Помню весной, онъ доставилъ мнѣ массу хлопотъ и непріятностей при переправѣ. Теперь на днѣ его тихо и незамѣтно струился между зелеными берегами маленькій ручеекъ. Направо на возвышеніи красуется сосновая роща, какъ золотомъ облитая косыми лучами заходящаго солнца. А вдали вырисовывалась мельница и минаретъ деревни Лашманки.

Вотъ и околица. Заскрипѣли ворота. Сторожъ Хуснеддинъ, высокій худой татаринъ, обыкновенно встрѣчалъ меня улыбками и поклонами. На этотъ разъ онъ былъ необычно суровъ. Осмотрѣлъ меня, отворилъ околицу и молча проводилъ недружелюбнымъ взглядомъ.

Что бы это значило?

На улицахъ необычное движеніе. Хлопали калитки, татары и татарки спѣшили куда-то и шли по направленію къ мечети. Я вновь поймалъ въ толпѣ два-три неласковыхъ взгляда.

— Что тутъ такое, Иванъ?—спросилъ я ямщика.

— Что-то неладное...—тревожно отвѣтилъ онъ.

Онъ задержалъ лошадей. Мы поѣхали медленнымъ шагомъ. На горѣ, около въѣзжей квартиры видна была густая толпа народу. Слышался гулъ голосовъ. Когда мы подъѣхали ближе, можно было различить угрожающіе крики, плачъ ребятишекъ и какой-то вой, видимо, женщинъ. Толпа, волнуясь, и выкрикивая что-то, двинулась навстрѣчу мнѣ и кольцомъ окружила тарантасъ. Впередъ выступилъ мой пріятель, староста Ибрагимъ. Обыкновенно серьезный, даже сумрачный и тихій человѣкъ, онъ былъ неузнаваемъ. Красный отъ волненія, съ растрепанной бородой, онъ отчаянно жестикулировалъ руками, держа въ одной рукѣ какую-то бумагу. Вскочилъ на подножку тарантаса и воскликнулъ:

— Выручай, Александръ! Больно плоха наше дѣло!

— Не желаемъ вашу вѣру, не желаемъ,—неожиданно выкрикнулъ мнѣ кто-то въ лицо...

— Не желаемъ, не желаемъ,—зашумѣла толпа.

Я взялъ изъ рукъ Ибрагима бумажку. Это былъ обыкновенный отпускной билетъ, выданный изъ волостного правленія крестьянину д. Лашманки, Миннигали Ильясову.

— Въ чемъ дѣло?

Ибрагимъ ткнулъ пальцемъ въ то мѣсто, гдѣ было напечатано слово: „вѣроисповѣданія“ и я увидѣлъ бойкимъ, писарскимъ почеркомъ выведенное слово: „православнаго“. Все было ясно. Роковую ошибку содержали въ себѣ всѣ билеты, выданные волостнымъ правленіемъ восемнадцати лашманскимъ татарамъ, ушедшимъ дней шесть тому назадъ на заработки въ сосѣдній уѣздъ.

Слово за слово, и предо мной обрисовалась чрезвычайно грустная повѣсть. Эти несчастные восемнадцать татаръ съ женами и дѣтьми отправились въ Бугурусланскій уѣздъ и нанялись жать въ одномъ крупномъ имѣніи. Конторщикъ этого имѣнія, разбирая билеты рабочихъ, увидалъ слово „православнаго“. Писецъ описался. Волость состояла изъ деревень и селъ съ преимущественнымъ христіанскимъ населеніемъ. Писецъ, всегда какой-нибудь мальчикъ, на всѣхъ билетахъ написалъ: „православнаго“. А, можетъ быть, это было простое озорничество. И это бываетъ. Конторщикъ имѣнія не былъ настолько уменъ, чтобы промолчать объ ошибкѣ, а началъ смѣяться надъ татарами:

— Теперь вы всѣ христіане, вотъ и въ билетахъ написано...

Встревожились татары... Собрались, начали обсуждать положеніе. Пошли въ контору и потребовали билеты. Когда убѣдились, что конторщикъ не вретъ, съ шумомъ и плачемъ бросили работу, посадили женъ

и дѣтей на свои телѣги и въ страхѣ помчались въ родную деревню. Поднялась на ноги вся Лашманка. Татары были увѣрены, что ихъ хотятъ сдѣлать христіанами. Фанатикъ-мулла только подлилъ масла въ огонь.

— Не желаемъ ихъ вѣру!—кричали татары.

— Не хотимъ свинью ашать!..

Въ эту минуту я и попалъ въ обезумѣвшую отъ страха деревню. Возбужденіе достигло высшаго предѣла. Дѣти плакали, женщины съ полными отъ слезъ глазами жестикулировали и пронзительно кричали. Красныя, потныя ли а мужчинъ были искажены злобой и ненавистью. Всѣ звуки смѣшались и образовали гулъ. Я попробовалъ успокоить толпу и объяснить недоразумѣніе съ билетами. Но меня не слушали. Около тарантаса стоялъ содомъ.

— Ошибка? Нѣтъ не ошибка, — кричалъ Ибрагимъ,—давно хотятъ намъ крестъ надѣть... Знаемъ мы...

Убѣжденіе было безполезно, да и небезопасно.

Въ концѣ концовъ было рѣшено завтра же отправиться къ земскому начальнику за объясненіемъ.

На другой день я пришелъ въ волостное правленіе, гдѣ помѣщалась пріемная и канцелярія земскаго. Тамъ уже были десять лашманцевъ съ старостой во главѣ. Они встали рано. Да и ложились ли? Прошли 12 верстъ и теперь со страхомъ дожидались своей участи. По татарскому обычаю они сидѣли на полу на ногахъ и угрюмо смотрѣли внизъ.

Когда пришелъ земскій, Ибрагимъ поднялся съ пола, сбивчиво сталъ ему объяснять, въ чемъ дѣло, и передалъ отпускные билеты. Земскій ушелъ въ другую комнату. До насъ долетѣли обрывки словъ:

— Описка, помощникъ описался, ваше высокоблагородіе,—оправдывался писарь.

— Да вы-то чего смотрите?

Земскій бранилъ кого-то. Скоро онъ вышелъ къ татарамъ.

— Слышь, Ибрагимъ-азбы,—обратился онъ къ старостѣ,—описка вышла, описка. А на вашу вѣру никто не посягалъ... Что вы?

Татары слушали молча, вперивъ глаза въ полъ. Они не поняли словъ земскаго, и послѣ его обращенія повалились ему въ ноги и начали бормотать:

— Не желаемъ... не желаемъ... вашу вѣру... не губи!..

Тогда старшина началъ перадавать имъ слова земскаго начальника по татарски. Когда онъ кончилъ, земскій нетерпѣливо и раздраженно спросилъ:

— Поняли, что ли?

— Поняли,—отвѣтилъ Ибрагимъ.

Но по лицамъ было видно, что недовѣріе не улеглось, и въ глубинѣ душъ этихъ несчастныхъ людей еще копошилось сомнѣніе,—не обманываютъ ли ихъ, не хотятъ ли сейчасъ только успокоить, а потомъ и кресты на шею надѣть? Земскій давно ушелъ, а лашман ы все сидѣли на пол , не мѣняя позы. Правленскій сторожъ, наконецъ, прогналъ ихъ на улицу. Здѣсь они отошли въ уголокъ и заговорили на своемъ языкѣ, сначала тихо и какъ-то безнадежно, уныло,—они и сейчасъ, видимо, ничего не понимали,—а потомъ все болѣе и болѣе возбуждаясь...

Ибрагимъ въ чемъ-то убѣждалъ, жестикулируя.

— Описка,—поймалъ я роковое слово въ его рѣчи.

— Описка, — безсознательнымъ эхомъ повторилъ кто-то изъ толпы.

Потомъ разговоръ сразу оборвался, вскрикиванія и возгласы умолкли, головы наклонились въ недоумѣніи предъ непонятнымъ и горькимъ фактомъ. Толпа двинулась въ обратный путь. Она понесла свое горе, обиду, сомнѣнія и недоумѣнія въ родную деревню... Тамъ на цѣлый годъ хватитъ разговора, страховъ и плача...

ГОЛОДЪ 1911 - 1912 ГГ.

4

1.

Первая вѣсть.—Самарскій голодъ.—„Сами справимся“.—„Частной помощи не требуется“.

Въ глуши Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, есть два села: Мокша и Александровка. Крестьяне этихъ селъ съѣли свой хлѣбъ еще въ сентябрѣ. Продали скотъ, а впереди длинная зима. Что дѣлать? Ждали помощи, но не дождались. Собрали сходъ, и приговоромъ уполномочили жену лавочника, интеллигентную крестьянку Н. Г. Гаеву, „ходатайствовать передъ правительствомъ объ открытіи въ селеніи столовыхъ“...

Н. Г. Гаева была въ Москвѣ въ октябрѣ 1911 года и принесла первыя яркія вѣсти о голодѣ. Въ газетахъ сообщалось о бѣдствіяхъ и до нея, но въ выраженіяхъ „осторожныхъ“, которыя не будили спавшей человѣческой совѣсти...

Она со слезами на глазахъ разсказывала:

— Послали меня крестьяне и, провожая, говорили: „Добейся чего-нибудь, не помирать же намъ съ голоду! Люди мы, а не собаки!..“

— Что же добились?—спрашиваю.

— Неловко ѣхать обратно. Ничего не могла сдѣлать. Много вездѣ обѣщали, а толку никакого. Вотъ везу только 25 рублей, барыня одна московская дала...

— Мало.

— На недѣлю хватитъ прокормить дѣтей...

Она разсказывала, что лошади у нихъ идутъ уже по 4 рубля. Крестьяне боятся оставлять ихъ на зиму— „все равно издохнутъ съ голода“ — и продаютъ. Теплая одежда заложена за хлѣбъ въ Самарѣ. Земля идетъ нипочемъ. Девятнадцатидесятинный надѣлъ продаютъ за 300—400 рублей. Это выходитъ меньше, чѣмъ да 20 рублей десятина.

— До голода у насъ не знали о законѣ 9-го іюня... Можетъ быть, и знали, но жили все-таки міромъ. А теперь мужикамъ сказали въ волости, что они могутъ продать надѣлы. Они плачутъ и продаютъ. Что идетъ у насъ сейчасъ въ селахъ, — страсть! Укрѣпляютъ за собой надѣлъ и спускаютъ за безцѣнокъ. Навѣкъ нищими остаются... Пріѣхалъ къ намъ хохолъ изъ Екатеринославской губерніи, созвалъ народъ на сборню и говоритъ:

— Кто желаетъ продать души? Покупаю.

Сразу записалось 132 человѣка. Крикомъ-кричатъ, а продаютъ.

Гусей, утокъ, куръ обозами отправляли въ городъ, брали за нихъ, что дадутъ. Корова, стоящая 60 рублей, продавалась за 12, да и эту цѣну напросишься,—никому не нужны тощія коровы. Но теперь многимъ уже и продавать нечего. Бабы воютъ... Дѣтишки,—знамо, маленькія, глупыя—хлѣба просятъ, а гдѣ взять? Была свинья у моей сосѣдки, хотѣла продать—никто не беретъ. Зарѣзали да безъ хлѣба и съѣли. А мужикъ, мужъ ея, „съ испугу“ залѣзъ на печку да и лежалъ дня два внизъ лицомъ, молча, какъ нѣмой... 80-лѣтній старикъ намедни пришелъ, упалъ на колѣни и проситъ: „Дай, Христа ради, кусокъ хлѣба!“

Вечеромъ теперь темно въ деревняхъ,—не зажигаютъ лампъ, не на что керосина купить. Захожу я какъ-то къ сосѣду, спрашиваю: „Гдѣ жена?“ — Ушла,—говоритъ,—Христа ради просить, вечеромъ-то не такъ стыдно“... А мужикъ, между тѣмъ, трезвый, работящій. Говоритъ, а у самого слезы на глазахъ... Живетъ отъ насъ неподалеку переселенецъ-хохолъ. У него девятеро дѣтей. Хлѣба у него „нема“. „Что будешь дѣлать?“ — спрашиваю. А онъ, наивный, говоритъ: „Двухъ дѣвокъ въ Самару отвезу, можетъ, кто возьметъ!“ А жена говоритъ: „Пробовала я не ѣсть подолгу,—нѣтъ, хочется“... Богъ ее знаетъ, шутитъ ли, или отъ страха... Страхъ великій обуялъ деревню... Людей не узнаешь. Ходятъ, какъ тѣни... Что у нихъ на умѣ,—не знаешь... Вспомнила еще одинъ случай. У одного крестьянина 14 человѣкъ семьи. Ѣсть имъ нечего: съ семи десятинъ запашки получилъ пять пудовъ тощаго зерна. „Лишній“ скотъ продалъ. Остались двѣ лошади, продавать ихъ жалко. Ему давали 9 руб. за пару, а у него 4 сына работника. „Какой же я хозяинъ буду безъ лошадей“, — говорилъ онъ. Рѣшилъ продать половину земельнаго надѣла, приходитъ къ богачу и Христомъ-Богомъ молитъ купить: „Сдѣлай божескую милость!“ Три дня умолялъ. Наконецъ, тотъ „смилостивился“.—„Ну, такъ и быть,—выручу“. И купилъ у него 9½ десятинъ за 150 дуб.

— Неужели никакой помощи?—спрашиваю я. — А общественныя работы?

— Эти работы—одно горе. Прежде всего, далеко не всѣ голодающіе ими заняты. Потомъ на работы предпочитаютъ брать съ лошадью, а безлошаднымъ отказываютъ. Обстановка работы ужасная: гдѣ-нибудь среди степи, за 8—10 верстъ отъ жилья, въ грязи, въ стужѣ... У мужиковъ теплой одежды нѣтъ, а приходится жить и работать въ холодѣ. Несчастныя, тощія клячонки ихъ еле тащутъ тачку съ землей. Часто на дорогахъ валятся и издыхаютъ. Обезумѣвшій отъ горя и страха мужикъ возвращается домой безъ лошади... Плата маленькая. Рыли у насъ землю въ одномъ мѣ-

стѣ, плотину строили, такъ съ кубика давали 2 р. 25 к., а работали этотъ кубикъ 6—8 человѣкъ съ 2-мя лошадьми и на работу употребляли два дня...

Оказывается, уже и „голодныя“ болѣзни появились. Сейчасъ осень, что же будетъ зимой и весной?

— Цынга у насъ и тифъ... Въ городѣ объ этомъ не знаютъ...

— Не доносятъ. Шуму боятся...

Н. Г. Гаева была въ Самарѣ. Зашла въ губернское земство. Ее радушно тамъ встрѣтили. Она спросила:

— Будетъ какая-нибудь помощь отъ земства?

— Самостоятельно выступать губернаторъ запретилъ,—отвѣтили ей.—„Самъ справлюсь“, — сказалъ онъ.

Господи, какая это старая, „средневѣковая“ исторія! Хоть бы придумали для разнообразія новую варіацію!..

Въ то время уже было извѣстно, что пироговскому обществу запретили непосредственную помощь. О частныхъ организаціяхъ, какія были въ голодные 1897—1898 гг., нельзя было и заикаться.

Время суровое.

Самъ собой напрашивается вопросъ: впередъ мы идемъ или назадъ?

Въ самомъ дѣлѣ, въ 1898 году самарскій частный кружокъ спасъ тысячи людей отъ голодной смерти. Прошло 13 лѣтъ; въ Таврическомъ дворцѣ у насъ „слава Богу, конституція““... Но частную непосредственную помощь не допускаютъ. „Сами справимся“,—говорятъ.

Я получилъ тогда же нѣсколько писемъ. „Умоляютъ“ отвѣтить:

— Куда и къ кому обратиться, чтобы командировали на голодъ?

Видно было горячее желаніе общества „спуститься“ къ несчастному народу и чѣмъ-нибудь помочь.

— Скажу вамъ откровенно,—сообщала одна сестра

милосердія, — мое единственное, годами выношенное желаніе,—„сгорѣть на работѣ“, раствориться въ ней. Не думайте, что становлюсь на ходули, не обидьте меня недовѣріемъ...

А одинъ юноша писалъ:

„Мнѣ бы хотѣлось помочь, но чѣмъ? Денегъ у меня нѣтъ. Я и рѣшилъ поѣхать въ голодающія губерніи и дѣлать для мужиковъ все, что въ силахъ, что дадутъ дѣлать...“

Одна только-что кончившая гимназію дѣвушка сообщала, что „она обращалась съ заявленіемъ въ нѣсколько земствъ голодающихъ губерній, но не получила отвѣта“.

„У меня нѣтъ ничего, — писала она, — кромѣ моей молодости и силы, которыя оказываются ненужными рядомъ съ такимъ горемъ... Мучительно жить, сложа руки, и видѣть, какъ отовсюду на тебя смотрятъ темныя впадины нѣмого отчаянія. Больно жить, *стыдно жить*“...

Въ отвѣтъ на „мольбы“ приходилось указывать только на организаціи священниковъ Кедрова и Цвѣткова. Но эти организаціи были малочисленны и, конечно, всѣхъ желающихъ „поработать на нивѣ“ вмѣстить не могли.

Суровая дѣйствительность съ мефистофельскимъ смѣхомъ отвѣчала:

— Не надо вашей помощи.

Въ серединѣ октября, когда газеты были переполнены печальными сообщеніями съ мѣстъ, я былъ посланъ московской газетой „Русское Слово“ въ качествѣ спеціальнаго корреспондента въ голодающій районъ. Было интересно посмотрѣть, какъ „справляются“... Два съ половиной мѣсяца (съ 15 октября по 1 января 1912 г.) я пробылъ въ неурожайныхъ губерніяхъ.

2.

Казань.—Печальный пережитокъ.

Казань грязна, сѣра и уныла.

Я совсѣмъ забылъ, что это ея обычный видъ. И думалъ:

— Ужъ не голодъ ли наложилъ свой мертвящій отпечатокъ?

Люди, какъ мухи въ сентябрѣ. Ни къ чему у нихъ нѣтъ интереса, мало оживленія. Словно, это не громадный губернскій городъ, а какой-нибудь Цивильскъ.

Но, всматриваясь, я замѣтилъ, что отъ Казани до голода такъ же психологически далеко, какъ отъ капиталовъ Нобеля до разлагающейся отъ цынги башкирской деревни...

На самой Казани лежитъ печать какого-то духовнаго голода: вѣчной зѣвоты и вѣчнаго „терпѣнія"...

— Городъ нашъ—тупикъ,—объясняютъ обыватели,—отъ Москвы сюда по „знаменитой казанкѣ" въ три года не доѣдешь, а если случится, доѣдешь, то тутъ тебѣ будетъ и капутъ, изломаешься такъ, что не двинешь ногой; да и поѣхать далѣе Казани некуда: Казань—стѣна, край свѣта...

Волга спиной обернулась къ Казани и презрительно фыркаетъ, когда проходитъ мимо. Стоитъ Казань въ сторонѣ, вдалекѣ отъ всего живого, одинокая, всѣми забытая. Оттого люди здѣсь молчаливы и скучны.

На другой день по пріѣздѣ я купилъ мѣстныя газеты.

— Что пишутъ о голодѣ?

— Пожалуй, многаго не найдете, — сказалъ мой знакомый казанецъ.

— Почему? Кажется, теперь можно свободно писать о голодѣ? Не прежнія времена. Впрочемъ, можетъ быть, голодъ не получилъ еще признанія вашей администраціи?

— Получилъ. Но у насъ цензура...

— Какая?—удивился я.

— Самая обыкновенная, предварительная...

Вотъ такъ „обыкновенная"!

Тихонько щиплю себя за руку: не сплю ли? Какой непріятный сонъ. Даже страшно. Или, можетъ быть, я заѣхалъ въ Чебоксары? Въ Тетюши? Тамъ, въ черемисской и татарской глуши, возможно еще для путешественника-европейца открыть существованіе института-пережитка: какой-нибудь полигаміи или кроваваго жертвоприношенія... Но въ Казани?

Неужели старая цензура со всѣмъ ея „очарованіемъ"? Можетъ быть, въ Казани еще не получены временныя правила о печати 1906 года?

— Цензурный комитетъ у васъ есть?

— Есть.

Оказывается, все по формѣ. Милый plusquamperfectum во всей своей красотѣ. Цензора служатъ въ то же время педагогами и счастливо соединяютъ просвѣтительную дѣятельность съ цензурой. Вечеромъ редакціонный сторожъ ищетъ по городу цензора, находитъ и отдаетъ ему не гранки, какъ было прежде, а сверстанныя полосы. Тутъ уже не подберешь матеріала съ „тенденціей"!

— Неужели нельзя выпустить безъ цензора на основаніи закона?

— Опасно пробовать... Смѣлыхъ людей у насъ нѣтъ. У типографій года два тому назадъ формально отобрали подписку: ничего не выпускать въ свѣтъ безъ предварительной цензуры. Теперь рѣшаетъ дѣло уже метранпажъ, а не секретарь редакціи. Секретарь и матеріала-то не видитъ послѣ цензора...

Я продолжалъ удивляться.

— Неужели, какъ прежде? Нельзя писать слово „Богъ“, нельзя женщину назвать „небеснымъ созданіемъ“? Можетъ-быть, на матеріалѣ и теперь пишутъ: „Пѣчатывайтя по совесте“. Такъ когда-то писала горничная одного приволжскаго цензора, когда не могла добудиться своего господина...

— Ну, этого теперь, кажется, нѣтъ.

— Много цензоръ вычеркиваетъ?

— Не стѣсняется. Иногда уничтожаетъ связь, и статья выходитъ безсмысленной. Запрещаетъ заполнять пустыя мѣста точками. Иногда мѣняетъ слова, выраженія. Это все-таки опредѣленно. Но бываетъ, что статью онъ не зачеркиваетъ, а ставитъ на поляхъ шаловливое nota bene. Что оно значитъ? Можетъ-быть, онъ просто игралъ карандашомъ и поставилъ nota bene вмѣсто того, чтобы нарисовать головку женщины? А, можетъ-быть?.. Какъ тутъ разгадать? И статья съ такой помѣткой изъ предосторожности не ставится. Иногда цензоръ прямо пишетъ: „Это грозитъ такимъ-то наказаніемъ“... Словомъ, предупреждаетъ и пресѣкаетъ... Впрочемъ, отъ штрафа это нисколько не освобождаетъ. Цензура сама по себѣ, а штрафъ самъ по себѣ...

— Что же изгоняется изъ газеты?

— „Крамола“. Вычеркивается все, что не желательно губернатору, командующему войсками и попечителю учебнаго округа. Слово „потѣшный“ у насъ нельзя употреблять въ ироническомъ смыслѣ. Благонамѣренная „Памятка“, розданная „потѣшнымъ“ вышневолоцкимъ предсѣдателемъ управы, у насъ была зачеркнута, такъ какъ цензоръ понялъ, что одно помѣщеніе въ газетѣ этой „Памятки“ безъ комментаріевъ есть уже иронія. Нельзя критически относится къ проекту новаго университетскаго устава.

— А о голодѣ писать можно?

— Сіе дозволено. Но безъ увлеченій... Голодъ — опасный лабиринтъ для газетнаго писателя. Главное— трудно сказать, что можно и чего нельзя. Нельзя, оказалось, утверждать, что „Новое Время“ съ удовольствіемъ печатаетъ „статьи о тунеядствѣ и пьянствѣ голодающаго мужика“. Положительно нельзя назвать даже анонимно и корректно точку зрѣнія, противную земской, антиобщественной...

— Еще!

— Мало ли чего нельзя!.. Бываетъ, зачеркивается выраженіе: „надвигается бѣдствіе“. Уничтожаются цитаты и факты изъ „Новаго Времени“. Не попадаетъ въ печать такое выраженіе: „Наступаетъ время, когда приходится подумать о мобилизаціи всѣхъ силъ, о проявленіи наивысшаго напряженія, которое могло бы парализовать расширеніе рамокъ бѣдствія“... Для васъ это не ясно?

— Наоборотъ, очень ясно.

Я уже теперь отлично понялъ, что я не въ Казани, а въ Чебоксарахъ. Живу не то въ 1891 году, не то столѣтіемъ раньше.

— Все это отъ того,—объясняетъ мой собесѣдникъ,—что живемъ мы въ сторонѣ отъ большой дороги. Отбились мы. Никому неинтересно знать, что дѣлается въ какой-то Казани, потому у насъ все позволено.

— Ну, а скажите,—прервалъ я его,—неужели не стѣсняются?

— Неловко иногда себя чувствуютъ. Конституція тамъ и всякія ваши модныя слова доходятъ и къ намъ съ московскимъ поѣздомъ. Не такъ давно ворона на хвостѣ перенесла цензорскія гранки въ Петербургъ и зачѣмъ-то положила ихъ для обозрѣнія на Толстовской выставкѣ. Всѣ стали смѣяться. Узнали объ этомъ въ Казани и сгорѣли со стыда. А, сгорѣвши, распорядились, чтобы вещественныя доказательства больше не оставлялись въ редакціи. Теперь заведенъ такой поря-

докъ: гранки отъ цензора идутъ къ метранпажу, а отъ метранпажа опять къ цензору...

— Но цензуровать все-таки не прекратили?

— Развѣ можно отказаться отъ такого удовольствія?

Мнѣ кажется, что тутъ что-то скрывается. Или Казань выдѣлилась изъ состава Россійской имперіи и незамѣтно отошла вновь подъ власть татаръ, которые, какъ сообщали дубровинцы, стремятся образовать Золотую Орду. Объ этомъ именно и говорило однажды „Русское Знамя", но мы, по обыкновенію, не повѣрили. Или... всю Казань съ губерніей по ошибкѣ переписчика вычеркнули изъ свода законовъ Россійской имперіи.

Казанцы больше предполагаютъ второе. И вотъ на какомъ основаніи. О голодѣ здѣсь стало извѣстно, опредѣленно извѣстно въ началѣ іюля. Состоялись по этому поводу экстренныя уѣздныя земскія собранія и чрезвычайное губернское. Неоднократно собирались административныя собранія. Губернаторъ уже ѣздилъ по губерніи. Всѣ въ одинъ голосъ говорили:

— Голодъ. Огромный голодъ. Что дѣлать?

О страшномъ неурожаѣ въ Казанской губерніи уже появились свѣдѣнія въ петербургскихъ газетахъ.

Послѣ всего этого въ „далекую" Казань была прислана телеграмма „Россійскаго агентства", которая сообщила о состоявшемся въ Петербургѣ засѣданіи совѣта министровъ по вопросу о неурожаѣ. Въ телеграммѣ перечислялись губерніи, о которыхъ „выяснилось", что онѣ пострадали отъ неурожая. Была поименована даже Пермская губернія, но о Казанской не было сказано ни слова.

— Господи! Насъ опять забыли,—огорчились казанцы.

Думали, что это ошибка агентства. Нѣтъ... Только спустя нѣкоторое время „ошибка" была исправлена...

Не простая ли ошибка и цензура? Несомнѣнно, въ

Петербургѣ о ней не знаютъ. Иначе бы Казанскую губернію сравняли съ другими... За что же обижать другія?..

3.

История борьбы. — „Принципъ" прежде всего. — Опоздали изъ-за „принципа".

Прежде, чѣмъ описывать голодъ, нужно разсказать, какъ „боролись" съ нимъ въ Казани. Исторія этой борьбы чрезвычайно поучительна.

Еще въ началѣ іюля губернія просила у „начальства":

— Обсѣмененія и продовольствія.

И того и другого—какъ можно скорѣе.

Но, вмѣсто простой и немедленной помощи, въ „верхахъ" былъ поднятъ „основной вопросъ"—о принципахъ помощи въ нынѣшнюю кампанію. Администрація пожелала „проложить новый путь" въ дѣлѣ продовольствія:

— Если желаете помощи, покупайте у насъ сѣмена на деньги. Мы продаемъ по заготовительной цѣнѣ.

Губернаторъ заявилъ въ губернскомъ присутствіи:

— О выдачѣ сѣмянъ въ ссуду теперь не можетъ быть и рѣчи...

Это была система. Шла она сверху. Своимъ характеромъ напоминала систему закона 9-го ноября. „Россія" объяснила психологическую основу ея:

— Ссуду мужикъ пропьетъ въ первомъ кабакѣ.

На чистопольскомъ земскомъ собраніи земскій начальникъ Муратовскій варьировалъ эту мысль „Россіи" такъ:

— Населеніе довольно уже развращалось чрезмѣрной заботливостью о немъ и привыкло складывать ручки...

Но на этомъ же собраніи другой земскій начальникъ, Булыгинъ, попробовалъ дать отповѣдь „новому курсу“:

— Говорить о деморализующемъ и развращающемъ вліяніи ссудъ въ данный моментъ поздно...

— Вопросъ о нравственной сторонѣ надо было поднимать 40—50 лѣтъ тому назадъ, а не сейчасъ,—добавилъ гласный Бутлеровъ.

Сейчасъ же мы стоимъ передъ разореннымъ населеніемъ, которое молитъ:

— Дайте возможность обсѣмениться, чтобы предотвратить второй голодный годъ!

— Купите,—твердо отвѣчали изъ Казани.

— На какія средства крестьянинъ будетъ у васъ сейчасъ покупать?

— Это не наше дѣло. Пусть займетъ, продастъ скотъ...

Это былъ принципъ. Это была „желѣзная система“.

Пока вопросъ рѣшали, приближался сѣвъ. Изъ губерніи шли отчаянные крики:

— Поскорѣе сѣмянъ!..

Губернская управа и инспекторъ сельскаго хозяйства просили губернское присутствіе:

— Ускорьте организацію продажи сѣмянъ.

На чистопольскомъ собраніи тотъ же Муратовскій высказалъ опасеніе:

— Въ минувшіе годы населенію выдавали сѣмена тогда, когда всѣ поля уже были покрыты зеленями...

Крестьяне толпами ходили къ земскимъ начальникамъ за сѣменами. А сѣмянъ все не было.

Наконецъ, въ Петербургѣ было рѣшено отпустить въ распоряженіе крестьянскихъ учрежденій губерніи 1.072 тыс. рублей на закупку сѣмянъ и продажу ихъ населенію по заготовительной цѣнѣ.

Губернское присутствіе предложило земствамъ организовать продажу сѣмянъ ржи на такихъ условіяхъ: возвратить министерству къ 1-му ноября 1911 года не

менѣе трети отпущеннаго имъ кредита, а остальныя двѣ трети—до 1-го ноября 1912 года. Невыплаченное будетъ удержано изъ земскихъ сборовъ.

Губернская управа категорически отказалась.

Тогда губернское присутствіе предложило уѣзднымъ земствамъ.

Тѣ также отказались.

Между тѣмъ съ мѣстъ шли вопли:

— Сѣмянъ! Сѣмянъ! Начинается сѣвъ...

На переговоры съ земствами ушло много времени. Послѣ отказовъ администрація принуждена была начать закупку сѣмянъ сама. Но, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, пришла къ печальному выводу:

— Времени осталось мало. Потомъ, по донесеніямъ многихъ земскихъ начальниковъ, нельзя было разсчитывать на большой спросъ со стороны крестьянъ...

Поэтому рѣшили ограничиться закупкой 250 тыс. пудовъ. Но и этого количества не продали. Изъ милліонной ссуды было истрачено только 100 тыс. рублей.

— Что же—крестьяне покупали?—спрашивалъ я.

— Нѣтъ, эти 100 тысячъ были все-таки отданы въ ссуду бѣднотѣ.

Такъ „обсѣменяли“ Казанскую губернію.

Оказалось, что цѣны на казенную сѣменную рожь стояли мѣстами выше базарныхъ.

Но губернія все-таки обсѣменилась. Не дождавшись ссуды, крестьяне засѣяли озимое частью новыми, невсхожими, щуплыми сѣменами и подготовили себѣ второй неурожай, частью заняли у кулаковъ подъ безумные проценты.

Ту же картину видимъ и въ продовольственномъ вопросѣ. „Новый принципъ“ опредѣлился слѣдующимъ образомъ:

— Ссуды не будутъ даны. Голодающимъ предоставляются общественныя работы.

Орагнизовать эти работы было предложено земству.

Но губернское собраніе отнеслось критически къ „новому курсу“. Было заявлено:

— Прежде всего, новый взглядъ правительства незаконенъ.

Продовольственный уставъ 12-го іюня 1900 года кладетъ въ основаніе ссуды и возлагаетъ эту мѣру всецѣло на обязанность администраціи. Всѣ другіе виды помощи, какъ общественныя работы и продажа по заготовительнымъ цѣнамъ, относящіеся къ вѣдѣнію земства, являются второстепенными, дополнительными.

— Земству нѣтъ никакихъ основаній освобождать администрацію отъ ея обязанности и принимать отвѣтственность на себя,—сказалъ гласный Годневъ.

— Нельзя сразу порвать со старыми формами. Жизнь не можетъ итти такъ, какъ этого требуютъ циркуляры,—высказалъ Морковниковъ. — Совершеннымъ прекращеніемъ ссудъ можно вызвать голоданіе населенія, цынгу, тифъ.

Наконецъ, указывали на опытъ общественныхъ работъ.

— Онѣ не могутъ обслуживать всю продовольственную нужду. Онѣ безсистемны, неорганизованы и не имѣютъ ровно никакого практическаго значенія.

Даже съѣздъ земскихъ начальниковъ Казанскаго уѣзда пришелъ къ заключенію о „несостоятельности общественныхъ работъ“.

Губернское собраніе заявило, что ни оно, ни правительство не подготовлены къ новымъ видамъ помощи, и поэтому земство остается на почвѣ устава 12-го іюня.

Къ этому времени выяснилось, что правительство, вмѣсто ссуды семи съ половиной милліоновъ, въ какой земство опредѣлило нужду въ общественныхъ работахъ, ассигновано 150 тысячъ...

Это была капля...

Послѣ противодѣйствія, оказаннаго земствомъ, заработала административная машина. Надо было спасать „принципъ“.

Было созвано губернское совѣщаніе въ составѣ губернскаго присутствія, представителей вѣдомствъ, губернской управы, предводителей дворянства и предсѣдателей уѣздныхъ управъ. Губернаторъ предложилъ учредить уѣздные комитеты, вѣдающіе общественныя работы. Смыслъ этихъ комитетовъ заключается въ томъ, чтобы подчинить общественныя работы, организуемыя земствомъ, контролю и руководству администраціи.

Произошло любопытное явленіе: 18-ю голосами противъ 14-ти комитеты были отвергнуты. Тогда губернаторъ созвалъ второе совѣщаніе, но изъ однихъ чиновниковъ, безъ участія предводителей и предсѣдателей, и такое совѣщаніе приняло организацію комитетовъ.

Уже въ концѣ августа губернаторъ поручилъ губернской управѣ открыть общественныя работы подъ контролемъ уѣзднаго комитета.

Управа не исполнила порученія.

Съ мѣстъ, между тѣмъ, шли печальныя вѣсти. Населеніе голодало, проѣдало послѣдніе „животы“, распродавало скотъ за безцѣнокъ. А въ губерніи шли споры изъ-за принципа.

— Дайте намъ хлѣба,—протягивали руки крестьяне.

— Подождите, дайте рѣшить, кто долженъ оказать вамъ помощь и въ какомъ видѣ,—отвѣчали изъ Казани.

— Но мы успѣемъ умереть, пока вы спорите!

— Принципъ дороже васъ...

Наступилъ сентябрь. Въ другихъ голодающихъ губерніяхъ уже были организованы работы. А въ Казанской губерніи все спорили...

На второмъ губернскомъ земскомъ собраніи земцы категорически высказались противъ комитетовъ. Членъ Государственнаго Совѣта Ю. В. Трубниковъ заявилъ:

— Учрежденіе комитетовъ явочнымъ порядкомъ незаконно. Я, какъ вѣрноподданный Его Величества, принявшій присягу на земскую службу, не могу допустить, чтобы земство шло незаконнымъ путемъ...

— Суживать задачи земства до агентуры какой-то организаціи, смысла существованія которой мы не понимаемъ,—значитъ итти противъ себя,—сказалъ А. Н. Боратынскій.

„Какая-то" организація, какъ извѣстно, была выдумана не въ Казани.

Въ своемъ заключеніи земское собраніе высказало, что „новая организація общественныхъ работъ, не отвѣчая интересамъ дѣла, не можетъ имѣть мѣста и потому, что роль, отводимая ею мѣстному земству, противорѣчитъ положенію о земскихъ учрежденіяхъ".

Но въ душѣ у земцевъ остался непріятный осадокъ:

— Мы защищаемъ земскую идею, а губернія голодаетъ...

Долго бы голодающіе не увидѣли общественныхъ работъ, если бы не случайность. Произошла смѣна министерства. Вмѣстѣ съ П. А. Столыпинымъ умеръ „принципъ". Изъ Петербурга въ началѣ сентября извѣстили:

— Мы согласны на всѣ пункты земскаго постановленія. Начинайте работы.

Комитеты были закрыты. Земство принялось за организацію общественныхъ работъ. Но онѣ долго не начинались, такъ какъ споръ съ администраціей отвлекъ земство отъ дѣла, и только въ концѣ сентября работы, наконецъ, появились.

Голодъ въ это время уже достигъ своего апогея.

4.

Маета, а не жизнь.—На мѣстахъ голода въ Тетюшскомъ уѣздѣ.—„Проѣдаемъ послѣднее".—Сожалѣніе, что неуродились жолуди.—Дѣти на общественныхъ работахъ.

Бурая Волга какъ будто крышкой накрыта. Это тяжко повисъ надъ ней сырой туманъ. Падаютъ хлопья снѣга и застилаютъ черную поверхность земли. Скоро зима...

— Дойдемъ ли до Тетюшъ?—спрашиваю я въ Казани агента пароходства.

— Авось, проскочимъ.

Планъ у меня былъ иной. Я думалъ объѣхать сначала Чистопольскій уѣздъ и уже потомъ черезъ Лаишевскій и Спасскій уѣзды пробраться въ Тетюши. Но все разстроилось. На Чистополь пароходы уже не ходили. Пришлось воспользоваться послѣднимъ пароходомъ и поѣхать прямо въ Тетюши.

Когда я разговаривалъ съ агентомъ пароходства, подошелъ какой-то деревенскій парень и смотрѣлъ на насъ широко раскрытыми глазами. Потомъ онъ растерянно обратился къ агенту:

— А я куда, баринъ, дѣнусь?

Одѣтъ онъ въ легкую казинетовую поддевку; ежится отъ холода и отъ своихъ невеселыхъ, безпокойныхъ думъ.

— Тебѣ куда надо?—спрашиваю у него.

— На Пермь.

— Опоздалъ, голубчикъ! По Камѣ пароходы уже не ходятъ.

— То-то и оно-то... А я съ женой домой собрался.

Думаю: кто же сейчасъ ѣдетъ въ деревню? Изъ деревни бѣгутъ.

— У васъ неурожай?

— Да.

Ему, видимо, хочется кому-нибудь пожаловаться на судьбу. Онъ началъ разсказывать прерывистымъ запутаннымъ языкомъ. Какъ онъ хорошо работалъ гдѣ-то, но „прибѣжала къ нему съ голодухи жена съ рабенкомъ“. Ребенокъ сталъ кричать, надрываться. А жену „съ того взяло мнѣнье“. „Пойдемъ, говоритъ, домой! Можетъ, тамъ батюшка съ матушкой съ голода кончаются?“ Пристала. Вывалилась у него изъ рукъ работа... Снялись они и поѣхали. А въ Казани вотъ и застряли... И денегъ у нихъ нѣтъ и „рабенокъ все кричитъ“...

Богъ знаетъ, что онъ говоритъ. Несуразный какой-то, на-смерть перепуганный. Я силюсь ему объяснить, что зря онъ это сдѣлалъ—ушелъ съ работы. Но онъ, видимо, ничего не понимаетъ. И чувствуется мнѣ въ то же время, что правда на его сторонѣ. „Рабенокъ кричитъ“, вся жизнь деревенская крикомъ кричитъ и мается. Сырой туманъ гнететъ ее все ниже и ниже...

— „Что я буду дѣлать?“

И никто не знаетъ, что онъ будетъ дѣлать. Можетъ быть, умретъ по дорогѣ отъ голода, можетъ, сойдетъ съ ума отъ крика ребенка. Или еще что-нибудь случится плохое. Непремѣнно плохое.

Это апоѳеозъ деревенской маеты. Жизнь, въ которой потеряны смыслъ и логика.

Скоро зима.

Кромѣ голода, она несетъ съ собой холодъ въ голодающую деревню. Тетюшскій уѣздъ безлѣсный, негдѣ собрать сучьевъ. Можно, пожалуй, купить, но нѣтъ денегъ. Ихъ нѣтъ даже на хлѣбъ,—гдѣ тутъ говорить о дровахъ. Сейчасъ топятъ соломой, но соломы мало. Выйдетъ она,—что тогда будутъ дѣлать?

— Сначала будутъ недотапливать,—передавала мнѣ земская учительница Е. И. Лебедева,—въ полутеплѣ, полуморозѣ жить. Ребятъ всѣхъ перестудятъ. А потомъ... Пойдутъ въ печку навѣсы, изгороди...

Среди татаръ возникъ п оектъ „коопераціи“. Хотятъ жить по двѣ, по три семьи вмѣстѣ въ одной избѣ. Изъ экономіи въ топливѣ.

— По недѣлямъ будемъ топить.

Въ избѣ, гдѣ можно жить и дышать пятерымъ, помѣстятся двадцать человѣкъ. Спина со спиной, чтобы теплѣе было. Ночи длинныя. Керосинъ стоитъ денегъ, поэтому будутъ ложиться рано—съ шести часовъ. Безпросвѣтная темень въ избахъ и на душѣ...

— Можетъ, казна или удѣлъ дадутъ сучьевъ?

— Можетъ, дадутъ...

Только ссудъ нынѣ не будетъ. Объявлено губернаторомъ. А гдѣ взять денегъ?

— Мается народъ, стонетъ,—разсказываетъ Е. И. Лебедева.

Она 25 лѣтъ учительствуетъ въ своемъ уѣздѣ. За все это время было десять неурожайныхъ годовъ. Одинъ другого тяжелѣе. Но самый тяжелый—нынѣшній. Прежде, если озимое было плохо, то яровое выходило недурно; плохи хлѣба,—картошка хороша и объ обиліи; хоть и скудный годъ, но муку гривенъ за восемь, за девять пудъ достать можно. Нынѣ же все плохо: нѣтъ ни яровою, ни озимаго, а картофель хоть и уродился, но гніетъ въ ямахъ, такъ какъ выкопали его влажнымъ. Хлѣбъ дошелъ сейчасъ до 1 р. 40 к. Да и за деньги его не всегда купишь,—намучаешься искавши. Богатые мужики не продаютъ—выжидаютъ, когда два рубля пудъ будетъ...

— А казна? Продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ—основная продовольственная операція. Въ Тетюшахъ, мнѣ говорили въ земствѣ, приготовлено 600 тыс. пуд. овса и ржи. Стоятъ восемь баржей—самъ видѣлъ...

— Вѣримъ, но не видимъ ни одного фунта казенной муки.

Странно. Можетъ-быть, въ Тетюшахъ, подобно Чистополю хотѣли притти на помощь, когда будетъ ясна „массовая, острая нужда въ уѣздѣ“? Это постановило то самое чистопольское земство, которое узаконило, какъ норму, 14 пуд. зерноваго хлѣба на человѣка въ годъ. Кто-то на собраніи по этому повод сказалъ:

— Норма для голодныхъ—18 пудовъ.

— Управа отвѣтила:

— Но въ годы неурожая эта норма падаетъ до 14-ти...

Чистополь—плохой примѣръ для Тетюшъ. Да и что такое „массовая острая нужда“? Тифъ, цынга? Но тогда поздно будетъ помогать...

— Имъ что?—говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ о земцахъ и вообще о „господахъ“. — Имъ вѣтеръ въ задъ...

— Послѣднее продаемъ.

Таково положеніе Тетюшскаго уѣзда.

Нѣтъ пока эпидемическихъ заболѣваній, — дѣйствуетъ, видимо, „открытая“ чистопольскимъ земствомъ „поразительная приспособляемость крестьянскаго желудка“. Люди не лежатъ пластами. Работаетъ даже винная лавка.

Я спрашивалъ виннаго продавца въ с. Ченчуринѣ о положеніи торговли.

— Только на треть сократилась,—отвѣтилъ онъ.

Можно найти бабъ, одѣтыхъ въ шелковыя и полушелковыя платья и калоши. Но все это не уничтожаетъ факта большого голода. Въ шелкъ и калоши одѣваются богатѣи, пьютъ вино тоже въ большинствѣ они. Но въ каждой деревнѣ есть большой слой бѣдноты, которая „создаетъ настроеніе“. Эта бѣднота проѣдаетъ теперь послѣднее. А мѣстами уже проѣла.

Обѣднѣніе началось съ сѣва. Ссуды изъ общественныхъ магазиновъ на обсѣмененіе получили не всѣ. Многіе просили, но встрѣтили со стороны земскихъ начальниковъ отказъ. Въ двухъ татарскихъ деревняхъ мужики разграбили свои магазины, но и у нихъ отняли назадъ взятую рожь и привлекли къ отвѣтственности. Массѣ бѣдноты, чтобы обсѣмениться, пришлось занять у богачей подъ огромные проценты и заложить у нихъ душевые надѣлы. Никто не купилъ казенныхъ сѣмянъ, такъ какъ ни у кого не было денегъ.

Августъ и сентябрь надо было кормиться, такъ какъ общественныя работы запоздали и начались только въ концѣ сентября. Вслѣдъ за душевыми надѣлами пошелъ со двора скотъ и бабьи холсты.

— А самовары?—спросилъ я въ одномъ селѣ.

Есть „знатоки деревенской жизни“, которые, видя самовары въ каждой избѣ, заключаютъ, что деревня богата.

Продажа самоваровъ — послѣднее средство. У крестьянина нѣтъ хлѣба, скота, онъ пухнетъ, но не рѣшается разстаться съ самоваромъ. Все-таки горячая вода его поддерживаетъ...

Помощи нѣтъ ни откуда. По волостямъ разослано „принципіальное“ объявленіе губернатора:

— Ссудъ не будетъ. Кто хочетъ хлѣба,—иди на общественныя работы.

Но мы увидимъ, какой это жалкій источникъ существованія.

Не было до начала ноября ни школьныхъ столовыхъ, ни врачебно-питательныхъ пунктовъ. Земство „ходатайствовало“, но ничего не получило. Въ деревнѣ въ каждой семьѣ есть неработоспособные люди: старики, старухи, калѣки, больные, дѣти. Ихъ не пошлешь на общественныя работы. Чѣмъ же ихъ кормить?

Напряженное ожиданіе помощи создало нервность и упадокъ духа.

— Одна теперь пѣсня въ деревнѣ: умремъ зимой,— разсказывалъ мнѣ учитель.— Разговоръ въ народѣ идетъ страшный. Иду намедни мимо толпы, одинъ мужикъ говоритъ: „Скотину-то мы знаемъ куда дѣвать,—зарѣжемъ и съѣдимъ безъ хлѣба,—а куда дѣтей денешь?“ Тутъ въ шабрахъ у меня жила вдова съ пятью ребятами. Билась. Все проѣла. Остался мѣшочекъ чечевицы. Приходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Съѣдимъ и уйдемъ“.—„Куда?“—„Куда глаза глядятъ!“ Вчера, слышу, говорятъ: встала утромъ, забила ставни, перекрестилась и повела ребятъ. И многіе уходятъ, разбредаются, какъ тараканы передъ пожаромъ...

Тяжело смотрѣть на заколоченные дома. Стоятъ, какъ кресты на кладбищѣ. Въ Буинскомъ уѣздѣ я находилъ въ татарскихъ деревняхъ десятки забитыхъ избъ.

Спрашиваю оставшихся:

— Куда ушли?

— Не знаемъ.

— Зачѣмъ?

— Да тутъ съ голода подохнешь.

Разговорился со старикомъ-татариномъ.

— Я,—говоритъ онъ,—двоихъ дѣтей отпустилъ, одного шестнадцати лѣтъ мальчонку,—теперь вдвоемъ со старухой остался помирать.

— Куда же они ушли?

— Не знаю... Намедни прислали три рубля. Подожди, молъ, уми ать отецъ!

Шутитъ, смѣется старикъ, бѣлая бороденка его трясется. Повторяетъ:

— Подожди умирать, отецъ!

— Дѣтей больно жалко,—говорила мнѣ Е. И. Лебедева.—Никогда я не видала ихъ такими блѣдными, слабосильными, какъ сейчасъ. Подъ глазами темные круги, и кожица такая тонкая-тонкая, совсѣмъ прозрачная. Это голодъ. Матери въ полдень прибѣгаютъ въ

школу и одѣляютъ дѣтей чечевичными лепешками. Это, значитъ, ребята ничего съ утра уже не ѣдятъ...

— Ну, а послѣ школы что имъ дома даютъ?

— Тоже лепешки съ чаемъ, если есть. У чувашъ салму—горячую воду, въ которой лежатъ катышки хлѣба. Если есть картофель,—даютъ его. И все. У насъ не сажаютъ овощей. Земли мало. „Негдѣ“,—говорятъ.

Въ с. Малыхъ Яльчикахъ вареный и размятый картофель смѣшиваютъ съ мукой. И изъ этого соединенія дѣлаютъ особый хлѣбъ. Говорятъ, это лучше, чѣмъ ѣсть одинъ картофель. Сами себя обманываютъ.

— Нонѣ жолудь-то съ лебедой не уродились,—жаловался мнѣ одинъ чувашинъ.

— Слава Богу,—говорю.

— Что ты! Съ ними меньше муки надо.

Съ нѣкоторыхъ поръ не всѣ ученики стали являться въ школы. Оказывается, и они на общественныхъ работахъ.

— „Тятька посылаетъ“.

Блѣдный, слабосильный „мужичокъ съ ноготокъ“ копаетъ землю лопатой. Какая ужъ его работа? Дрожитъ отъ холода и сырости. Одежонка на немъ плохая: ваточникъ изъ полутора фунта ваты.

Голодъ не знаетъ жалости...

5.

Безсиліе передъ бѣдствіемъ.—Помощи нѣтъ.—Положеніе духовенства.—Взысканіе недоимокъ.—Въ Буинскомъ уѣздѣ.

Сижу въ волостномъ правленіи и бесѣдую съ однимъ лицомъ волостной администраціи. Не знаю, какъ „докладываетъ“ онъ своему земскому начальнику, но мнѣ говоритъ откровенно:

— Нужда у насъ страшная, многіе зимы не проживутъ, если не будетъ помощи.

Просунулся въ дверь сторожъ и говоритъ:

— Татары изъ Киксара...

— Опять!

— Вотъ, поговорите съ ними,—обратился онъ ко мнѣ.—Они каждый день ходятъ въ волость...

Выхожу. Толпа.

— За помощью пришли,—говоритъ одинъ татаринъ. — Сейчасъ жрать нечего, а зимой умирать будемъ...

У нихъ весь хлѣбъ червь съѣлъ. Скотину они распродали и на деньги отъ продажи кое-какъ обсѣменились. Пошли въ ходъ душевые надѣлы. „Съѣли" и ихъ, а теперь доѣдаютъ послѣднее и готовятся умирать. Болѣе 50-ти домовъ въ этой несчастной деревнѣ совершенно безъ скота и, конечно, безъ хлѣба. Кое-какъ поддерживаютъ ихъ общественныя работы. И то не всѣхъ, больше лошадныхъ. Понятно, они надоѣдаютъ „волостнымъ":

— Давайте продовольствіе.

Изъ волости ихъ посылаютъ къ земскому начальнику. А земскій направляетъ въ волость. Такъ они и бродятъ, какъ тѣни.

„Начальство" совершенно безсильно что-нибудь сдѣлать для голодныхъ. Губернаторъ—и тотъ на личныя просьбы, обращенныя къ нему крестьянами нѣкоторыхъ селеній, отвѣчалъ уклончиво и ничего не сдѣлалъ.

Онъ проѣзжалъ по Тетюшскому уѣзду. Въ д. Людоговкѣ къ нему подошли бабы и „плакались" на свое житье-бытье. М. В. Стрижевскій сказалъ имъ:

— Не унывайте, мы васъ не оставимъ, организуемъ общественныя работы, и будемъ продавать вамъ хлѣбъ!

А потомъ посовѣтовалъ:

— Не дѣлайте свадебъ...

Бабы поблагодарили за совѣтъ.

Въ с. Ченчуринѣ народъ на колѣняхъ съ рыданіемъ

просилъ губернатора о продовольственной ссудѣ. Старикъ-священникъ, еле сдерживая слезы, заявилъ начальнику губерніи о необходимости немедленной продовольственной помощи. Губернаторъ сказалъ:

— У васъ будутъ общественныя работы и продажа хлѣба по заготовительнымъ цѣнамъ. А нѣкоторымъ даже будетъ выдана ссуда.

Прошло съ тѣхъ поръ болѣе трехъ мѣсяцевъ, но ни въ Людоговкѣ, ни въ Ченчуринѣ не было до середины ноября, когда я былъ тамъ, общественныхъ работъ (людоговцы еще могутъ работать за 4 версты, въ Тетюшахъ, а отъ Ченчурина до города 12 верстъ), нѣтъ продажи хлѣба, нѣтъ ссудъ...

Въ каждой волости есть такіе углы, какъ Киксаръ. Иногда ихъ не одинъ, а 3—4. Въ нихъ уже „массовая, острая нужда". И даже чистопольское земство устроило бы у нихъ столовыя. Но въ Тетюшскомъ уѣздѣ они живутъ безъ помощи. Я знаю, что въ Шамбулхчинской волости есть деревни Шамбулхчи, Еболаково и Утемышево, въ которыхъ жители уже въ ноябрѣ были на границѣ полнаго голода. У большинства нѣтъ дворовъ, нѣтъ никакого скота,—развѣ коза у кого-нибудь найдется. Эти деревни живутъ одной надеждой на столовыя и ссуды.

— Безъ нихъ пропадемъ,—говорятъ они.

Но ссудъ, какъ мы знаемъ, не будетъ. А о столовыхъ ни слуху, ни духу. Правда, выбраны волостныя благотворительныя попечительства, но такъ какъ денегъ не шлютъ, то столовыхъ нѣтъ.

Иногда голодающіе ищутъ особый путь къ „начальству". Идутъ не въ волость, а къ стражнику или урядчику. Тотъ доноситъ становому приставу, а становой (фактъ относится къ Малояльчиковской волости) пишетъ отношеніе въ земскую больницу, указываетъ деревню, говоритъ, что тамъ эпидемія, и проситъ „принять мѣры". Врачъ ѣдетъ и находитъ жителей здоровыми.

— Намъ не лѣкарствъ надо, а хлѣба,—говорятъ они.

Но хлѣба имъ не даютъ.

Впрочемъ, здоровье голодающихъ относительное. Тотъ же земскій врачъ говорилъ мнѣ:

— На пріемѣ у меня въ базарный день бываетъ до 150 человѣкъ. Я у всѣхъ осматривалъ десны и нахожу ихъ больными, взбухшими. Это—послѣдствіе питанія однимъ картофелемъ. Кромѣ того, у всѣхъ острое малокровіе.

Пока цынги нѣтъ, но истощеніе организма налицо. И это—не единичное явленіе.

Очень туго приходится сейчасъ тѣмъ крестьянамъ, которые ходили на Амуръ и недавно вернулись оттуда. „Нѣтъ повѣсти печальнѣе“ ихъ разсказа. Агенты подрядчика обѣщали имъ гору. Польстились мужики на хорошій заработокъ и въ количествѣ 1,000 человѣкъ отправились за 10 тысячъ верстъ. Тамъ ихъ надули. Они взбунтовались, бросили работы, оставили паспорта и по этапу, безъ копѣйки денегъ, шли два мѣсяца домой. Пришли—и застали дома голодъ. Теперь и на заработки имъ итти нельзя,—вторыхъ паспортовъ не выдаютъ изъ волостного правленія. Приходится голодать.

Скверно сейчасъ приходится мужику, плохо и всѣмъ, кто матеріально зависитъ отъ него.

Муллы Тетюшскаго уѣзда послали „слезное“ прошеніе муфтію:

— Жить не на что. Прихожане ничего не платятъ.

Они просятъ вспомоществованія.

Туго приходится и православнымъ священникамъ.

— У насъ осенью новину собираютъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ батюшка.—Обыкновенно пудовъ 25 хлѣба привожу, а нынѣ пошелъ,—никто ничего не даетъ. Покойниковъ приносятъ въ церковь. „Отпѣвай,—говорятъ,—а деньги послѣ когда-нибудь“. За весь годъ только два брака...

Отсутствіе браковъ—любопытное явленіе. Постоянные неурожаи и вообще усиливающаяся съ каждымъ годомъ тягота деревенской жизни уменьшаютъ браки. Теперь приходится встрѣчать крестьянъ 25—27-ми лѣтъ неженатыхъ. Спрашиваешь: „Почему?“—„Некогда было“,—отвѣчаютъ. Дѣйствительно, некогда. Вся жизнь уходитъ на то, чтобы заработать и прокормиться самому. До семьи ли тутъ?

— Нонѣ съ дѣтьми-то горе одно,—разсказывалъ мнѣ одинъ холостой мужикъ.—Богъ съ ними!

И деревни коснулся „страхъ жизни“...

Плохъ, конечно, нынѣшній годъ и въ податномъ отношеніи. Но подати все-таки стараются „вытрясти“.

— Никто копѣйки не даетъ,—жаловался одинъ старшина,—а земскій требуетъ.

Взыскиваютъ съ зажиточныхъ. Съ бѣдноты что же возьмешь? Но и зажиточные нынѣ на волоскѣ отъ бѣдноты. Отказываются платить. У нихъ описываютъ овецъ и самовары. Но до продажи дѣло не доходитъ. Только пугаютъ описью.

— Но мірскія придется какъ-нибудь брать и съ бѣдноты,—говоритъ одинъ старшина.—На что же мы будемъ содержать правленіе? Я говорилъ восейка земскому: позвольте, молъ, вычитать изъ общественныхъ работъ. Не позволено,—говоритъ.—А самъ требуетъ: „давай!“ Откуда же я ему возьму?

Но мужику иногда приходится платить налоги даже изъ ссуды. Въ деревнѣ Кайбицахъ, Буинскаго уѣзда, крестьяне жаловались:

— Не даетъ старшина ссуду изъ общественнаго магазина. Говоритъ: сначала подушныя заплати! Ну, и приходится занимать подъ ссуду...

Изъ Тетюшскаго я переѣхалъ въ Буинскій уѣздъ, Симбирской губ. Картина голода измѣнилась въ худшую сторону. Нужда такая же, но мѣръ борьбы съ голодомъ совершенно никакихъ. И въ Тетюшскомъ ихъ мало... По

всетаки тамъ почти въ каждомъ селеніи я находилъ общественныя работы. Въ Буинскомъ меня мѣстами переспрашивали:

— Какія такія общественныя работы?

Ихъ нѣтъ въ деревнѣ Нурлатахъ.

— Хлопотали мы, чтобы открыли, да земскій у насъ плохъ,—говорили татары.

Нужда страшная. Мужики просили продовольствія изъ общественнаго магазина. Дали 30-ти домамъ изъ 200.

— Только тѣмъ, которые умирали...

Нѣкоторые распухли отъ одного картофеля, еле двигались. Имъ дали по мѣшку зерна.

Нѣтъ, можно сказать, работъ и въ деревнѣ Кайбицахъ. Тамъ сначала возили песокъ, а потомъ стало возить нечего. Я былъ у нихъ, когда работы не было никакой. Продавали скотъ и платили подушныя.

Нѣтъ работъ и въ деревнѣ Чураковской. И въ массѣ деревнь и селъ Буинскаго уѣзда. Тутъ дѣйствуетъ тяжелый механизмъ бюрократическаго уѣзднаго комитета... Изъ 220-тысячнаго крестьянскаго населенія въ общественныхъ работахъ участвуетъ около двухъ тысячъ. Капля. Какая же это „борьба съ голодомъ“?

Но зато въ Буинскомъ уѣздѣ въ четырехъ мѣстахъ продаютъ хлѣбъ по заготовительной цѣнѣ. Вотъ только денегъ нѣтъ покупать его,—одна бѣда. Операціи по продажѣ маленькія.

Въ уѣздѣ уже появился тифъ—въ Батыревскомъ участкѣ. Есть такія селенія, о которыхъ даже земскіе начальники просятъ въ комитетѣ:

— Помогите, ѣсть нечего...

Такова деревня Люли, Тарховской волости. Она населена безземельными. Нужда страшная.

Голодныя гнѣзда и въ деревняхъ Алманчиковѣ и Убей-Начаровѣ. Тамъ три года подъ-рядъ градобитіе, а запасныхъ магазиновъ нѣтъ.

6.

Общественныя работы.

Въ ноябрѣ по Казанской губерніи былъ объявленъ циркуляръ губернатора:

„Продовольственныхъ ссудъ не будетъ дано. Кто не имѣетъ хлѣба, становись на общественныя работы. Спроси въ волостномъ правленіи, гдѣ онѣ есть“.

— Очень хорошо,—одобрилъ циркуляръ одинъ мой знакомый, сельскій священникъ.—Крестьянину пріятнѣе заработать хлѣбъ трудомъ, чѣмъ получать „паекъ“... Только нужно, чтобы голодающій, дѣйствительно, могъ зарабатывать для себя и семьи кусокъ хлѣба. Гарантируетъ это губернаторъ?

— Вотъ у насъ въ селѣ прудъ рыли,—продолжалъ онъ,—работало 28 человѣкъ, ихъ мѣняли на другихъ, такъ что всего было занято 150 человѣкъ. А къ пруду каждый день подходила толпа въ 500 человѣкъ и просила техника: „Дай, Христа ради, работы! Не умирать же намъ“. Но работы не было, и они уходили домой.

Это, конечно, не единичный случай. Циркуляръ расклеенъ въ Казанской губерніи, видимо, по ошибкѣ, такъ какъ общественныя работы здѣсь не кормятъ и пятой части голодающихъ, желающихъ работать. А за организацію этихъ работъ прямо стыдно передъ мужикомъ...

Въ Тетюшскомъ уѣздѣ я нашелъ нѣсколько селеній (Людоговка, Чемчурино, Мал. Яльчики и др.) безъ общественныхъ работъ. Крестьяне просили администрацію: „Дайте намъ возможность заработать“. Но въ отвѣтъ имъ были одни обѣщанія...

Но и тамъ, гдѣ работы устроены, онѣ кормятъ да-

леко не всѣхъ нуждающихся жителей селенія. Работаетъ треть, пятая часть села. Остальные же стоятъ поодаль и завидуютъ счастливчикамъ. Волостное правленіе не въ силахъ указать имъ, гдѣ найти заработокъ.

Понятно, что изъ чужихъ селеній не принимаютъ,— „самимъ мало". Одна чувашка мнѣ жаловалась:

— Не пускаютъ мово хозяина на работу.

— Почему?

Семья многочисленная, очень бѣдная.

— Онъ отрубникъ. Говорятъ: „Ты отрубился и уходи. Работы идутъ на нашей землѣ, а не на твоей!"

Изъ-за работъ ссоры, распри, зло. Побѣждаетъ, конечно, зажиточный слой. Когда, подъ аккомпанементъ криковъ о помощи, въ Казани шелъ споръ о томъ, кто долженъ завѣдывать помощью,—администрація или земство,—поставили вопросъ:

— Кому помогать общественными работами?

Земство говорило:

— Главнымъ образомъ, крестьянину средняго достатка, чтобы не допустить его до разоренія.

Администрація была „демократична".

— Помогать необходимо бѣднѣйшимъ. Имъ надо дать возможность прокормиться до новаго хлѣба.

Споръ безтолковый, никому не нужный. Все равно жизнь отдала бы побѣду въ руки зажиточныхъ.

На работы принимаются по спискамъ волостныхъ правленій, а въ эти списки было велѣно записывать только бѣднѣйшихъ. Но выходило всегда такъ, что тамъ было больше зажиточныхъ.

— У насъ работаютъ имѣющіе 3—4 лошади,—съ негодованіемъ разсказывалъ мнѣ одинъ татаринъ,—а бѣдноту тѣснятъ, оттираютъ...

Богатымъ мирволятъ. Но иногда ихъ гонятъ съ работы,—слишкомъ ужъ ясна бываетъ несправедливость. Они все-таки находятъ лазейку... Слѣдить не-

кому. Техникъ бываетъ рѣдко,—онъ одинъ на волость. Старшина вездѣ не посиѣетъ. А табельщикъ скрываетъ.

Самыя работы таковы, что онѣ требуютъ примѣненія силъ зажиточныхъ, а не бѣдныхъ. Для возки земли нужны непремѣнно лошади, для копанія — лопаты; чтобы работать среди осенней сырости и холода, необходима теплая одежда.

— Работы не про насъ,—говорилъ мнѣ одинъ бѣднякъ,—простудишься въ своемъ рваномъ ватошникѣ, на весь вѣкъ калѣкой будешь. Проработай-ка съ 6-ти часовъ утра до 6-ти вечера съ пустымъ брюхомъ и на холодѣ!

— Безъ спины, безъ рукъ приходятъ, — передавали мнѣ.

Есть слой бѣднаго деревенскаго населенія, который уже совершенно не можетъ воспользоваться работами: калѣки, больные, дѣти, старики, женщины съ дѣтьми и безъ работника, одинъ работникъ при большой семьѣ (ему бываетъ нельзя отойти отъ дома). Такихъ тысячи въ каждомъ уѣздѣ. Что съ ними дѣлать?

Заработокъ на общественныхъ работахъ незавидный. Пятьдесятъ копеекъ въ день, а у подростковъ и женщинъ—30 коп. По воскресеньямъ и праздникамъ работъ не производится. Заработокъ, значитъ, 40 коп. въ день. Если работаетъ одинъ изъ семьи,—такихъ большинство,—то ему на трешницу въ недѣлю трудно бываетъ прокормиться съ семьей. Пудъ муки стоитъ уже 1 р. 40 к. Нужно и лошади подсыпать въ солому муки. Трудовой „кусокъ хлѣба", какъ видите, тощій...

Но онъ дѣлается совсѣмъ незамѣтнымъ, если работа происходитъ вдали отъ родного села. Тогда что крестьянинъ заработаетъ, то и проѣстъ, а семьѣ ничего не останется.

Работы нерѣдко прерываются. Организація плохая. То заработанныхъ денегъ ждутъ и не работаютъ,—а

деньги задерживаются недѣлями; то техникъ не можетъ долго осмотрѣть сработанное; то еще какія-нибудь причины. Я знаю село, гдѣ мѣсячный заработокъ 60-ти крестьянъ равняется 116 рублямъ...

— Техникъ плохой,—наивно объясняли крестьяне.

Въ „знаменитомъ“ казанскомъ спорѣ обнаружились двѣ точки зрѣнія на общественныя работы.

— Работами надо только дать прокормиться, а не преслѣдовать общественную пользу отъ тѣхъ или иныхъ сооруженій, — говорила администрація устами д. с. с. Ковалевскаго.

— Нѣтъ, общеполезность сооруженій надо ставить на первый планъ,—возражало земство.

Споръ и въ этомъ пунктѣ оказался лишнимъ. Хотя работы были отданы земству, но оно спроектировало сооруженія, имѣющія узкое мѣстное значеніе. О широкой экономической программѣ некогда и некому было подумать.

Главнымъ образомъ, комаютъ водоемы въ пожарныхъ цѣляхъ и кое-гдѣ укрѣпляютъ овраги и насыпаютъ дамбы. Вотъ и все. Сооруженіе исключительно въ интересахъ одного села.

Я ѣхалъ по Тетюшскому уѣзду, гдѣ работы были отданы въ руки чиновниковъ попечительства о трудовой помощи. Крестьяне вездѣ мнѣ говорили, что работъ мало. А я видѣлъ предъ собой ленту совершенно испорченнаго центральнаго шоссе, по которому уже перестали ѣздить,—такъ оно избито.

— Вотъ бы,—говорилъ я,—вамъ шоссе исправить?

— Не даютъ.

Общеполезныя сооруженія воспрещены,—вспомнилъ я д. с. с. Ковалевскаго.—А судьба мелкихъ сооруженій извѣстна изъ опыта прежнихъ общественныхъ работъ. Пруды затянутся иломъ и станутъ вонючимъ болотомъ-клоакой, дамбы обсыплются, овраги будутъ попрежнему сползать.

— Значеніе общественныхъ работъ ничтожно, — справедливо говорило чистопольское земство.

Работаютъ кое-какъ. „Для видимости“. За работой никто не смотритъ. Работы носятъ благотворительный и... деморализующій характеръ.

— Не работа, а одинъ развратъ,—сказалъ мнѣ близкій къ дѣлу человѣкъ.—Изъ крестьянина готовятъ сквернаго рабочаго.

— Намъ не домъ домить, а душъ кормить,—опредѣляютъ крестьяне пословицей значеніе работъ.

Такъ смотрятъ на дѣло и нѣкоторые техники. Одинъ старшина разсказывалъ мнѣ:

— Вижу, не открываетъ техникъ въ одной деревнѣ работъ, да и только. Спрашиваю:

— Когда откроешь?

— Успѣешь,—отвѣчаетъ,—вы сработаете, а я потомъ чѣмъ буду жить?

Конечно, въ денежныхъ дѣлахъ работъ злоупотребленія. Табельщики приписываютъ работниковъ. Работаетъ 100, а они пишутъ 120. За лишнихъ получаютъ въ свой карманъ. Табель недѣльная. Техникъ не въ силахъ провѣрить.

Наконецъ,—самое главное,—съ первымъ снѣгомъ работы кончаются. Говорятъ, сучья и кирпичъ будутъ возить. Но эта работа уже прямо для зажиточныхъ. Да и займетъ она единицы.

— А съ весной, разсказывали мнѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ,—у насъ нечего будетъ дѣлать. Все уже сдѣлали: прудъ вырыли, ключъ вычистили...

Въ самомъ дѣлѣ, не улицы же деревенскія устилать торцомъ!

Циркуляры, конечно,—вещь спокойная. Но кромѣ циркуляровъ, существуетъ на свѣтѣ человѣческая жизнь. Она противодѣйствуетъ бумажистикѣ и разоблачаетъ ея непрактичность.

7.

Попытки скрыть голодъ.

Мы не только не вооружены въ борьбѣ съ голодомъ, но даже,—стыдно сказать,—не знаемъ силъ своего противника. У насъ прорывалось желаніе замолчать бѣдствіе, но нѣтъ самаго существеннаго—правильной, точной статистики голода.

Сначала офиціально были объяты пламенемъ бѣдствія только 17 губерній. Потомъ оказалось, что пораженныхъ несчастьемъ губерній уже 20. И, наконецъ, было высчитано, что голодающихъ губерній въ Россіи 26. Понятно, что при такой „статистикѣ“ невозможна и своевременная помощь населенію.

Но зато возможны жалкія попытки скрыть размѣры голода. Къ сожалѣнію, эти попытки исходили не только отъ темныхъ людей, ловившихъ рыбу въ мутной водѣ. И не одна мѣстная администрація занималась этимъ безцѣльнымъ занятіемъ. Голодъ старались скрыть даже нѣкоторыя земскія управы Казанской губерніи. Напримѣръ, на свіяжскомъ земскомъ собраніи былъ прочитанъ такой докладъ управы:

— „Урожай хорошій, даже лучше прошлогодняго“.

Гласные изумились. Что такое? Въ уѣздѣ голодъ,—это всѣ знаютъ,—требуется немедленная помощь, а по докладу выходитъ, что „все обстоитъ благополучно“.

Стали разбираться. Оказалось, что „цифровыя данныя не провѣрены“, докладъ составленъ „на-спѣхъ“, кое-какъ. Предсѣдатель управы г. Сушко сознался:

— Цифры, дѣйствительно, мертвыя.

Собраніе постановило просить, въ виду неурожая,

устроить въ уѣздѣ общественныя работы, выдать сѣменныя ссуды и т. п.

Удивительный фактъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ не единичный...

Общественныя бѣдствія взбаламучиваютъ жизненную топь, и на поверхности ея вдругъ показываются и отдѣляются люди энергіи, таланта и самопожертвованія. Но вмѣстѣ съ ними наружу „претъ“ и махровая пошлость нашего обывательскаго существованія, въ спокойное время таящаяся „въ глубинахъ“. „Отъ нея же всѣ качества“,—до низости включительно...

Труднѣе всего въ нищей Россіи обнаружить нищету. Кажется, легче накормить голоднаго, чѣмъ „открыть“ голодъ.

Казанскій уѣздъ, напримѣръ, не былъ признанъ „пострадавшимъ отъ неурожая“. Но на земскомъ собраніи выяснилось., что даже по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій,—несомнѣнно, преуменьшеннымъ, — уѣздъ требуетъ крупной продовольственной помощи:

— Нужно свыше полмилліона пудовъ на обсѣмененіе полей, нуженъ кормъ для скота, нужно продовольствіе и ссуды...

Уѣздъ, оказывается, „пострадалъ отъ неурожая“.

Ядринскому земству пришлось даже выдержать нѣкоторую борьбу за попытку обнаружить голодъ.

Членъ земской управы поѣхалъ въ уѣздъ собирать свѣдѣнія о неурожаѣ. Между прочимъ, обратился къ волостнымъ правленіямъ:

— Какъ у васъ нынѣшній годъ?

— Никакихъ свѣдѣній мы не можемъ выдать,— сухо отвѣчали ему тѣ.

Нѣкоторыя правленія сначала было откровенно разсказали:

— Вопіющая у насъ нужда...

Но потомъ послали догнать на дорогѣ члена управы и посланный увѣрялъ его:

— Свѣдѣнія ошибочны. Урожай хорошій. Населеніе въ помощи не нуждается...

На земскомъ собраніи управа заявила, что „уѣздный съѣздъ далъ невѣрныя свѣдѣнія объ урожаѣ", вслѣдствіе чего нѣсколько голодныхъ волостей оставлены безъ помощи на произволъ судьбы. Одинъ гласный,—волостной писарь,—очень ходатайствовалъ объ организаціи общественныхъ работъ.

— Страшная нужда во всѣхъ волостяхъ,—говорилъ онъ.

А въ своихъ свѣдѣніяхъ, несомнѣнно, писалъ для „начальства" иначе:

— Все, ваше высокоблагородіе, обстоитъ благополучно!..

Такъ, видимо, пріятнѣе „начальству". А главное— меньше ему хлопотъ.

Та же картина и въ Царевококшайскомъ уѣздѣ. По свѣдѣніямъ администраціи, тамошніе крестьяне тоже „не пострадали отъ неурожая". Но земство настойчиво просило объ организаціи общественныхъ работъ, указывая на голодъ...

Ясно, въ чью руку играютъ люди, скрывающіе голодъ. Выгодно это только хлѣботорговцамъ. Имъ надо, чтобы навигація была закрыта безъ шума. А потомъ— шуми сколько угодно: у нихъ однихъ будетъ заготовленъ хлѣбъ...

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, болѣе другихъ уѣздовъ губерніи пострадавшемъ отъ неурожая, на этой почвѣ было совершено даже уголовное преступленіе, которое, къ сожалѣнію, осталось безнаказаннымъ.

Послѣ того, какъ даже биржевой комитетъ призналъ, что степень урожайности въ уѣздѣ „ниже средняго", въ „Торгово-Промышленной Газетѣ", „Вѣстникѣ Рыбинской Биржи", союзническомъ „Казанскомъ Телеграфѣ" и др. подобныхъ органахъ появилась корреспонденція изъ Чистополя, въ которой прямо говорилось, что въ Чистопольскомъ и Лаишевскомъ уѣздахъ урожай обѣщаетъ быть „не ниже средняго".

„Предполагаютъ,—пишетъ корреспондентъ, — что умолотъ въ сложности составитъ 50 пудовъ съ казенной десятины, а, можетъ-быть, и больше..."

Въ дѣйствительности, умолотъ оказался равнымъ 10—20 пудамъ, а мѣстами гораздо меньше. И не было момента, который давалъ бы поводъ надѣяться на большой урожай.

Ложь была такъ ярка и вредна, что чистопольское земское собраніе сочло нужнымъ разоблачить тайные мотивы ея, опровергнуть корреспонденцію.

Мы здѣсь входимъ уже по горло въ болото низкихъ человѣческихъ страстишекъ...

На тетюшскомъ земскомъ собраніи обсуждался вопросъ о продажѣ хлѣба по заготовительной цѣнѣ.

Предсѣдатель управы, (послѣ „подавшій въ отставку") купецъ-мельникъ Ашмаринъ энергично настаивалъ на продажѣ хлѣба непремѣнно мукой, а не зерномъ.

— За размолъ ржи надо набавить 6 копеекъ съ пуда,—предлагалъ онъ.

— Позвольте,—возражали мѣстные купцы Полосухинъ и Крупинъ.—Шесть копеекъ это—цѣна заграничная. На мельницѣ Ашмарина и на другихъ тетюшскихъ мельницахъ можно было бы брать за размолъ 3½ копейки...

Къ счастью, собраніе единогласно постановило продавать крестьянамъ зерномъ.

Мнѣ разсказывали о продѣлкѣ одного волостного старшины Тетюшскаго уѣзда.

— Въ свѣдѣніяхъ о нынѣшнемъ урожаѣ онъ написалъ, что съ сотни сноповъ умолотъ 7—8 пудовъ. Въ дѣйствительности, умолотъ 2 пуда.

— Что же онъ богатый человѣкъ?

— Нѣтъ, средній, даже бѣдный.

— Хотѣлъ угодить начальству?

— И этого какъ-будто не было. Ему даже попало отъ начальства за эту ложь... Но онъ въ большой дружбѣ съ однимъ виднымъ земцемъ. А этотъ земецъ взялъ въ банкѣ 2,000 рублей изъ 6%, купилъ на нихъ хлѣба и роздалъ крестьянамъ въ долгъ подъ закладъ земли. Наживетъ процентовъ 15—20.

Этому земцу выгодно было, чтобы о неурожаѣ много не шумѣли, пока онъ не заготовилъ хлѣба...

Избави Богъ Россію отъ такихъ „земцевъ"! И вообще—отъ всѣхъ, которые въ минуту тяжелаго общественнаго бѣдствія не стѣсняются „успокаивать":

— Голода нѣтъ.

Къ сожалѣнію, такими хищниками и ихъ покровителями на голодѣ хоть „прудъ пруди". Чувствуютъ они себя отлично. И даже не совѣстятся...

8.

Въ Симбирской губ.—„Голода нѣтъ".—Земство „подвело".—Кругомъ „массоны" и „жиды".—Голодающіе на заработкахъ въ Орловской и Курской губ.—Дѣятельность духовенства.

— У васъ сильный голодъ?—спросилъ я одного обывателя Симбирска.

— У насъ?

Онъ сначала боязливо оглянулся по сторонамъ. Потомъ поднялъ брови и покачалъ головой:

— Никакого голода нѣтъ. Откуда вы взяли?

Я проѣхалъ Буинскій уѣздъ и немного Симбирскаго. Тамъ вездѣ острый голодъ. Крестьяне частью „проѣли" послѣдній хлѣбъ и перебивались картофелемъ, частью проѣдаютъ. Въ самомъ Буинскѣ сотни деревенскихъ портныхъ сидятъ безъ работы и безъ хлѣба. Безпомощность вездѣ поразительная. Нѣтъ ни ссудъ, ни столовыхъ, а общественныхъ работъ съ фонаремъ не сыщешь. Гдѣ онъ, — Богъ ихъ знаетъ. Вездѣ,—и въ Буинскѣ, и по деревнямъ,—всѣ,—крестьяне, старшины, учителя, священники,—говорили только о голодѣ и о грядущихъ неизбѣжныхъ болѣзняхъ...

А въ Симбирскѣ утверждали:

— Голода нѣтъ! Это въ „просвѣщенной" Англіи голодъ, а у насъ, слава Богу!

Странное дѣло!

Обращаюсь къ мѣстнымъ газетамъ. Въ одной,—видимо офиціозной и, какъ водится, по-союзнически, безграмотной,—не было слово „голодъ", а факты продовольственной кампаніи отмѣчались мимоходомъ и тонули въ кучѣ разныхъ начальственныхъ распоряженій и циркуляровъ. Въ другой,—очень малокровной, но прогрессивной,—о голодѣ также ни звука, а хроника жизни писалась такъ, какъ-будто надъ редакторомъ стояло недреманное око" и при каждой попыткѣ сказать правду неукоснительно твердило:

— Помни: у насъ голода нѣтъ!

— Что же есть?

— Недородъ. И притомъ небольшой. Слышишь: небольшой недородъ. Такъ себѣ,—шалость природы. Если же будетъ голодъ, то будутъ и штрафы!..

— Слушаю...

Здѣсь находятъ не соотвѣтствующимъ дѣйствительности даже такое невинное выраженіе:

„Крестьяне, пострадавшіе отъ неурожая".

— Въ Симбирской губерніи нѣтъ пострадавшихъ!.. Запомните!

Видимо, живутъ тутъ одни благословляющіе природу и... начальство...

Говорятъ, что это—новое средство противъ голода.

— Не обращать на него вниманія и даже о немъ не говорить...

Такъ лечатъ, напримѣръ, кашель...

Какъ бы тамъ не было, въ Симбирскѣ „все обстоитъ благополучно“. Всѣ на мѣстахъ. Команда дана. По командѣ даже перестроены мозги. Въ „уѣзды“ ѣздятъ разные члены, инспектора, чиновники палатъ и другихъ учрежденій. И всѣ по пріѣздѣ наперерывъ спѣшатъ доказать свою благонамѣренность и „работоспособность“:

— Голода нѣтъ.

— Очень хорошо. Я такъ и зналъ.

— Рады стараться.

— Голодъ выдумали жиды...

— Такъ точно... жиды... самъ видѣлъ.

— И масоны.

— Такъ точно... и масоны.

Но все-таки боязно: а вдругъ дѣйствительность найдетъ окольные пути? Бываетъ. Тогда было рѣшено, чтобы замазать всѣ щели, не давать репортеру прогрессивной газеты свѣдѣній объ эпидеміяхъ. Врачебное управленіе для него стало неприступной крѣпостью. Съ неохотой и,—должно-быть, не полно,—даютъ ему свѣдѣнія и во врачебномъ столѣ губернскаго земства. Одно время, послѣ телеграммы о голодѣ, появившейся въ „Новомъ Времени“, въ земствѣ серьезно подумывали:

— Да стоитъ ли вообще давать свѣдѣнія?

Но потомъ нашли, что земство — все-таки земство, а не интендантское управленіе. И стали давать, хотя и съ видимой неохотой...

Губернское земство „полиберальничало“ только сначала:

— Отказываюсь отъ административныхъ комитетовъ,—заявило оно.

Но рядомъ съ этимъ пропѣло въ тонъ „начальству“:

— Ссуды только развращаютъ. Нужны однѣ общественныя работы.

Исключеніе—ссуды на прокормъ скота.

— И онѣ развращаютъ,—твердили упорные.

— Да, но населеніе безъ нихъ разорится въ конецъ,—откровенно призналось собраніе.

Уѣздныя земства въ большинствѣ приняли комитетскую организацію. Тогда и губернское земство потянулось за ними. Безъ преній согласилось.

Стали „работать“ вмѣстѣ съ мѣстной администраціей. И въ тонъ ей пѣть.

Атмосфера, въ концѣ-концовъ, создалась такая, что когда я пріѣхалъ въ Симбирскъ, знакомые говорили:

— Вы здѣсь? Вѣдь, васъ же выслали?

— Пока нѣтъ.

— Всѣ говорили: выслали, чтобы не дать ничего написать о Симбирскѣ... Объ этомъ говорятъ губернаторскіе чиновники...

Характерно.

Встрѣчали меня съ удивленіемъ и страхомъ...

Но „шила въ мѣшкѣ не утаишь“. Прежде всего, цифры-предательницы говорятъ сами за себя. „Подвело“, по обыкновенію, дружеское земство, оказавъ медвѣжью услугу. Оно заявило:

— Умолотъ съ десятины ржи—17,3 ярового—15,1.

И зачѣмъ такъ громко кричать? Извольте послѣ этого утверждать, что въ губерніи „небольшой недородъ?“ Самый страшный неурожай. Сѣмянъ мѣстами не перенесли изъ поля въ поле.

А потомъ эти неотвязныя просьбы:

— Нужна немедленная помощь!

Ну, къ чему?

Губернское земство даже грозно предупредило:

„Необходимо заявить правительству, что помощь необходима, ибо въ противномъ случаѣ всѣ тяжелыя

послѣдствія недоѣданія лягутъ на земство, въ видѣ борьбы съ различными эпидемическими болѣзнями".

Въ этомъ предупрежденіи между строкъ многіе нашли слѣды разрушительной пропаганды „жидовъ и масоновъ".

Пролѣзли „масоны" и въ благонамѣренныя головы уѣздныхъ земцевъ:

— Продовольственно-ссудной помощи не избѣжать,—мрачно изрекли эти земцы на собраніяхъ.

А нѣкоторыя земства, какъ, напримѣръ, ардатовское, даже осмѣлились просить:

— Отпустите намъ 200 тысячъ на благотворительную помощь!

Правда, ему отказали. Но оно все-таки успѣло крикнуть:

— На Шипкѣ не все благополучно. Есть и голодающіе...

А это-то и непріятно „патріотическому" сердцу.

Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Самыя мудрыя мѣры совершенно неожиданно провалились.

Возлагали надежды на общественныя работы. Но ихъ удалось организовать въ гомеопатическихъ дозахъ. И плату за нихъ установили гомеопатическую.

Крестьяне говорятъ:

— Только голодъ заставляетъ работать...

Съ продажей хлѣба по заготовительной цѣнѣ произошли самые „неожиданные пассажи". Прежде всего, долго не удосуживались организовать эту продажу. Бывало такъ, что хлѣбъ лежитъ на станціи, земство платить простойныя, а не беретъ. Все некогда. Но самое главное:

— Крестьяне не покупаютъ земскаго хлѣба.

И качествомъ онъ не плохъ, и цѣна его гораздо ниже базарной. Казалось бы, должны расхватать въ одинъ мигъ. А выходитъ другое:

— Не покупаютъ.

Въ Алатырѣ заготовили 29,400 пудовъ. А продали въ продолженіе октября всего 55 пудовъ.

Въ Буинскѣ также мнѣ жаловались:

— Мало покупаютъ.

— По невѣжеству,—объясняли одни.

— По природной неблагодарности, — догадывались другіе.

— По отсутствію денегъ,—признавались сами крестьяне.—И рады бы купить у земства, да „купилки" нѣтъ...

И идутъ они къ деревенскому богачу-ростовщику. Онъ съ нихъ беретъ „патріотическіе" проценты, ставитъ безбожную цѣну, но зато:

— Даетъ въ долгъ.

Трудно убѣдить симбирское, да и всякое другое начальство, что въ ссудѣ пока вся суть продовольственной помощи. О трудовыхъ же ея видахъ надо было думать немного раньше, разрабатывать и подготовлять планъ ихъ постепенно, года за два, за три до бѣдствія. Голодъ у насъ, вѣдь, сталъ регулярнымъ явленіемъ... А когда предъ вами голодный нищій, жестоко читать ему рацеи:

— Ты развращенъ подачками, голубчикъ!

— Можетъ-быть,—въ правѣ отвѣтить онъ,—но объ этомъ поговоримъ послѣ. Сію же минуту мнѣ ѣсть нечего... До устройства вашихъ общественныхъ работъ я могу умереть съ голоду или такъ истощать, что и работать не смогу...

Но все это говорится не для симбирскихъ руководителей...

Не для нихъ и голодныя цѣны на скотъ. Былъ я на мытномъ дворѣ въ Симбирскѣ. Спрашивалъ, почемъ мясо? Отвѣчали:

—Мѣстное—три копѣйки, пожирнѣе—четыре. Впрочемъ, для господъ у насъ есть привозное черкасское—по 12 коп.

Мимо ушей „руководителей“ идутъ и такія печальныя вѣсти изъ уѣздовъ:

— Въ Ардатовскомъ и Сызранскомъ не переводится тифъ...

— Это не голодный,—„оправдываются“ они.

Пока, можетъ быть, и не голодный. Но какъ можно утверждать, что истощенность крестьянскаго организма не играетъ въ этой болѣзни никакой роли? И можно ли гарантировать, что завтра этотъ „не голодный“, но страшный по своимъ размѣрамъ и упорству тифъ, не перейдетъ въ „голодный“?

Утѣшеніе „ихъ“ чисто „симбирское“...

Земство „подвело“ не однѣми только „голодными“ цифрами. Оно вздумало помочь населенію организованіемъ артелей рабочихъ и жестоко провалилось.

Двѣ очень видныхъ экономіи въ Орловской и Курской губерніяхъ просили рабочихъ. Губернской управой были отобраны самые голодающіе и посланы. Но черезъ недѣлю-другую эти рабочіе явились обратно въ Симбирскъ и обратились къ земству съ упреками:

— Какъ вамъ не совѣстно? Къ кому вы насъ послали?

Оказывается, несчастные люди попали въ лапы самой беззастѣнчивой эксплоатаціи. Тетюшскіе крестьяне на Амурѣ того не испытали, что пришлось перенести симбирскимъ голодающимъ въ рекомендованныхъ земствомъ экономіяхъ.

Они принесли съ собой хлѣбъ, которымъ кормили ихъ на экономіяхъ. Въ немъ оказалось 40% мякины... Рабочимъ онъ продавался по обычной базарной цѣнѣ.

Ихъ преслѣдовали штрафами: за изломъ зуба у пилы вычитали 80 коп., за изломъ деревянной ложки—10 коп., за отпайку соска у чайника—60 коп...

— Это не работа, а каторга,—говорили рабочіе.

Они „прибѣжали“ домой безъ копѣйки денегъ, такіе же голодные, какъ и были.

Но кто особенно „подвелъ“ симбирскихъ „руководителей“, такъ это дворянство и духовенство.

Буинскій предводитель дворянства А. А. Головинскій, числящійся въ черносотенно-„націоналистическомъ“ лагерѣ, открыто заявилъ, что „нужда въ его уѣздѣ стоитъ остро“.

„Единственный способъ помочь голодающимъ,—писалъ онъ губернскому комитету трудовой помощи,—это—организовать немедленно же столовыя“...

Я былъ въ Буинскомъ уѣздѣ позже этого письма. Никакой немедленной помощи тамъ еще не было организовано.

Итакъ, слово „голодъ“ было открыто произнесено представителемъ дворянства. Не удержалось, чтобы не сказать правды, и симбирское духовенство. Въ лицѣ преосвященнаго Веніамина оно также громко заявило о „голодѣ“.

Какъ извѣстно, ни въ одной епархіи, кромѣ симбирской, духовенство не отозвалось на голодъ. Въ Симбирскѣ же епископъ очень рано почувствовалъ приближеніе народнаго бѣдствія и опубликовалъ циркуляръ:

— Голодъ идетъ, крѣпче запирайте двери церквей!

Вотъ текстъ его циркуляра:

„Въ виду голоднаго года и приближающихся темныхъ, продолжительныхъ ночей, предлагаю консисторіи циркулярно предписать всѣмъ настоятелямъ и старостамъ приходскихъ церквей ввѣренной мнѣ епархіи, чтобы они тщательно слѣдили за церковными сторожами, провѣряя ихъ бдительность и добросовѣстное окарауливаніе храмовъ.

Никому не секретъ: въ голодные годы и темныя осеннія ночи злодѣи-хищники всегда какъ-то стараются грабить храмы и ихъ имущество“.

И здѣсь этотъ „непріятный“ терминъ:

— Въ виду голоднаго года.

— Да нѣтъ же голода въ Симбирской губерніи,— увѣряютъ „руководители“,—это въ „просвѣщенной“ Англіи голодъ, а у насъ все слава Богу!..

— Голодъ? Откуда вы взяли?—шепчетъ мнѣ, оглядываясь по сторонамъ, перепуганный симбирскій обыватель.—Это все жиды и масоны выдумали!..

9.

По дорогѣ въ Сызрань. — „Продовольственный“ господинъ. — Желѣзная система. — „Власіанка“. — Сызранскій Иліодоръ.

Ѣхали молча, думая каждый про себя:

— Что это за человѣкъ? На всякій случай надо отъ него быть подальше...

Потомъ по какому-то незначительному случаю разговорились. Узнали, что всѣ ѣдемъ въ Сызрань и чему-то какъ будто обрадовались. Въ воздухѣ стало легче.

Противъ меня сидѣлъ сызранскій земскій гласный, изъ крестьянъ. Онъ одинъ изъ всей нашей пестрой компаніи интересовалъ меня, какъ человѣкъ земли, сынъ деревни.

— Ну, какъ? Плохо у васъ нынѣ?—спрашиваю у него.

— Надо бы хуже, да нельзя... Изо всѣхъ годовъ...

Сидѣвшій рядомъ со мной господинъ въ пенснэ и поддевкѣ поднялъ изъ-за газеты голову. Онъ ѣхалъ по какимъ-то продовольственнымъ порученіямъ, — но, — Богъ его суди,—физіономія его хотя была и продовольственная, но съ другой стороны... Сіяла, какъ мѣдный тазъ. Смотришь на него, и всякая чепуха въ голову лѣзетъ: „бараній бокъ съ кашей... жареный гусь... полдюжины пива“... Тфу, ты, пропасть!

Но оказалось, что этотъ „жареный гусь“—большой „философъ“ „практической“ школы. Мнѣ пришлось перевести свое вниманіе съ гласнаго на него.

— Вотъ Государственная Дума признала,—говорю я,—что правительство во-время приняло мѣры.

— У насъ маненько запоздало,—отзывается гласный.

— Ничуть, — отзывается продовольственный господинъ.

Онъ бросилъ газету и съ живостью, совершено необычною для его жирнаго тѣла, спросилъ гласнаго:

— Что есть голодъ?

Тотъ растерялся.

— У васъ тифъ? Цынга?

— До этого дѣло, слава Богу, пока не дошло.

— Ну, значитъ, нѣтъ и голода. И мѣръ никакихъ не надо.

— Народъ больно отощалъ...

— Ахъ ты, Господи Боже мой,—нервно перебилъ онъ гласнаго.

Обернулся ко мнѣ и началъ крикливо говорить:

— Благотворить можно только чувствомъ, а управлять непремѣнно надо системой. Какую же систему надо положить въ основаніе? Только трезвую и разумную. Противъ жизни, какъ противъ рожна,переть нельзя. А жизнь учитъ, что никогда не надо поддерживать падающихъ, иначе вмѣстѣ съ нимъ упадешь. Надо, вмѣсто того, тверже укрѣплять стоящихъ...

— Позвольте, но если люди умираютъ съ голоду?

— Конечно, тогда имъ нужно помочь. Въ государствѣ не должно быть умирающихъ съ голоду. Но помочь надо только тѣмъ, кому нечего уже продать и негдѣ заработать. Только въ эту послѣднюю минуту благотворительная помощь своевременна и разумна.

— А раньше, когда у крестьянина еще остаются лошадь, изба, надѣлъ?

— Раньше она вредна, такъ какъ является по-

пыткой исправить естественый законъ...

— Не законъ, а простое несчастье.

— Простите меня, для близорукихъ — да. Но въ этомъ несчастьи—законъ уничтоженія мелкихъ общинныхъ хозяйствъ и всего отжитого и вреднаго для Россіи крестьянскаго строя жизни. Законъ 9 ноября сметаетъ то, что не имѣетъ корней и виситъ на воздухѣ. То же дѣлаютъ и неурожаи. Они помогаютъ хуторскому закону валить слабое, а на его мѣстѣ укрѣплять сильное, торжествующее. Нужно это для того, чтобы стѣной отдѣлить бѣдныхъ отъ богатыхъ. Когда этотъ великій процессъ совершится, жизнь будетъ яснѣе. Рабочій вопросъ станетъ проще, не будетъ осложняться принадлежностью рабочаго къ землѣ и разными другими гніющими подпорками...

— Вы просто благословляете разореніе крестьянина?

— Не разореніе,—это—сильное слово,—а сведеніе его на степень рабочаго. Оно естественно и неизбѣжно. Безсмысленно ему противиться и задерживать.

Полная дама, сидѣвшая противъ толстяка, вдругъ проговорила:

— Поистинѣ все въ руцѣ Божьей.

Она сидѣла дотолѣ спокойно. Лицо у нея было постное, какъ будто она ѣхала на богомолье. Часто вздыхала, крестила ротъ и на насъ поглядывала съ недоброжелательствомъ: „Навѣрное, жулики. Поговорятъ, а потомъ въ мой карманъ полѣзутъ. Какъ только пускаютъ сюда такихъ“...

Толстяку понравилась поддержка.

— Именно,—обрадовался онъ,—все въ руцѣ Божьей. И не намъ исправлять Его законы.

Но дама, видимо, его не слушала.

— Отецъ Власій,—изрекла она въ пространство,—говоритъ, что не надо лѣчить людей, ибо Господь знаетъ, что дѣлаетъ...

— Власіанка,—вдругъ хихикнулъ стоявшій въ дверяхъ молодой человѣкъ, смутился и исчезъ.

— Вы къ о. Власію?—почтительно спросилъ толстякъ.

— Да, за молитвой и благословеніемъ, — важно отвѣтила дама.

— Это который монахъ, а на автомобилѣ катается?—спросилъ гласный, и глаза его засвѣтились смѣхомъ.

— Что жъ изъ того?—обернулась къ нему дама.— Вышній даръ прозрѣнія Господь ему далъ... И расточатся врази его,—уже гнѣвно говорила она.

О. Власій—сызранскій Иліодоръ. Когда-то былъ волостнымъ писаремъ, но рано понялъ, „гдѣ раки зимуютъ“. Принялъ монашество и между купчихъ прославился „святостью“ и „прозорливостью“. Бѣдныхъ онъ не любитъ, богатымъ очень радъ.

„Власіанки“ дарятъ ему деньги, рысаковъ, плюшевыя рясы. Подарили автомобиль. Онъ—простой іеромонахъ, но живетъ не въ монастырѣ, а въ городѣ, гдѣ въ его распоряженіи два большихъ дома. Въ одномъ онъ помѣщаетъ дѣтскій дѣвичій пріютъ и живетъ самъ съ своимъ кучеромъ и шофферомъ „Мишкой“, а другой отдаетъ подъ квартиры „власіанкамъ“.

Поклонницы собираютъ его волосы съ гребенки и ѣдятъ. Пьютъ воду, въ которой было вымыто его бѣлье, цѣлуютъ полы его грязной рясы.

Таковъ сызранскій „святой“.

— ... И о нуждѣ крестьянской,—говорила наша вагонная „власіанка“,—батюшка также учитъ: „Ни одинъ волосъ не упадетъ съ главы, все зависитъ отъ воли Его...“

— А знаете, это—ваша система,—говорю я толстяку,—только въ плоскости власіевской религіи.

— Что жъ? Я радъ. Здравыя понятія поддерживаются нашей вѣрой...

Приближалась Сызрань.

— Имѣю честь кланяться,—всталъ продовольственный толстякъ.—А къ о. Власію я навѣдаюсь обязательно,—обратился онъ къ дамѣ,—чтобы засвидѣтельствовать ему мое уваженіе.

— Ну, какъ? обратился я къ гласному послѣ его ухода,—правду онъ говорилъ?

Тотъ замялся.

— Конечно, начальству лучше извѣстно... Только...

— Что?

— ...Только одно я знаю: что въ нашей округѣ мужики, можно сказать, подыхаютъ... А помощи нѣтъ никакой...

X.

В ъ С ы з р а н с к о м ъ у ѣ з д ѣ. — Н е с ч а с т н а я д е р е в н я. — „М и л л і о н е р ы". — „З р я щ а я р а б о т а". — Л и ш н і й р о т ъ. — У ч а с т і е з е м с к и х ъ н а ч а л ь н и к о в ъ. — „К р а с н а я" м у к а.

Кругомъ бѣлая пелена. „Голодная скатерть",—говорятъ мужики.

По скатамъ, въ ложбинкахъ разбросаны деревеньки. Еще немного, и отъ нихъ останутся однѣ крыши,—все засіяетъ въ глубокомъ снѣгу.

Окуловка отбилась отъ своей семьи. Стоитъ одинокая, на краю. Съ ней рядомъ Хвалынскій уѣздъ,—чужая страна.

Несчастная деревня. Въ прошломъ году сюда занесло холеру. Человѣкъ 20 скосило, а остальные переболѣли.

— Отъ воды случилось,—объясняютъ крестьяне.— Въ родникахъ вода пропала, мы и начали пить изъ стоячаго пруда вмѣстѣ со скотомъ.

— Запахъ тяжелый. Чай каломъ отдаетъ. Замучились.

А теперь голодъ. Почва здѣсь—камень. И въ лучшіе

годы снимаютъ не болѣе 25-ти пудовъ съ десятины. А нынѣ даже и не жали. Нечего. Не было ни хлѣбовъ, ни картофеля. „Въ чистую".

Широкая улица. На ней разставлены 72 двора. Мы тихо ѣдемъ. Унылый видъ. Черезъ каждые два-три дома одна изба забита. Такихъ изгнанныхъ изъ родного угла семей болѣе 20-ти.

— Разбрелись кто куда.

Было въ деревнѣ 43 лошади. Осталось 26.

— Остальныя проѣли.

— Впередъ лошади въ гробъ не ляжешь,—печально говорятъ мужики.

Попродали коровъ, овецъ и солому. И все проѣли.

Въ деревнѣ остались только два двора съ двумя лошадьми.

— Это наши милліонщики,—шутятъ тѣ, которые не потеряли еще способность смѣяться.

У одного изъ этихъ крезовъ старой муки 50 пудовъ, у другого—100.

— Посмотримъ, сколько чего къ веснѣ у нихъ останется,—говорятъ крестьяне.

Одинъ изъ этихъ „богачей" жаловался:

— На общественныя работы не приняли. „У тебя мука есть",—говорятъ. А не знаютъ, что у меня 10 ртовъ семьи, — на сколько мнѣ этихъ 100 пудовъ хватитъ?

Помощь явилась въ этотъ забытый уголокъ только 12-го ноября. Послѣ долгихъ напрасныхъ ожиданій и волненій. И приговоромъ просили окуловцы общественныхъ работъ, и устной мольбой.

— Все говорили намъ: скоро, скоро! А у насъ уже подъ горло подступало.

Рядомъ, въ Хвалынскомъ уѣздѣ, работали съ 15-го августа.

— Бывало, ходимъ туда,—жалостливо разсказывала мнѣ баба,—и смотримъ, какъ тамъ работаютъ. Зави-

дуемъ: счастливые! Чѣмъ мы виноваты, что живемъ не въ Саратовской, а въ Симбирской губерніи? Придешь домой, да на молитвѣ и просишь Бога: „Вразуми, Господи, начальство, чтобы оно дало намъ работы“.

А дѣдъ въ той избѣ, гдѣ я остановился, все просилъ меня ему разъяснить:

— Не понимаю я. Богъ насъ наказалъ одинаково. А помощь послалъ разную. Почему такъ?

Передъ работами дѣло дошло до послѣдняго. Еще тѣ, у кого кто-нибудь жилъ на сторонѣ, держались, хотя съ нихъ неукоснительно взыскивали подати и сборы. Остальные уже скребли по сусѣкамъ.

— Испекла я ребятамъ лепешки,—разсказывала одна баба,—а они не ѣдятъ. Я на нихъ кричу, заставила ѣсть. „Отчего,—говорятъ,—мамка, глиной онѣ пахнутъ?“ Молчу,—пыль я собрала въ сусѣкѣ, да такъ съ глиной и испекла.

— Не ѣлъ два дня передъ работами,—признавался одинъ мужикъ.—Если бы не пришли къ намъ,—ложись и помирай.

— Почему такъ запоздали?—спрашиваю.

— Болѣзней-то у насъ, слава Богу, нѣтъ. Ну, начальство и думало: „стерпятъ!“

— Дѣйствительно, вѣдь, стерпѣли?

— Да. Только скота лишились. Теперь, пожалуй, не подымешься.

Наконецъ, работы открылись. Видъ у деревни сталъ веселѣе.

Толпятся на горкѣ. Подхожу. Старики, бабы, мальчишки съ ломами и лопатами. Работаютъ всѣ семьи, за исключеніемъ „милліонщиковъ“.

— Почему не учишься?—спрашиваю чумазаго мальчугана лѣтъ 11-ти.

— У насъ школы нѣтъ,—отвѣчаетъ за него мужикъ.—И близко отъ насъ не имѣется. Приговоромъ просили открыть,—не открываютъ.

— Неужели всѣ безграмотны?

— Поголовно. Никогда никто не учился. Развѣ въ солдатахъ какіе.

Срываютъ небольшую горку. Спрашиваю:

— Кому она помѣшала?

— Это двиствительно,—чешетъ какой-то старикъ въ затылкѣ,—и техникъ тоже говорилъ. Работа зрящая. Но нужно же намъ дать заработать!

Я люблю видѣть мужика за работой. Онъ становится серьезенъ, сосредоточенъ. Онъ творитъ, священнодѣйствуетъ. Таковъ онъ и здѣсь—на „зрящей работѣ“: глубокомысленно отмѣриваетъ, серьезно взмахиваетъ ломомъ... Но мнѣ кажется, что теперь какой-то Мефистофель стоитъ за его спиной и хохочетъ. Обидно за русскаго крестьянина. Поневолѣ „дармоѣдъ“.

Покопай что-нибудь, чтобы даромъ хлѣбъ не ѣсть...

— Ну, а родники,—вспомнилъ я,—ихъ бы вотъ теперь и очистить?

— Приговоромъ просили. Обѣщали. Да, знать, до весны отложили,—съ работами, вишь, запоздали.

Въ полѣ сдѣлали запруду для скота. Но, думаютъ,—снесетъ весной...

Крѣпко бьютъ ломами мерзлую почву. Вотъ скоро скуетъ морозъ землю, и ломъ, пожалуй, не возьметъ.

— Тогда какъ же?

— Пошабашимъ,—говоритъ спокойно десятникъ.—У насъ поденная.

Земля промерзнетъ,—что они въ день сдѣлаютъ?

Жутко на душѣ у работающихъ.

— Боимся, прикончатъ,—говоритъ одна баба,—тогда какъ будемъ?

Уже и теперь холодъ морозитъ руки. Варежки не грѣютъ. А объ одеждѣ молчатъ. Всѣ въ рваныхъ зипунахъ и полушубкахъ. Хоть замерзай, а работать надо,—дома голодная семья.

Нужно имѣть слишкомъ жестокое сердце, чтобы

три теплыхъ мѣсяца оставлять крестьянъ безъ работы, а теперь, когда наступ ла зима, начинать ихъ. Я освѣдомился въ Сызрани въ уѣздномъ комитетѣ:

— Когда образованъ комитетъ?

— 22-го вгуста.

— Когда была асс гнована сумма на общественныя работы?

— Въ августѣ же.

Почему въ Окуловкѣ и въ другихъ мѣстахъ только теперь начались работы? Отвѣтъ я знаю напередъ:

— Не управились.

Хоть и „зряшая работа", но работать ее трудно.

— Не направишься никакъ,—говорилъ худой старикъ,—десять часовъ помаши-ка ломомъ, да лопатой. А придешь домой,—вода и мука. Вотъ и вся пищія. Больно отощали...

— А лошади?

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Вчера три упали на работахъ. Кормимъ соломой. Иные даже старой.

Десятникъ долго уговаривалъ ихъ согласиться на сдѣльную работу. Ему не надо было бы тогда наблюдать за работающими. Но му ики возстали:

— Земля мерзлая. Что ты?

Тамъ, гдѣ согласились на сдѣльную работу, теперь плачутъ. Заработокъ съ морозами сильно понизился, вдвое.

Десятникъ открылъ мнѣ „секре ъ" работъ. Страшный „секретъ".

— Я удивляюсь,—говорилъ онъ,—изъ-за чего мужики упорствуютъ. Сдѣльно лучше для нихъ: меньше выработаютъ,—дольше будутъ работать.

— Какъ такъ?

— Работы не вѣчны. Каждой нуждающейся семьѣ высчитанъ продовольственный паекъ до 1-го іюля. Онъ переведенъ на деньги. Изъ него вычитается расходъ на

техническій персоналъ и матеріалы при работахъ. А остальная сумма отдается, какъ заработокъ, семьѣ. Кто сработаетъ свою часть, того мы выкидываемъ изъ списк .

— А во сколько времени мужикъ можетъ выработать свой паекъ?

— Въ мѣсяцъ, въ полтора.

— А потомъ?

— Какъ хочетъ. Онъ долженъ дѣлать изъ заработка сбереженіе на весь годъ.

— Но откуда? Плата же низкая!

— Знаю, неоткуда. Но такъ предположено начальствомъ.

— Вы предупредили мужиковъ?

— Говорилъ. Но они какіе-то чумовые,—не понимаютъ. Твердятъ одно: „А зимой, что будетъ?" Я почемъ знаю, что съ ними будетъ?..

Крестьяне сердцемъ чуютъ недоброе. Завоетъ въ трубахъ вьюга. Начнутся длинныя холодныя и голодныя ночи. У кого осталась лошадь, сведутъ ее со двора на базаръ. А у кого ничего не осталось, къ тѣмъ придутъ болѣзни. И вотъ тогда начнется „скорая помощь".

— Изъ прежнихъ голодныхъ годовъ знаю,—говорилъ мнѣ старшина Канадеевской волости,—ничего не будетъ безъ болѣзни. „Москва слезамъ не вѣритъ". А какъ начнутся цынга и тифъ,—повезутъ въ деревню свеклу, картошку, морковь, клюкву, лѣкарства. Начнутъ лѣчить мужиковъ... Чудно̀!

Именно,—чудно̀. И жутко.

Вечерѣло. Я прошелъ по избамъ. Бѣдность вездѣ непокрытая. Одиноко стоятъ самовары на лавкахъ.

— Пьете чай-то?

— Забыли, какой есть. Дома три пьютъ, а у остальныхъ нѣтъ ни чая, ни сахара. Вотъ мужики заработаютъ что,—тогда попьемъ.

Баба лежитъ на коникѣ. Голова завязана. Оказы-

вается,—болитъ.

— И въ глаза стрѣляетъ,—не взглянешь!

Окуловская болѣзнь. Здѣсь многіе переболѣли ею. Больше женщины. Лежатъ недѣлями зажмурившись.

— Какъ вы зовете болѣзнь?—спрашиваю.

— Головной тифъ.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Сказывали...

Подхожу къ своей избѣ и чувствую, что что-то меня тревожитъ: ѣдко, больно. Ахъ, да!..

Давеча за обѣдомъ спросилъ я молока.

— Нѣтъ,—говоритъ старуха-хозяйка,—корову продали.

Гдѣ-то на сторонѣ все-таки достали.

Знакомлюсь съ обитателями избы. Славный, бѣлый мальчуганъ,—сынъ солдата, служащаго около Бухары. Дѣдъ его балуетъ. Терпитъ онъ и дѣвочку лѣтъ 4-хъ,—дочь сына, нанявшагося недавно въ работники за пять рублей.

— На лапти себѣ хоть заработаетъ,—говоритъ старикъ.

Но третья дѣвочка „лишняя“ въ семьѣ.

— Чья она?—спрашиваю.

— Дочь у меня вдовой осталась съ тремя дѣтьми,—говоритъ старуха,—въ Бàкахъ (Баку) теперь служитъ кухаркой. Двухъ-то взяла съ собой, а третьяго намъ оставила... Да старикъ не взлюбилъ ее,—шепчетъ она мнѣ,—все говоритъ: отошли ее къ матери, лишній ротъ...

Сѣли за обѣдъ. Хлѣбали что-то мутное, черное. На днѣ изрѣдка попадался картофель. Я отдалъ свое молоко дѣтямъ. Старуха налила его въ чашку и подставила двумъ ребятишкамъ. Сиротка сидѣла поодаль съ глазами, полными слезъ.

— Что же вы ей не даете молока?

— Постъ,—сурово отвѣтилъ старикъ.

— Сколько ей лѣтъ?

— Шесть.

Бабка сморщилась и ушла въ свой передникъ. Дѣвочка сидѣла молча и ничего не ѣла. Когда старикъ ушелъ на общественныя работы, старуха подвела ее къ печкѣ и сунула что-то, должно-быть, остатокъ молока...

— Не знаю, что и дѣлать,—жаловалась бабка,—понимаю, что лишній ротъ,—тяжело, не тѣ годы. Но съ кѣмъ я ее отправлю къ матери?

Старуха плакала.

Окуловка въ этомъ краю не одна. Кругомъ по „голодной скатерти“ разставлены Окуловки.

— Хуже, бѣднѣе есть,—знакомилъ меня съ своимъ приходомъ куроѣдовскій священникъ о. Румянцевъ.

Онъ молодъ, кончилъ Демидовскій лицей и по призванію сталъ священникомъ. Судьба забросила его въ глушь. Видимо, хочется ему широкой общественной работы, а обстановка гнететъ.

— У меня въ приходѣ семь дворовъ мѣщанъ,—разсказывалъ онъ.—Голь перекатная. Всѣ общественныя повинности они несутъ съ крестьянами. А на работы ихъ не принимаютъ. Въ спискахъ они, вишь, не значатся.

— Крестьяне не противъ?

— Какое! „Вмѣстѣ“,—говорятъ,—подыхаемъ, вмѣстѣ и будемъ работать“.

— Въ комъ же дѣло?

— Въ десятникѣ. Мѣщане въ ногахъ валяются. Я за нихъ просилъ. Староста просилъ. Земскій начальникъ написалъ на просьбѣ: „разрѣшаю“. Работали дня три. А потомъ десятникъ прогналъ и даже денегъ за работу не заплатилъ...

— Да и вообще... Эти общественныя работы,—возмущался батюшка: — дѣлаютъ-то что не надо, и не дѣлаютъ, что необходимо. Отчего насъ, мѣстныхъ ин-

теллигентовъ, не привлекли къ этому дѣлу?

— Другіе,—говорю,—„мѣстные интеллигенты“ сами отказываются...

Земскіе начальники всего Сызрынскаго уѣзда не пожелали руководить общественными работами:

— У насъ *своихъ* дѣлъ по горло,—заявили они.

Недавно вице-губернаторъ Ширинскій-Шихматовъ при проѣздѣ предложилъ имъ все-таки признать и продовольствіе населенія *своимъ* дѣломъ.

Исключеніе — земскій Ребровскій. Онъ съ самаго начала заявилъ:

— Я принимаю руководство. Это—моя святая обязанность...

Есть у него въ Томышевѣ заслуженный старшина съ тремя шейными медалями. Одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые бываютъ на торжественныхъ процессіяхъ, церемоніяхъ и пріемахъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ.

Г. Ширинскій-Шихматовъ, проѣзжая около Томышева, спросилъ крестьянъ:

— Отчего не работаете на общественныхъ работахъ?

— За насъ старшина все сработалъ...

— Какъ такъ?

Оказывается, „руководство“ г. Ребровскаго было не изъ сложныхъ. Старшина вѣдалъ все. Самъ нанялся въ десятники, сыновей и зятя взялъ въ помощники, роднѣ и всѣмъ зажиточнымъ далъ работу.

— Напрасно на тебя надѣли эти медали,—сказалъ ему нача ьникъ.

Старшину уволили. Земскаго оставили.

— На много наработалъ заслуженный старшина?—спросилъ я въ комитетѣ.

— На пять тысячъ.

Я разсказываю это о. Румянцеву, а онъ смѣется:

— У насъ, въ сосѣдней Саратовской губерніи, тоже хорошій случай произошелъ. Десятникъ напился и попросилъ сельскаго старосту расплатиться по табели. Тотъ читаетъ табель:

— Иванъ Петровъ... Да онъ умеръ лѣтъ пять!. Петръ Ивановъ... Какой это? Ужъ не Петька-ли? Да онъ родился недѣли двѣ тому назадъ!..

Словомъ, „мертвыя души“. Старая и вѣчно юная русская быль.

Техникъ,—чуть ли не одинъ на уѣздъ,—земскій. Работы производятся десятниками. Но ихъ мало. Отъ этого работы только

— Намѣчаются.

Но не производятся.

Одна, много двѣ старыхъ работы въ каждой волости, начатыхъ мѣсяцъ, полтора тому назадъ. А селеній въ волости 10—11. И вездѣ злѣйшій неурожай.

— Съ августа сулятъ намъ работы,—говорятъ вездѣ.—Сулятъ, но не даютъ. А съ посуловъ сытъ не будешь.

— Мало у насъ техническаго персонала,—говорилъ одинъ десятникъ.

— Да зачѣмъ онъ вамъ?—спрашиваю.

— Какъ же безъ надзора?

Работы призводятся десятниками. Но ихъ мало. Отъ теръ. Только, чтобы рыли что-нибудь. Больше положеннаго все равно не заработаютъ!

Въ трехъ деревняхъ Новоспасской волости такъ и сдѣлали: открыли работы безъ десятника. Не умирать же съ голоду!

Словомъ, „мѣры приняты во-время“. Съ помощью „спѣшили“. Какъ въ „Вампукѣ“:

— „Бѣжимъ! Спѣшимъ!“.

— Сколько же у васъ денегъ?—спросилъ я въ комитетѣ.

— Истрачено на работы 90 тысячъ. Просимъ еще 50. Ассигновано около 400 тысячъ.

Въ другихъ мѣстахъ сотни тысячъ уже израсходо-

ваны. Въ Сызрани „экономятъ“. Остатокъ будетъ *).

— Просто некому распорядиться,—объяснилъ мнѣ одинъ сызранецъ.

Дѣйствительно, весь уѣздный комитетъ почти въ одномъ секретарѣ,—мрачнаго вида чиновникѣ. Это Гогъ и Магогъ всѣхъ земскихъ и дворянскихъ дѣлъ и дѣлишекъ. Онъ и въ земствѣ секретарь, и у предводителя работаетъ, и еще гдѣ-то, и еще...

„Некогда“ ему „возиться съ этой обузой“! Крестьяне далеко. А на приговорахъ и прошеніяхъ, какъ на золотѣ, слезъ не остается...

Къ тому же и въ Сызрани извѣстенъ „пароль“:

— Голода нѣтъ.

Не даромъ въ началѣ осени сюда два раза пріѣзжалъ губернаторъ.

А сызранскій полиціймейстеръ, „во исполненіе предписанія“, „посовѣтовалъ“ газетамъ *ничего* не печатать о голодѣ...

„Волость“—мѣсто, гдѣ можно скорѣе всего узнать о деревенской неурядицѣ.

Мужички безперечь ходятъ туда и жалуются:

— Кругомъ одна обида.

Жалуются на десятниковъ:

— Прижимаютъ.

На какого-нибудь „шабра“:

— У него двѣ лошади, онъ принятъ на работы, а я...

Волостной старшина мнѣ говорилъ:

— Сколько ссоры, зла подняли общественныя работы въ деревнѣ! Житья нѣтъ...

Прямо дерутся изъ-за куска.

При мнѣ такая сцена. Толпа пришла къ старшинѣ.

— Не допускаютъ на работы...

— А въ спискахъ значитесь?

*) По всей симбирской губ. экономія выразилась въ 2 мил. руб. Объ этомъ заявилъ губернаторъ Ключаревъ въ іюнѣ 1912 г.

— Нѣтъ.

— Зажиточны?

— Полоса осталась не засѣянной... Жрать нечего.

— Отчего же не попали въ списки?

— Да видишь, когда списки составляли, мы отказались. Трофимъ смутилъ: „Будемъ,—говоритъ,—работать, насъ ушлютъ на Амуръ“. А теперь желаемъ...

— Ну, хорошо, мы внесемъ васъ въ дополнительные списки.

— Когда же допустятъ?

— Подождать надо.

Ждать имъ придется долго. Административная машина скрипучая, немазаная, тяжелая. Когда составятъ списки въ волости, то направятъ ихъ прежде всего къ земскому начальнику. Отъ земскаго списки пойдутъ въ уѣздный съѣздъ. Изъ съѣзда въ уѣздный комитетъ. А ужъ изъ комитета въ сельское общество черезъ волость.

— Канитель долгая,—разсказывалъ мнѣ старшина.—А въ результатѣ...

— Въ результатѣ будетъ, пожалуй, работать одинъ томышевскій старшина,—смѣюсь я.

— Это какъ водится. Трудно начальству за всѣмъ услѣдить. Да вотъ, возьмемъ, къ примѣру, земскій хлѣбъ.

Только въ началѣ ноября сызранское земство удосужилось открыть продажу хлѣба по заготовительной цѣнѣ въ пяти пунктахъ.

Цѣна высокая—1 руб. 30 к. за пудъ сѣяной муки. Съ покупкой, видимо, также спѣшили.

Купили „во-время“.

— Хороша мука?

Старшина качаетъ головой:

— То-то вотъ не услѣдили...

Еще въ Окуловкѣ одна баба мнѣ передавала:

— Мука кра-а-а-сная...

Въ Канадеѣ говорили:

— Если такая вся, покупать не будемъ... Труха какая-то.

Одинъ волостной писарь жаловался:

— Плохая мука. Отрубей много...

Я спросилъ у мрачнаго секретаря комитета:

— У кого купили муку?

— Тутъ, у своихъ...

— Да у кого?

— У помѣщицы Катковой и у полковника Абратанцева-Нечаева...

— Абратанцевъ? Это родственникъ предводителю дворянства Давыдову?

— Да...—нехотя отвѣтилъ секретарь.

Потомъ вдругъ всталъ и ушелъ.

Я подождалъ. Думалъ, случилось что-нибудь съ секретаремъ „внезапное". Но такъ и не увидалъ его. Очень деликатный человѣкъ секретарь комитета...

Г-жа Каткова, урожденная княжна, по мужу изъ „стаи славнаго" М. Н. Каткова.

Потолкавшись въ Сызрани, я узналъ, что земство избрало уполномоченнымъ по продажѣ хлѣба населенію нѣкоего г. Е.

— Кто это такой,—спросилъ я одного сызранца,— общественный дѣятель?

— Нѣтъ, просто мелкій хлѣбный торговецъ...

Изумляюсь. Мой собесѣдникъ смѣется.

— Мало ли что у насъ бываетъ?.. Мы ко всему привыкли.

II.

Въ Самарской губ. — Цынга въ с. Зерыклахъ. — Энергичный священникъ. — Безучастіе начальства. — Картина голода.

Въ Самарѣ я принялъ рѣшеніе прямо ѣхать на мѣста голода въ деревню и тамъ изъ непосредственнаго

опыта черпать свѣдѣнія о продовольственной эпопеѣ. Поэтому, не заѣзжая въ самарское земство и губернское присутствіе, я взялъ билетъ до Абдулина, чтобы объѣхать прилегающую къ этому селу часть Бугурусланскаго уѣзда.

Праздникъ не оживилъ села Зерыклы. Мы двигались по улицѣ, а казалось, что ѣдемъ по безконечной пустынѣ. Ни одного человѣка, ни одного звука.

Заснули? Умерли?

Но иногда мы видѣли, что сквозь мутныя окна на насъ глядѣли человѣческіе силуэты. Посмотрятъ равнодушно и снова исчезнутъ. Значитъ, остались еще люди въ этомъ мертвомъ, завороженномъ царствѣ.

Какъ странно сюда доходитъ отдаленный звукъ паровознаго свистка! Какъ-будто кто-то, изнемогая въ предсмертной борьбѣ, кричитъ въ послѣдній разъ о помощи.

Но итти спасать въ этой пустынѣ некому. Никто не можетъ выйти изъ избы. Мертвое село само молитъ о помощи.

На-дняхъ здѣсь сдѣлано тревожное „открытіе".

Священникъ вдругъ почувствовалъ въ школѣ дурной запахъ. Посмотрѣлъ у ребятъ рты. У трехъ малышей оказалось кровотеченіе изъ синеватыхъ десенъ.

Дѣти давно уже приходятъ въ школу блѣдными, испитыми. Мало шалятъ. Больше молча остаются за партами. Плохо понимаютъ и ничего не помнятъ. Опредѣленныхъ болѣзней все-таки не было.

— Но я ждалъ ихъ,—говорилъ мнѣ священникъ,— у трети села нечего уже продать.

Мордва вынослива. Во время неурожая 1906—1907 гг. былъ только одинъ случай цынги, и то весной. Многіе на видъ всегда худосочны, малокровны. Но больны ли они,—Богъ ихъ знаетъ! Ходятъ, говорятъ, ни на что не жалуются,—значитъ, *здоровы*.

Батюшка послѣ „открытія“ въ школѣ написалъ земскому врачу. Тотъ прислалъ фельдшера, который обошелъ дома и при поверхностномъ осмотрѣ нашелъ:

— „14 цынготныхъ и 77 подозрительныхъ“.

Село явно разлагалось. Надо было просить о помощи. Впрочемъ, не „просить“,—просили ранѣе, до цынги,—теперь нужно плакать, кричать, умолять.

— У васъ были общественныя работы?

— Никакихъ. Только поговорили.

Въ сентябрѣ священникъ, видя безвыходность положенія, написалъ члену вольно-экономическаго общества, доктору Грану:

— Помогите!

Отвѣта не было.

Время шло. Со дворовъ исчезали коровы, овцы, лошади.

Въ концѣ октября отецъ Борецкій написалъ въ уѣздную управу:

— Обратите вниманіе!

„Есть уже семьи,—писалъ онъ,—побросавшія свои дома и разошедшіяся во всѣ стороны въ поискахъ куска хлѣба... Въ одной семьѣ нѣтъ ни хлѣба, ни скотины, да и не было ея, а кормилецъ семьи лежитъ безногій. Послать побираться некого, дѣти маленькія“...

Земская управа отослала просьбу священника „по принадлежности“—въ уѣздный съѣздъ. Съѣздъ разсмотрѣлъ и наложилъ резолюцію:

„Обратитесь къ земскому начальнику“.

Священникъ „обратился“. Земскій начальникъ отвѣтилъ:

— На вашъ районъ у меня нѣтъ денегъ.

Дока по части законовъ волостной писарь объяснилъ взволнованному и растерявшемуся о. Борецкому:

— Изъ имперскаго продовольственнаго капитала даютъ только на кормленіе „распухшихъ“.

Въ селѣ были голодные, не ѣвшіе днями, но не было

еще „распухшихъ“. Откуда ихъ взять? Вотъ въ этотъ моментъ и пришла „желанная“ цынга... „Распухшихъ“ и „кандидатовъ“ оказалось сразу около 100 человѣкъ.

Впрочемъ, помощь явилась все-таки случайно. Самарскому губернатору бросилась въ глаза газетная замѣтка о бѣдственномъ положеніи мордвы с. Зерыклы, и онъ телеграммой земскому начальнику приказалъ „обратить вниманіе“.

Земскій далъ священнику пока 70 р.

— Кормите больныхъ!

— Только больныхъ?

— Въ первую очередь ихъ.

Кормятъ 100 цынготныхъ и „подозрительныхъ“. Въ числѣ подозрительныхъ“ есть и просто голодные. Но около столовой всегда стоитъ толпа, плачетъ и проситъ священника:

— Христа-ради, дай хлѣба! Помираемъ.

Но денегъ у священника нѣтъ.

Когда сталъ записывать,—разсказывалъ о. Борецкій,—хлынуло ко мнѣ все горе нашего села. Человѣкъ 1,500. Знаю, что не притворяются. Извѣстны мнѣ ихъ достатки. На колѣни падаютъ, ноги цѣлуютъ... Прошибла меня слеза, не могъ видѣть—убѣжалъ...

Мордовка съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ стала на колѣни и повалилась въ ноги:

— Помоги!

Я растерялся. Поднимаю ее. По блѣднымъ щекамъ ея текутъ слезы.

Мужъ сидитъ на лавкѣ. Ему 46 лѣтъ, но онъ уже не работникъ.

— Нога пухнетъ. Встать не могу.

У него цынга. Видъ изможденный. Дыханіе тяжелое.

Дѣвочка лѣтъ 10-ти съ яркой трахомой.

— Кормятъ только мужика,—плакала баба.—А дѣвочкѣ и мнѣ съ ребенкомъ ѣсть нечего. Что остается отъ мужа, то доѣдаемъ...

— Дѣвочка учится?—спрашиваю.
— Да.
— Развѣ школьной столовой нѣтъ?
— Нѣтъ.

Скота у нихъ не осталось. Уцѣлѣла лошадь. Но скоро и ее поведутъ въ Матвѣйкино на базаръ. А цѣна тамъ 5—8 рублей. Почти цѣна шкуры.

Если оставить лошадь и кормить одной старой соломой съ повѣти, то весной ее „вша заѣстъ",—она отъ слабости борозды не пройдетъ.

Перехожу изъ избы въ избу. Убогій видъ. Полъ почти вездѣ глиняный. Есть курныя избы. Въ нихъ не войдешь отъ дыма и копоти.

Мать и пятеро ребятишекъ.
— Гдѣ же мужъ?
— Ушелъ на сторону.
— Куда?
— Не знаю.

Ушли многіе на донецкія камено-угольныя копи. Я спрашиваю:
— Почему именно туда?
— Да хохлы у насъ живутъ неподалеку, сказывали, тамъ всегда есть работа.

Хохлы сами нищіе, но на копи не пошли.

Голодная мордва ушла „на-авось". Гдѣ она теперь,—неизвѣстно. Ушла, какъ въ воду канула. Ни писемъ, ни слуховъ.

Въ семьѣ осталась коровенка. Но молока она не даетъ.
— Держимъ, старая солома осталась...

Но зимой „не миновать продавать".

Впрочемъ, въ этой семьѣ есть „добыватели хлѣба". Двое мальчиковъ ходятъ „по-міру".
— Подаютъ?
— Немного приносятъ. И наши богачи иногда даютъ, и въ другихъ деревняхъ изрѣдка кинутъ...

Въ одной избѣ мнѣ показали „хлѣбъ". Черный, съ большими бѣлыми крупинками.
— Отчего такой?
— Изъ „подсѣва" испеченъ.

Подсѣвомъ называются остатки послѣ размола на мельницѣ зерна. Въ немъ куколь, шелуха, камешки, попадаются даже стекла. Все это вновь перемалывается и смѣшивается съ мукой. А у кого нѣтъ муки, тѣ хлѣбъ пекутъ изъ одного „подсѣва". Онъ хруститъ на зубахъ, взглянуть на него страшно...

Но и „подсѣвъ" не дешевъ. Цѣна ему отъ 45-ти коп. до 1 руб. пудъ. Все-таки, онъ дешевле муки, которая стоитъ на базарѣ 1 р. 20 к., а въ деревнѣ у богачей доходитъ до 1 р. 50 к.
— Но, кромѣ этого хлѣба, что ѣдите?
— Иногда картошку. Ее бережемъ,—понемногу...

Больше ничего. О чаѣ здѣсь „забыли думать".

Муку иногда смѣшиваютъ съ картофелемъ и пекутъ изъ этой смѣси хлѣбъ. Очень жалѣютъ, что не уродились ни жолуди, ни лебеда:
— Съ ними легче бы пропитаться.

Передъ открытіемъ столовой нѣсколько крестьянъ уже совершенно голодали дня два.

Въ одной семьѣ отецъ „пилъ только воду". Хлѣбомъ питались дѣти.

Въ другой—старикъ-солдатъ, призыва 70-хъ годовъ, „понялъ", что
— „Наступаетъ смерть",
но голодалъ молча, никому не говорилъ, что второй день не ѣлъ. Сосѣди сказали священнику.
— Почему же молчалъ?—спрашиваю его.
— Совѣсть не дозволяла.

А одинъ мужикъ въ разговорѣ обронилъ такое словечко:
— Лучше зарѣзаться, чѣмъ жить *такъ*...

Онъ уже продалъ душевой надѣлъ и оторвался отъ земли навсегда.

Чего не сдѣлаешь въ отчаяніи и озлобленіи!..

Особенно, если знаешь, что

— Помощи нѣтъ ни откуда.

12.

Полоса ранней цынги.—Красный Крестъ пріѣхалъ.—Протухшій „маханъ".—„Курмовой давай".

Я въѣхалъ въ полосу цынги.

Новый Тиризъ, Новое Якупово, Старое Якупово— три несчастныхъ татарскихъ деревни, въ которыхъ цынга началась мѣсяцъ тому назадъ, а, можетъ быть, и ранѣе.

Тутъ недоумѣваютъ:

— Почему такъ рано началось разложеніе?

Одни рѣшаютъ:

— Отъ протухшаго махана (конины).

— Старое недоѣданіе сказалось. Нынѣ уже въ сентябрѣ былъ голодъ. Надломленныя натуры (въ большинствѣ женщины) не выдержали.

Другіе думаютъ иначе.

Одна самарская эпидемическая фельдшерица мнѣ передавала:

— Прежде въ голодовки мы весной выѣзжали на цынгу, а нынѣ—осенью...

Въ Новомъ Тиризѣ около въѣзжей квартиры толпа татаръ. Издали слышенъ ихъ несмолкаемый говоръ.

— Что такое?—спрашиваю.

— „Красный Крестъ" пріѣхалъ.

Цѣлое событіе.

Въ избѣ были фельдшеръ, врачъ и двѣ сестры милосердія. Они только-что изъ Петербурга. Еще не начали работать.

— Кого будете кормить?—спрашиваю.

— Больныхъ.

Тутъ 7 цынготныхъ и 12 „подозрительныхъ".

— А потомъ вообще слабыхъ... Столовая на 50—60 человѣкъ.

Фельдшеръ жаловался:

— Что будемъ только дѣлать? Намъ предписали на каждаго больного расходовать пятачокъ въ день, а тутъ такъ все дорого. И гривенникомъ не обойдешься...

Расчетъ сдѣланъ въ предположеніи, что мясо 1½—3 коп. Въ такой цѣнѣ оно, дѣйствительно, было, но мѣсяцъ тому назадъ, когда базары были запружены голоднымъ крестьянскимъ скотомъ. Съ тѣхъ поръ много воды (и скота) утекло. Крестьяне все продали... Къ тому же мясники устроили правильную скупку, и голодное мясо пошло по желѣзной дорогѣ въ „Россію". Цѣна поднялась до 6—7 коп.

Кромѣ „Краснаго Креста", въ селѣ уже организована правительственная столовая на 32 человѣка. Завѣдуетъ мулла.

— Тощихъ кормитъ,—говорятъ татары,—самыхъ тощихъ...

Они кольцомъ окружили меня на улицѣ.

— Зачѣмъ пріѣхалъ?—спрашиваютъ.

— Посмотрѣть, какой у васъ голодъ.

— Чаво смотрѣть... Одно слово, помираемъ.

— Лошадка кунчалъ, овечка кунчалъ, козяка кунчалъ...

— Курмовой давай!

Объясняю, что продовольственная ссуда отъ меня не зависитъ. Но они не понимаютъ, да и не слушаютъ. У нихъ своя логика. Всякій пріѣзжающій въ деревню человѣкъ—для нихъ начальство, которое или ругаетъ ихъ,

или кормитъ. Не ругаетъ,—значитъ, будетъ кормить. Зачѣмъ же ему пріѣзжать?

— Давай курмовой! Помирать будемъ... Ашать нэтъ...

— А столовая?

— Въ столовыхъ, можетъ, сто будутъ кормить, можетъ нѣтъ. А у насъ 1,500 душъ голодныхъ.

— Школьная столовая есть?

— Нѣтъ.

— Общественныя работы были?

— Нѣтъ. Земскій обѣщалъ, старшина обѣщалъ, инженеръ обѣщалъ,—никто ничего не сдѣлалъ...

Тутъ, видимо, такъ же, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, дожидались цынги, чтобы явиться съ помощью.

Село изголодалось.

Иду по избамъ. Ближе къ краю онѣ больше похожи на курятники. Есть жилища въ одно окно. Живутъ тамъ впотьмахъ, слѣпнутъ, какъ куры. Въ дверь не всегда пройдешь,—приходится пролѣзать.

Одну семью засталъ за обѣдомъ. Дымится въ чашкѣ „маханъ". Около него разсѣлись грязные, голодные ребята и жадно смотрятъ. Ищу глазами хлѣбъ. Не вижу.

— Есть, бабай, хлѣбъ?—спрашиваю старика.

— Нэтъ. Давно кунчалъ... Двѣ недѣли маханъ ашаемъ.

„Почему,—думаю,—онъ лошадь, которую зарѣзалъ, не продалъ и хлѣба не купилъ?" Но, оказывается, маханъ теперь „выгоднѣе" хлѣба. Прежде всего онъ дешевле. Лошадь покупаютъ только за шкуру. А потомъ хлѣба надо ѣдоку фунта три въ день, конины же больше фунта-двухъ, пожалуй, не съѣшь.

„Въ особенности такой омерзительной, какъ эта",— думалъ я.

Но омерзительна она только для меня,—татары ее „ашаютъ" съ удовольствіемъ.

Подхожу ближе къ чашкѣ. Мясо совсѣмъ черное.

Нюхаю и чувствую на себѣ злой взглядъ старой татарки. Не отнимать ли, молъ, хочетъ послѣдній маханъ?

Въ парѣ, подымающемся отъ чашки, ясно ощущаю трупный запахъ.

— Пропахъ,—говорю бабаю.—Испортился.

— Маленько есть,—отвѣчаетъ онъ,—тепло было ризалъ...

„Маленько"! Падаль, а не мясо. Собаки, пожалуй, задумались бы, ѣсть или нѣтъ. Но татары не брезгливы, особенно въ голодный годъ. Гдѣ тутъ разбирать, пахнетъ или нѣтъ? Лишь бы было, что ѣсть.

Повертываюсь къ дверямъ.

— Прощай, бабай!

Старикъ вскочилъ съ наръ.

— Зачѣмъ приходилъ? Курмовой давай!..

Въ Новомъ Якуповѣ 10 цынготныхъ и нѣсколько „подозрительныхъ". Недѣли двѣ ихъ кормила земская эпидемическая фельдшерица Разумова. Теперь она передаетъ ихъ „Красному Кресту".

Фельдшерица уже второй разъ въ этихъ гиблыхъ мѣстахъ.

— И въ прошлую голодовку была тутъ на цынгѣ.

Мулла кормитъ на правительственныя средства 30 „тощихъ".

Школьной столовой, какъ водится, нѣтъ. Дѣти голодаютъ вмѣстѣ съ взрослыми. Общественныхъ работъ тоже, можно сказать, не было.

Работали недѣли полторы 150 подводъ и 10 пѣшихъ. Заработали рублей по 5 на человѣка. Только и всего.

Фельдшерица знаетъ деревню.

— Голодъ отчаянный,—говоритъ.

Нѣкоторыя семьи давно уже ѣдятъ крупный „подсѣвъ". И самый низкопробный,—по 45 коп. за пудъ. Хлѣбъ черный, какъ-будто изъ грязи слѣпленъ. Были семьи, не имѣвшія куска.

Вотъ конура на краю села. Живутъ въ ней мать и сынъ съ женой. Скотины давно у нихъ нѣтъ,—продать нечего. И въ хорошіе годы они почти нищіе, а теперь и вовсе. У нихъ съ августа былъ голодъ. Ходили по дворамъ. Кой-кто изъ жалости кормилъ.

— Писарь кормилъ, — разсказывалъ татаринъ-сынъ, — староста кормилъ, дѣвушка (фельдшерица) кормилъ...

Теперь онъ и мать „ашаютъ" въ столовой.

— А жена?

— Хлѣбъ тащимъ ей...

Изъ своихъ порцій, значитъ, отдѣляютъ.

Въ другой горемычной семьѣ шесть человѣкъ ребятъ. Просились въ столовую,—не приняли. Они здоровые,—да и „бѣднѣе есть". Но ѣсть имъ при ихъ здоровьѣ и „богатствѣ" нечего.

Вечеромъ отецъ надѣваетъ ребятамъ сумы и посылаетъ „по-міру".

— Только въ своемъ селѣ не просите,—наказываетъ онъ имъ.

Совѣстно.

Тащатся голодные малыши по снѣгу въ сосѣднюю деревушку, жалобно просятъ подъ окнами. Иногда отворится окошко, выбросятъ черный кусокъ. А чаще изъ избы говорятъ:

— Мы сами скоро пойдемъ „по-міру".

Куска три принесутъ ребята въ семью. Этимъ семья и кормится. Ѣдятъ куски ночью.

Столовыя питаютъ только больныхъ и слабыхъ, т.-е. стариковъ, калѣкъ. Но голодаютъ, вѣдь, и здоровые, работоспособные. Ихъ кормить некому...

Во въѣзжую избу ко мнѣ налѣзли татары. Жужжатъ, какъ комары, надъ ухомъ. Сестра милосердія „Краснаго Креста", только-что пріѣхавшая изъ Самары, въ ужасѣ:

— Какъ же я тутъ буду жить?—говоритъ.—Налѣзутъ ко мнѣ столько!..

Она—грузная, полная дама. Привыкла, видимо, жить съ удобствами.

А татары не перестаютъ жужжать:

— Курмовой давай!

Я шутливо замѣтилъ имъ:

— Да, вѣдь, не отдадите?

— Какъ не отдадимъ!? За 1906 годъ почти всю ссуду заплатили.

— За кормъ скоту сполна отдали и за продовольствіе больше половины.

— Какъ не отдать, когда берутъ?

— Вотъ и за памятникъ взяли.

— За какой памятникъ?—спрашиваю.

— Въ Сарай-Гирѣ ставили...

— Александру Второму,—поясняетъ писарь.

— Мы приговоръ давали не платить, потому годъ голодный... А волость потребовала. Отдали 86 рублей.

— И мірскія, и волостныя отдали,—все до копѣйки. Требовали,—мы и отдали.

Для этого они продали „клинъ" общественной земли въ 17 десятинъ. Всѣ 2,500 рублей и выплатили.

Поздно ночью мы выѣхали изъ Новаго Якупова.

Медленно двигаемся по уснувшей деревнѣ. Вотъ послѣдній домъ-землянка. Вдали разстилалось снѣжное поле. Вдругъ отъ стѣны отдѣлилась фигура въ лохмотьяхъ.

— Курмовой давай! Ашать нэтъ...

— Дадутъ, дадутъ...

— Давай курмовой! Дѣти плачутъ...

Въ голосѣ отчаяніе и слезы.

— Фу, ты, пропасть,—облегченно вздохнулъ ямщикъ.—А я думалъ нивѣсть что!..

Лошади взяли. Татарка осталась стоять на улицѣ...

13.

Смерть отъ голода.—Мулла воръ.—Закрытіе столовой.—Жмыхи вмѣсто хлѣба.—„Собачьи купцы“.

Кажется больше всего нужды въ Старомъ Якуповѣ. Тутъ мѣсяцъ тому пазадъ былъ 31 цынготный и что-то около 60-ти „подозрительныхъ“.

Татары разсказываютъ:

— Габдулгамидъ Губайдуллинъ кончалъ жизнь...

— Умеръ?

— Отъ голода. Долго терпѣлъ. Несмѣлый былъ. Сыновья пошли побираться, да никто имъ ничего не подалъ. Старикъ ждалъ, не дождался и умеръ... Пришли сыновья, а онъ мертвый...

Такъ „просто“ разсказываютъ.

— Потомъ мы донесли, докторъ пріѣхалъ, цынгу нашелъ, кормить стали.

— Кого же?

— Тощихъ и цынготныхъ.

Такихъ 210 человѣкъ.

Столовой для „тощихъ“ завѣдывалъ мулла. Но съ нимъ случился „грѣхъ“.

— Маленько невѣрна пошелъ,—говорятъ татары.

Фельдшерица Альмендингеръ обличила его въ воровствѣ. Картошку онъ покупалъ по 25 коп., а записывалъ по 40 коп. Распоряжались всѣмъ самъ мулла и его родные, а остальныхъ членовъ попечительства онъ не подпускалъ къ столовой.

Я засталъ тотъ моментъ, когда сельскій староста получилъ „приказъ“ земскаго начальника:

„Отобрать отъ муллы всѣ продукты и деньги, закрыть временно столовую“.

„Кормить въ столовой,—писалъ земскій начальникъ, — разрѣшаю только больныхъ и подозрительныхъ. На лицъ нуждающихся, но не больныхъ представить особый списокъ“.

Татары записали 158 человѣкъ.

— Еле-еле держатся,—говорилъ о нихъ староста.

Осталась только одна столовая для цынготныхъ. Завѣдуетъ ею эпидемическая фельдшерица. „Краснаго Креста“ нѣтъ. Школьной столовой нѣтъ.

— А общественныя работы?

— Въ августѣ давали приговоръ. Два моста и два колодца просили. Приходилъ инженеръ, обѣщалъ съ 1-го сентября. Но обманулъ...

Чте за несчастный край! Обошли его даже минимумомъ—общественными работами. Этимъ видомъ помощи такъ хвалятся вездѣ „руководители“ деревенской жизни...

Былъ полдень—время обѣда. Со всѣхъ сторонъ къ столовой шли цынготные. Страшныхъ формъ болѣзни, когда люди лежатъ пластами, здѣсь еще нѣтъ. Больные, хотя съ палочками, тихо, но могутъ двигаться.

Больше все женщины. У нихъ у всѣхъ блѣдно-лиловыя губы и восковой цвѣтъ лица. Унылый, потупленный видъ. Тѣни...

У многихъ кровоподтеки на ногахъ,—форма цынги уже тяжелая.

Всѣ со своими ложками. Разсаживаются на нарахъ. Кормятъ ихъ теперь хорошо: четверть фунта мяса на человѣка, фунтъ хлѣба, картофель и пшено въ похлебкѣ. Даютъ кусокъ лимона съ чаемъ и два куска сахара.

Конечно, въ столовую всѣ рвутся. Фельдшерица разсказываетъ о татаркахъ.

— Разотрутъ себѣ чѣмъ-то десны, раскровянятъ ихъ и приходятъ: „Корми!“ Каждый день скандалы, всѣмъ хочется ѣсть...

При мнѣ въ столовую пришла одна молодая татарка.

— Ашатъ давай! Я больна.

— Ты выздоровѣла,—говоритъ ей фельдшерица,— а тутъ всѣ больные.

Она раньше была въ цынгѣ, кормилась въ столовой, но поправилась, и ее перестали кормить.

— Обыкновенно такихъ мы переводили въ столовую муллы. Но теперь столовая закрыта по приказанію земскаго начальника.

Женщинѣ, только-что перенесшей тяжелую, страшно потрясшую организмъ болѣзнь, приходится теперь питаться сухимъ хлѣбомъ или провонявшимъ махаломъ. А можетъ быть, и хлѣба-то въ домѣ нѣтъ.

Она долго съ крикомъ отстаивала свое право, на мясную похлебку. Ее силой увели изъ столовой.

— Мы ничего не можемъ сдѣлать,—основательно говорила фельдшерица, — больныхъ много, ихъ надо спасать отъ смерти, а средства ограничены.

Только-что ушла татарка, на смѣну ей откуда-то появилась другая съ страшно истомленнымъ малокровнымъ лицомъ. Въ рукахъ ребенокъ. Пришла она ко мнѣ и запѣла „старую“ пѣсню:

— Курмовой давай!

Ахъ, ты, Господи! Какъ тяжело чувствовать свое безсиліе!

Кое-какъ ушла.

Два раза татары приговоромъ просили о продовольственной ссудѣ.

— Не даютъ.

Въ избахъ обычная голодная картина. „Хоть шаромъ покати“.

Садыкъ Галіевъ—древній старикъ. Ему 79 лѣтъ. Два сына у него въ солдатахъ, а онъ проситъ милостыню.

— Не даютъ,—шамкалъ онъ.

Смотрю,—на дворѣ у него стоитъ лошадь.

— А коня все-таки не продаешь,—говорю ему.

— Нельзя никакъ. Ноги болятъ, ходить не могу. Запрягу лошадь и ѣду подъ окнами, прошу... Лошадь меня кормитъ...

Потому, видимо, и не подаютъ, что видятъ нищаго на лошади. Только въ страшно голодный годъ появляются въ деревняхъ такіе „богатые“ нищіе.

Въ другой избѣ увидалъ „хлѣбъ“. Сразу не разсмотрѣлъ.

— Что это такое?—спрашиваю.

Оказывается, жмыхъ конопляный. Кусокъ его (фунтовъ 25—30) стоитъ только 40 коп. „Дешево и сердито“. Имъ пробуютъ замѣнить хлѣбъ.

— Много поѣшь,—передавалъ одинъ татаринъ,— животъ болитъ.

Еще бы!

Разстаются съ надѣлами, отдаютъ ихъ богачамъ въ долгосрочную аренду,—лѣтъ на 6, на 12.

— Какова цѣна?—спрашиваю.

— Два-три рубля за десятину въ годъ.

Между тѣмъ, обычная арендная плата въ хорошій годъ 15—20 рублей.

— И за два рубля не берутъ,—говорятъ татары,— умоляемъ взять, не хотятъ. Свои богачи отказываются наотрѣзъ. Только матвѣйкинскіе принимаютъ.

Подошли двое русскихъ парней, съ большими палками-калдашами въ рукахъ. Это—„собачьи купцы“. Они пользуются голодными годами и скупаютъ у татаръ собакъ на шкуру.

— Дадимъ цѣну хорошую, — прельщаютъ они татаръ.—Сорокъ копѣекъ, а за хорошую—полтинникъ.

Старикъ-татаринъ покачалъ головой:

— За полтинникъ душу ризать хочешь. Ай-ай-ай!..

Парни пошли по дворамъ.

Мы выѣхали въ поле.

— Не продадутъ собакъ,—обернулся ко мнѣ ямщикъ.

— Почему?

— Развѣ татаринъ разстанется со своимъ меньшимъ братомъ?

— Какимъ братомъ?

Ямщикъ смѣется.

— Какъ же? Промежъ насъ молва ходитъ: старшій братъ—волкъ, средній—татаринъ, а младшій — его собака...

Но потомъ я услыхалъ, что и съ „братомъ" голодный татаринъ разстается.

— Голодъ не свой братъ...

14.

Голодъ у отрубниковъ. — Разбойничья нора. — „Голодное" мясо на колбасу. — „Подъ сердце подкатило". — Случаи самоубійствъ. — Продажа въ рабство. — Десятникъ „шутникъ". — Голодъ въ Радовкѣ. — Земскій Васильевъ.

Около с. Сарай-Гира, въ полѣ, разбросано нѣсколько одинокихъ домиковъ. Это „хохлы" построились на отрубахъ.

— Хорошо живутъ?—спрашиваю ямщика.

— Какое! Съ нами вмѣстѣ муку терпятъ.

Заѣхалъ въ одинъ домикъ. Новенькій, чистенькій, обмазанъ глиной. Молодой хозяинъ съ женой уныло смотрятъ въ окно.

Спрашиваю объ урожаѣ. Онъ безнадежно машетъ рукой.

— Съ 18-ти десятинъ собралъ десять пудовъ ржи. И то совсѣмъ съ куколемъ. Съ нимъ и размололъ.

Онъ даже озимое не засѣялъ.

— Не на что было.

Думаетъ весной оба поля подъ пшеницу пустить.

— Если будутъ деньги.

Говоритъ и самъ не вѣритъ. Откуда быть деньгамъ? Было у него три лошади, лошонокъ (жеребенокъ) и корова. Остались одна лошадь и корова. А къ веснѣ, пожалуй, ничего не останется. Не на чемъ будетъ пахать.

— Ѣсть нечего. Мяса не видимъ. А работы никакой.

— Небось, теперь бы вернулся въ Екатеринославскую губернію?

— Думки не было. Только на старинѣ у насъ, это вѣрно, всегда родится хлѣбъ.

Онъ разстался съ роднымъ гнѣздомъ изъ-за малоземелья. Любопытно, что тѣ отрубники, которые продали холмовъ свои отруба, тоже ушли искать счастья въ далекую Сибирь.

Такъ передвигается русскій крестьянинъ въ поискахъ куска хлѣба.

Отъ хуторовъ идетъ большая дорога на Матвѣйкино. Путь, которымъ матвѣйкинскіе купцы везутъ свои товары на станцію желѣзной дороги.

Ямщикъ разсказываетъ мнѣ красивую сказку-быль о „разбойничьей норѣ".

Въ полуверстѣ отсюда, въ оврагѣ, есть нора въ каменной скалѣ. На ней вырѣзана на камнѣ такая надпись:

„Мы здѣсь жили, ищите. Пугачевъ".

Въ народной памяти сохранилось сказаніе, что тутъ прятался сначала Пугачевъ (?) съ награбленнымъ добромъ, а потомъ и другіе разбойники. Какъ разъ около „норы" пролегала старинная екатерининская дорога изъ Сибири въ Россію, а по оврагу и далеко дальше стоялъ дремучій лѣсъ. Грабить было удобно.

Теперь здѣсь ни кустика. Нѣтъ даже и екатерининской дороги. Осталась лишь сказка:

— Лежитъ въ этой норѣ, на днѣ, сорокъ сундуковъ съ золотомъ.

— Неужели,—спрашиваю,—никто не влѣзалъ туда?

— Влѣзали. Только въ первую нору, а какъ сунулись во вторую,—свѣчка погасла. Такъ тамъ никто и не былъ.

Ямщикъ разсказалъ мнѣ объ одномъ любопытномъ предпріятіи. Нѣкогда крестьяне его села всѣмъ обществомъ на сходѣ рѣшили искать въ разбойничьей норѣ золото.

— Годъ былъ неурожайный. Гдѣ взять пропитанье?

Двѣ недѣли долбили камень. Измучились, взрыли гору, но ничего не нашли. Главное—до дна не дорыли. Сказаніе о сорока сундукахъ до сихъ поръ живетъ въ нетронутомъ видѣ.

— Можетъ-быть, нынѣ пойдутъ искать? Годъ тоже голодный.

— Почемъ знать?—задумчиво отвѣчалъ ямщикъ.— Можетъ, и пойдутъ. Помощи никакой. Не было у насъ общественныхъ работъ и столовыхъ. А второй отрубъ сѣмянъ съ поля не снялъ... Многимъ скоро ѣсть нечего будетъ.

Красиво, узорчато народное плетенье нынѣшняго голода съ сѣдой стариной...

Съ горы спускался длинный обозъ. Онъ змѣйкой вился намъ навстрѣчу.

— Это матвѣйкинскіе купцы.

— Теперь на нихъ не нападаютъ разбойники?— говорю я.

— Нѣтъ. Да они сами стали хуже разбойниковъ!

Я не успѣлъ спросить объясненія, какъ мы поравнялись съ обозомъ. Инстинктивно зажимаю носъ,—

отъ обоза идетъ сильный зловонный запахъ. Спрашиваю:

— Что такое везутъ? Трупы?

— Голодное мясо. Которую недѣлю уже возятъ.

Сзади возовъ толпа возчиковъ. Подхожу къ нимъ.

— Отчего такой запахъ?

— Извѣстно, тухлятина.

— Куда же везутъ ее? Кто ее будетъ ѣсть?

Смѣются.

— Въ Москвѣ господа за милую душу съѣдятъ.

— Говорятъ, на консервы поступаетъ,—сообщаетъ мой ямщикъ.

— На солонину тоже идетъ, но больше въ московскія колбасныя, тамъ перцемъ да чеснокомъ духъ у такого мяса отшибаютъ... Что и говорить,—добавляетъ возчикъ,—товаръ цѣнный...

Они продолжаютъ смѣяться.

Я думаю, не „господа“ будутъ ѣсть эту тухлятину, а все тотъ же русскій мужикъ. Его будутъ кормить такой солониной въ экономіяхъ и на постройкахъ дорогъ... И въ Москвѣ тухлую колбасу будетъ ѣсть бѣднота, т.-е. тѣ же крестьяне.

Обозъ давно проѣхалъ, а я никакъ не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія трупнаго запаха. Слышу ямщикъ спрашиваетъ:

— Видѣли матвѣйкинскихъ разбойниковъ? Чего смотритъ начальство?

Въ Матвѣйкинѣ встрѣчаюсь съ земскимъ врачомъ Н. И. Богородицкимъ. Разсказываю о встрѣчѣ. Онъ, оказывается, тоже натолкнулся на зловонный обозъ.

— Въ Матвѣйкинѣ,—дополняетъ онъ картину,— нельзя подойти къ купеческимъ лабазамъ.

Онъ обращалъ вниманіе земства. Былъ присланъ ветеринаръ.

— Но онъ, къ моему изумленію,—говоритъ врачъ,— нашелъ мясо годнымъ къ употребленію...

Матвѣйкино — огромное торговое село. Но, какъ вездѣ, здѣсь рядомъ съ „купеческими“ домами ютится масса бѣдноты.

Купцы, конечно, наживаются.

— „Кому голодъ, а кому радость“,—вспомнилъ я слова одного мужика.

Бѣднота же нищенствуетъ.

Общественныхъ работъ не было. Открыты недавно двѣ правительственныя столовыя. Но онѣ — капля въ морѣ.

Дошло до того, что стали продавать навѣчно отрубные участки.

Живетъ здѣсь крестьянинъ Иванъ Ѳедосовъ. Степенный, работящій мужикъ. Вросъ-было онъ корнями въ землю, но голодъ, какъ серпомъ, подсѣкъ его подъ корни.

Сталъ мужикъ распродавать скотину. Распродалъ. Проѣлъ. Что же дальше? Маленькія дѣти. Одинъ грудной.

Поплакали они съ женой, и надѣлъ онъ суму.

Стучится въ одинъ домъ,—отказываютъ. Изъ другого кричатъ:

— Лоботрясъ! Дармоѣдъ! Много васъ здѣсь шляется!

Въ третьемъ приняли. Тамъ знали мужика. Обогрѣли. Посадили ужинать. Сидитъ Иванъ,—тяжело у него на сердцѣ. Неловко, неприлично просить милостыню. Разсказываетъ онъ о своемъ горѣ. Его жалѣютъ.

— Наши дѣды и отцы,—говоритъ онъ,—всегда жили своимъ трудомъ, „по-міру“ не ходили! Стыдъ какой...

Заплакалъ.

А потомъ вдругъ какъ вскочитъ изъ-за стола и пошелъ изъ избы.

— Ты куда?

— Сейчасъ приду.

Ждутъ его,—нѣтъ. Пошли на дворъ. А онъ на уздечкѣ виситъ, хрипитъ. Сняли, привели въ чувство.

— Что ты, Иванъ, надѣлалъ?

— Подъ сердце подступило....

Въ селѣ въ то время былъ рекрутскій наборъ. Доложили о печальномъ случаѣ „начальству“.

— Нельзя ли помочь изъ казенныхъ средствъ?

Но „казенныхъ средствъ“ не оказалось. Собрали чиновники между собой рублей пять и дали Ѳедосову.

Сейчасъ онъ дома, „по-міру“ не ходитъ, послалъ вмѣсто себя ребятъ, тѣ ходятъ. А о немъ самомъ забыли. Да и нечѣмъ ему помочь. Изъ какихъ средствъ? Онъ не боленъ и работоспособенъ.

Такихъ ужасныхъ случаевъ въ этой несчастной мѣстности былъ не одинъ. Разсказывали, что хохолъ изъ-за Кинеля такъ и не вернулся съ уздечки,—пошелъ на тотъ свѣтъ. А объ одномъ мужикѣ изъ Касьяновки передаютъ:

— Подъ желѣзную крышу влѣзъ, а кусать нечего.

Урожаи предыдущихъ годовъ ушли у него на новый хорошій домъ. Подошелъ голодъ,—ничего, кромѣ дома съ желѣзной крышей у него не оказалось.

Разсказываютъ, тоже изъ петли его вынули.

— „Изъ-за совѣсти“,—мотивировалъ онъ свой поступокъ.

Этотъ послѣдній случай мнѣ не удалось провѣрить.

Матвѣйкинскій земскій врачъ далъ мнѣ такія данныя о заболѣваемости.

Очень много случаевъ дѣтскаго рахита.

Это понятно.

—Былъ я недавно на родахъ,—разсказывалъ онъ.— Роженица и ребенокъ слабые. Нужно было коровье молоко, а въ домѣ никакого скота... Даже хлѣба нѣтъ.

Сильно развился гастритъ. Ѣдятъ что попало.

Большое осложненіе вносятъ въ медицинское дѣло столовыя.

— У насъ много сифилитиковъ. Нѣкоторые изъ столовщиковъ справедливо возмущаются: „Не хотимъ,— говорятъ они,—обѣдать съ безносыми“.

А приходится. Дѣлать нечего.

Въ Кузьминѣ эпидемія скарлатины; между тѣмъ, ребята ходятъ въ столовую. Изоляція трудна.

Въ д. Емантаевкѣ давно идетъ „отдача въ рабство“. Тамъ есть нѣсколько богачей. У нихъ по 5—10 амбаровъ, полныхъ стараго хлѣба. Бѣднота ходитъ около этихъ амбаровъ и облизывается.

Нужна мука. Приходятъ къ богачу.

— Продай пудикъ!

— Отчего же.

— Цѣна?

— Рубль пятьдесятъ.

— Побойся Бога, на базарѣ 1 руб. 20 коп.

— Поѣзжай на базаръ!

А до базара 25 верстъ. У бѣдноты и лошадей нѣтъ, привезти не на чемъ.

Но больше берутъ въ долгъ. Богачи нѣкоторымъ даютъ. Но цѣна муки для нихъ поднимается уже до 2-хъ рублей. Мужикъ долженъ будетъ отработать будущимъ лѣтомъ.

Всюду идутъ беззастѣнчивый грабежъ и эксплоатація.

Въ с. Елани объ общественныхъ работахъ разсказываютъ „скверные анекдоты“. Верховодилъ тамъ всѣмъ десятникъ. Отъ него зависѣло принять или нѣтъ.

А онъ—„шутникъ“.

— Добѣги,—говоритъ мужику,—безъ штановъ до церкви! Добѣжишь,—приму.

Бѣжитъ, несчастный... Что же подѣлаешь?

Село Радовка.

— Не Радовка, а Горевка, — говорилъ мнѣ земскій врачъ.

Священникъ этой „Горевки“, о. Рождественскій, составилъ списокъ „особенно нуждающихся“. Ихъ нашлось 140 человѣкъ. Хочетъ ѣхать къ земскому.

— Не устроить ли столовой?

— Неужели у васъ никакой помощи нѣтъ?

— Для бѣдноты совершенно никакой.

Свои общественныя работы длились полтора дня. Можно работать на общественныхъ работахъ въ Абдулинѣ,—это въ 10 верстахъ,—но туда надо явиться съ лошадьми. Часть жителей работаетъ. А бѣднотѣ тамъ дѣлать нечего.

— Хлѣба совсѣмъ нѣтъ?

— Пыли нѣтъ.

Нѣтъ и столовыхъ.

Семья Матвѣя Кринцова. Продалъ онъ надѣлъ за 500 рублей, деньги всѣ прожилъ и ушелъ въ Сибирь. А жену съ дѣтьми оставилъ дома.

Отъ него ни слуха, ни духа.

Семья—пять человѣкъ дѣтей. Шестой родится. Ѣсть совершенно нечего.

Взялъ къ себѣ братъ. Кормилъ. Но потомъ долженъ былъ отказать.

— Какіе у меня достатки, сама, сестра, видишь! Проживемъ все, придется мнѣ по міру итти. Лучше ступай ты собирай!

Обрядила она ребятъ,—ходятъ и просятъ.

Одинъ изъ нихъ учится.

— Намедни задержался я немного въ школѣ,—разсказываетъ мнѣ священникъ,—заглянулъ въ классъ. Смотрю, Егорка Кривцовъ что-то ищетъ по партамъ. „Ты что здѣсь?“—спрашиваю. Испугался, руки дрожатъ, плачетъ. „Чего ищешь?“—„Корки тутъ ребята оставляютъ, я собираю и ѣмъ“...

Въ другой такой же семьѣ къ голоду присоединилось другое несчастье: лошадь украли. Ѣсть нечего. Надо было собирать подъ окнами. Но кого изъ семьи послать?

Рѣшили послать старую, больную тещу. У ней давно болѣли ноги, она еле ходила.

И послали.

Вышла старуха, шатается. Пошла куда-то и не пришла. Гдѣ она,—Богъ ее знаетъ.

— Хоть бы умереть, — говоритъ Сидоръ Кильдюшевъ.

Жена у него больная, дочь попала на мѣсто въ Бугурусланъ. Только-что уѣхала туда. Онъ же съ остальными дѣтьми готовится итти съ сумой.

А былъ раньше крестьянинъ, какъ крестьянинъ,— „справный".

Даютъ ему на дѣтей кое-что: кусокъ хлѣба, кусокъ сахара. Благодаритъ и плачетъ, какъ ребенокъ.

Третья семья... Всѣхъ, впрочемъ, не перечтешь, — нищеты здѣсь океанъ.

— Тутъ старуха одна ходитъ,—разсказываетъ священникъ,—собираетъ по порядку. Сколько разъ звалъ: „Приходи; пообѣдай!" Не идетъ. „Совѣстно; — говоритъ,—боюсь"... И такіе всѣ они.

Голодъ раздѣлъ и обездолилъ сытыхъ людей внезапно. Къ чужому хлѣбу они еще не привыкли. Но время пріучитъ ихъ и къ нищенству...

Въ одной семьѣ встрѣтилъ такую фразу. Съ горечью говорилъ хозяинъ:

— Одна у меня забота,—чтобы поменьше ѣли, не досыта...

У него хлѣбъ съ подсѣвомъ, съ картофелемъ.

— Не каждый день даю. Черезъ день.

День картошка, день хлѣбъ.

А себѣ онъ животъ ремнемъ перетягиваетъ.

— Какъ-будто меньше хочется ѣсть...

Я спрашивалъ священника:

— Отчего у васъ въ районѣ такъ много нужды и такъ мало помощи?

Онъ объясняетъ, между прочимъ, слѣдующимъ:

— До самаго послѣдняго времени былъ у насъ земскій начальникъ Васильевъ. Онъ давно уже не твердо сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Его уволили за злоупотребленія и онъ былъ подъ судомъ. Но увольненіе длилось долго,—не то онъ земскій, не то нѣтъ. Конечно, при такомъ положеніи заниматься продовольственной помощью ему было не зачѣмъ!..

Основаніе вполнѣ „основательное"...

15.

По Белебеевскому уѣзду.—Свѣдѣнія о дѣтяхъ, требующихъ „подкормки". Маниловщина земскаго.—Общественныхъ работъ нѣтъ.—„Запиши въ книжку".

Переѣзжаю изъ деревни въ деревню, изъ села въ село. За мной, какъ комъ снѣга, катится и растетъ крикъ:

— Помогите!

Послѣдній крикъ.

— Больно абдраганъ народъ сталъ,—встрѣтилъ меня въ Никифаровѣ, Белебеевскаго уѣзда, староста-татаринъ обычной фразой.

Горькій смыслъ этой фразы такой:

— Народъ дошелъ до послѣдней степени. Дальше итти некуда.

Пожгло яровые, озимые, лебеду, жолуди, все... На сѣмена даже нехватило.

На краю села избы какъ на-подборъ. Кривыя, слѣпыя, однооконныя. Не избы, а бани. Внутри нищета.

— Продалъ я сначала лошадь, — разсказываетъ одинъ бѣднякъ, — потомъ корову, потомъ овечку, потомъ козяка. Проѣлъ все. Отвезъ на базаръ сани. Зачѣмъ онѣ, когда лошади нѣтъ?

Онъ вдовъ, но имѣетъ двухъ дѣтишекъ. Мальчикъ здоровъ, но дѣвочка болѣетъ.

— Чѣмъ?—спрашиваю.

Наклонясь къ ней,—она горитъ,—это замѣтно по щечкамъ. Дышетъ неровно. Должно-быть, тифъ.

— Не знамъ. Встанетъ, спроситъ ашать, я молчу; она поплачетъ-поплачетъ и заснетъ, потомъ опять проситъ и опять заснетъ... Пою, вотъ, малиной...

Онъ насбиралъ по р. Демѣ ягодъ и насушилъ. Теперь пьетъ малину вмѣсто чая, но безъ сахара,—его нѣтъ.

— Что же будешь ашать?

— Не знамъ. Къ брату пойду, можетъ, покормитъ.

Вереница однообразныхъ картинъ нищеты. Продали лошадей, коровъ, все. Задолжались. Начинаютъ уже отдавать въ аренду „души". А впереди еще длинная голодная зима.

— Что будемъ дѣлать? Что будемъ дѣлать?

Ѣдятъ картошку и не всегда хлѣбъ.

Мальчики-ученики „русско-башкирской" казенной школы блѣдны, худы.

Въ мои руки попалъ циркулярный „документъ".

Белебеевскій инспекторъ народныхъ училищъ проситъ учителей сообщить, „сколько учениковъ требуютъ подкормки".

Боясь, какъ бы этотъ вопросъ не вызвалъ напрасныхъ ожиданій, инспекторъ спѣшитъ оговориться:

„Свѣдѣнія эти нужны на тотъ случай, не будетъ ли изыскано какихъ-либо средствъ. Пока же ничего нѣтъ".

На этомъ документѣ красуется „ироническая" надпись:

„Секретно".

Въ никифаровской школѣ „подкормки" (выраженіе больше ветеринарное, чѣмъ педагогическое) требуютъ чуть ли не всѣ.

Съ сентября голодные люди осаждаютъ власть, требуя помощи. Ходятъ въ „конторъ" (волостныя правленія), плачутъ тамъ. Пишутъ приговоры. „Толкаются" къ земскому.

Но въ отвѣтъ имъ одно молчаніе.

Проектъ помощи былъ. Проектъ грандіозный, разработанный земскимъ начальникомъ.

Нужны дорога отъ Киргизміакъ до Никифарова и элеваторъ. Дорога, дѣйствительно, нужна, но зачѣмъ элеваторъ? Кто строитъ элеваторы въ 10-ти верстахъ отъ станціи желѣзной дороги, въ мѣстности, гдѣ ссыпка хлѣба небольшая?

Проектъ одобренъ уѣзднымъ съѣздомъ и губернскимъ присутствіемъ. Осталось его осуществить. Но пришла зима, которой земскій начальникъ, видимо, не ожидалъ въ нынѣшнемъ году, и разстроила все дѣло. Какія работы зимой?

Но даже и не здѣсь „зарыта собака". Мѣстные люди догадываются, не сказалъ ли кто, что этотъ участокъ „вполнѣ обезпеченъ общественными работами"? Былъ случай, когда одному здѣшнему человѣку, просившему о помощи, заявили:

—У васъ общественныя работы?

Есть и еще проектъ у земскаго начальника:

— Собирается созвать всѣхъ богачей нашего села и просить ихъ, пусть дадутъ деньги на столовыя!...

Проектъ не менѣе „грандіозный", чѣмъ элеваторъ!

... Налѣво, по нашему пути, у подножія холма, пріютилась деревенька Некатамакъ.

— Больно бѣдна,—сообщаетъ ямщикъ.

Тутъ сидятъ „ясашные",—на хорошемъ надѣлѣ: 7½ десятинъ. Но со всѣхъ этихъ десятинъ они собрали нынѣшній годъ 3 пуда. Неурожай всѣхъ уравнялъ: и малоземельныхъ и владѣльцевъ большихъ надѣловъ. Спрашиваю:

— Какъ будете весной сипаться (сѣяться)?

— До весны помремъ...—отвѣчаютъ.

У 100 дворовъ нѣтъ своего хлѣба. Десятки семей „на границѣ“.

— Каждой семьѣ нужна лошадь въ мѣсяцъ, — опредѣляетъ продовольственную помощь одинъ татаринъ.

Лошадь стоитъ теперь 8—10 руб. На эти деньги семья можетъ кое-какъ просуществовать мѣсяцъ.

— Но лошадей-то у насъ было не 8, а по одной, много по двѣ.

Въ одной избѣ затоплена печка. Тепло. Но ѣсть нечего. „Самъ“ лежитъ,—мочи нѣтъ: Животъ недѣлю болитъ и голова. Жена смотритъ на огонь. Вошелъ съ плачемъ оборванный мальчикъ съ сумкой—это сынъ. Онъ только-что изъ школы. Руки красныя отъ мороза.

— Ашать хочу...

— Что ѣлъ нынѣ?—спрашиваю.

— Двѣ картошки дали въ школѣ богатые.

На двухъ картошкахъ онъ просуществовалъ до 5-ти час. вечера.

Около 20-ти домовъ уже продали по полдуши—3½ десятины. Цѣна голодная:

— 50 рублей.

Десятина, значитъ, рублей 17.

Одинъ лежитъ съ опухшимъ лицомъ, другой не можетъ встать отъ слабости.

Мухтаръ-улла-Фаткулинъ въ свое время сражался подъ начальствомъ Скобелева, а теперь у него нѣтъ избы, онъ выселился на квартиру и не знаетъ, что ему съ дѣтьми дѣлать. Безсмысленно твердитъ одно:

— Помирать будемъ.

Человѣкъ 10 пошли-было на заработки. Но, по незнанію, направились „на Челябу“. А тамъ голодъ злѣе здѣшняго. Походили мужики и вернулись домой:

— Лучше дома умирать.

— Полъ-лошади истратили на поѣздку.

Спрашиваю:

— Просили общественныхъ работъ?

— Просили. Къ намъ приходили, 35 человѣкъ самыхъ бѣднѣющихъ записали. А потомъ ни слуху, ни духу...

— Приходятъ, пишутъ,—возмущался одинъ старикъ,—а что толку?

Сажусь въ сани. Ямщикъ трогаетъ. Изъ земли выростаетъ татаринъ и, ухватившись за спинку, кричитъ:

— Запиши Исмаила Ильясова!

— Хорошо!

— Запиши! Въ книжку запиши!

Не отстаетъ, кричитъ надъ ухомъ. Вынимаю записную книжку. Вожу карандашомъ по страницѣ. Онъ успокаивается.

— Якши, въ книжкѣ крѣпше будетъ.

Слѣзаетъ съ задка.

Маета, а не жизнь.

16.

Голодъ у чувашъ.—Прошенія губернатору.—Срочныя предписанія.—Уѣздный съѣздъ выше губернатора.—„Христіанство“ чувашъ.—Сказка голоднаго года.

Здѣшніе чуваши—народъ хозяйственно крѣпкій. Но и ихъ разорилъ неурожай.

— „Ни зерна не собрали“.

Иные пустили въ „хлѣбъ“ скотину, находя безполезнымъ жать; другіе сжали, но отдали скотинѣ, не молотя. Гдѣ молотили, собрали 1—2 пуда съ десятины плохого зерна.

Запасы отъ старыхъ годовъ имѣлись въ каждой де-

ревнѣ только у 2—3-хъ мужиковъ. Остальные еще съ августа начали голодать и продавать скотину. Сейчасъ нѣкоторые ѣдятъ одинъ картофель, а хлѣбъ видятъ нечасто.

— Продаемъ домашность: перины, подушки...

Многіе просятъ уже милостыню. Семья изъ 5—6 человѣкъ купитъ пудъ хлѣба и тянетъ недѣли двѣ: щепотка-двѣ муки идутъ на 2—3 фунта картофеля.

Уже начали продавать надѣлы. Чувашъ Илья Ефимовъ изъ Кожай-Семенова продалъ „полдуши" за 80 р. Это выходитъ по 20 руб. за десятину. Другой продалъ „товарищескихъ" двѣ десятины за 80 руб., а купилъ ихъ когда-то за 208 руб.

Чувашскіе богачи даютъ въ долгъ подъ условіемъ уплаты лѣтомъ или отработки. Но въ этомъ случаѣ ихъ пудъ муки стоитъ уже не 1 руб. 20 коп., а 1 руб. 70 коп. и даже 2 руб. Плачутъ бѣдняки, но берутъ.

— Это не проценты, а крѣпостное право,—говорятъ они.

Сами „сильные" люди деревни называютъ это „коммерческою справедливостью".

Три чувашскихъ деревни: Кожай-Семеново, Кекень-Васильевка и Кармала составляютъ одинъ приходъ вмѣстѣ съ „хохлацкимъ" селомъ Туяши.

У чувашъ плохо, у „хохловъ" еще хуже. Избы у нихъ изъ воздушнаго кирпича, сырыя, холодныя. Они только-что переселились и попали на голодъ. Пришлось продавать землю. Одинъ „хохолъ" продалъ всѣ свои 10 десятинъ за 300 руб. и уѣхалъ „на старину". Другіе распродаютъ за 15—30 руб., и тоже куда-то исчезаютъ. Видимо, также возвращаются въ старое, разоренное гнѣздо.

Интересна исторія „ходатайствъ" прихода.

Когда голодовка выяснилась, бросились, по обычаю, къ старостѣ.

— Я-то что могу сдѣлать?—недоумѣваетъ тотъ.

— Проси,—для чего мы тебя выбирали?

Потомъ пошли къ старшинѣ. Просили сначала общественныхъ работъ.

— „Долго водили за носъ и не дали".

Просили помощи въ видѣ ссуды.

— Нѣтъ,—отвѣчали имъ.

Земскій начальникъ отказывалъ и выгонялъ.

Чуваши приходили толпами и указывали на свою малую недоимочность.

— Дайте, отдадимъ, какъ отдавали раньше!

— Нѣтъ,—отвѣчали имъ.—Отъ высшей власти ничего не приказано.

Тогда чуваши начали писать прошенія. Посылали ихъ въ уѣздный съѣздъ, въ губернское присутствіе, губернатору, но въ отвѣтъ ни звука. Чуваши ходили каждый день въ волость и съ замираніемъ сердца спрашивали:

— Ничего не пришло отъ вышняго начальства?

— Ничего.

— Какъ это такъ? Своихъ дѣтей забыли? — недоумѣвали наивные люди. — Можетъ, письмо не дошло?

Они повторяли прошенія, но съ тѣмъ же результатомъ. Просили священника ходатайствовать за нихъ. На кухнѣ у кармальскаго о. Никитина я засталъ цѣлую толпу чувашъ. Плачутъ, безпомощно восклицаютъ:

— Возьмите нашихъ дѣтей! Устали мы ждать помощи.

О. Никитинъ ѣздилъ къ губернатору. Тотъ спросилъ его:

— Почему вы обращаетесь прямо ко мнѣ, а не къ земскому начальнику?

— Обращались, но ничего не получили.

Губернаторъ на прошеніи священника написалъ:

„Немедленно сдѣлать распоряженіе объ оказаніи продовольственной помощи.

Губернаторъ Башиловъ.

В. срочное".

Губернское присутствіе 7-го ноября предложило уѣздному съѣзду „экстренно разсмотрѣть это ходатайство и въ видѣ особаго исключенія распорядиться удовлетвореніемъ дѣйствительной нужды за счетъ мѣстныхъ или имперскихъ средствъ".

Можно было радоваться,—такой блестящій результатъ. Священникъ пріѣхалъ изъ Уфы и разсказалъ своимъ прихожанамъ. Тѣ перекрестились.

— Слава Богу! Вспомнили о своихъ дѣтяхъ.

Я былъ въ Кармалѣ 26-го ноября. Спрашиваю о. Никитина:

— Получили помощь?

Печально качаетъ головой:

— Нѣтъ.

Изъ уѣзднаго съѣзда ни слуху, ни духу.

— Слышалъ я,—передаетъ онъ,—что въ съѣздѣ очень недовольны моимъ посѣщеніемъ губернатора: почему, молъ, мимо насъ священникъ прошелъ? Какъ же прошелъ, когда мои прихожане писали и туда? Что дѣлать теперь,—не знаю.

Онъ повторилъ прошеніе губернатору. Но въ успѣхъ его уже не вѣритъ.

— Не знаю, какъ объяснить все это прихожанамъ,—передавалъ онъ мнѣ,—говорю, а они не понимаютъ. „Какъ же такъ,—возражаютъ, — губернаторъ приказалъ, а ничего нѣтъ? Кто же въ губерніи выше губернатора?"

— „Это насмѣшка какая-то",—говорятъ.

— „Земскій выгоняетъ, въ губерніи смѣются, — сказалъ мнѣ одинъ чувашъ,—что же намъ дѣлать?"

Въ самые послѣдніе дни киргизміакскій врачъ далъ священнику 70 руб.

— Откройте столовую для голодающихъ дѣтей!

Это—помощь отъ частной уфимской организаціи. О. Никитинъ открылъ столовую на 50 человѣкъ.

— Капля,—говорилъ онъ.

Но и „каплѣ" радъ.

Я видѣлъ въ избахъ дѣтей. Почти всѣ худосочныя. Съ желтыми лицами.

— Въ школѣ у меня,—передавалъ священникъ,—такое творится, что хоть распускай всѣхъ! Ученики вялые, ничего не понимаютъ, встать еле могутъ...

А школьной столовой открыть не на что.

Выѣхавъ изъ Кармалы, мы заблудились въ безконечно бѣлой степи. Не было бурана, но мела „поземка" и замела дороги. Ямщикъ обѣщалъ:

— Если поѣдемъ сыртомъ, то на часъ раньше поспѣемъ.

Поѣхали сыртомъ, но не пріѣхали совсѣмъ.

Ночь. Морозъ градусовъ 15. Ѣдемъ „безъ пути", черезъ озими, по овражкамъ, натыкаемся на плетень. Жилье. Залаяли собаки. Мы въ деревнѣ. Оказывается, живутъ чуваши. На „казенной квартирѣ" (изба для пріѣзжающихъ) спалъ пьяный хозяинъ. Около него — пьяная же жена и дѣти такія же пьяныя....

— Богатый,—говоритъ съ завистью провожающій меня чувашъ.

Поѣхали въ училище. Учитель тоже чувашъ. Совсѣмъ мальчикъ, съ задорнымъ непослушнымъ вихромъ. Жалованья онъ получаетъ рублей 12. Но не жалуется. Ѣстъ то же, что ѣдятъ чуваши.

Сидимъ съ нимъ за чаемъ. Въ дверяхъ толпа любопытныхъ. Есть интересныя лица,—совсѣмъ папуасы, только съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и безъ украшеній. Учитель разсказываетъ объ ихъ вѣрованіяхъ, чувашскомъ „христіанствѣ", которое такъ перепутано съ

язычествомъ, что не знаешь, гдѣ тутъ Христосъ и гдѣ злой духъ Тюргелли.

— У каждаго чуваша есть свой Тюргелли. Существуетъ мѣсто, гдѣ этотъ злой духъ живетъ,—въ амбарѣ или гдѣ-нибудь на огородѣ. Если кто-нибудь заболѣетъ, Тюргелли приносятъ жертву. И знаете?...

Учитель немного сконфузился.

— ... Помогаетъ.

— Неужели?—поддерживаю я его вопросомъ.

Онъ оживился. Разсказываетъ, что у одного чуваша была „дурная болѣзнь", но послѣ того, какъ напекли лепешекъ (непремѣнно ночью, чтобы люди не видали) и положили ихъ съ молитвой въ то мѣсто, гдѣ живетъ Тюргелли, больной выздоровѣлъ.

Учитель преподавалъ законъ Божій и вѣрилъ въ лѣшихъ, домовыхъ, оборотней. Онъ оживленно описывалъ ихъ, какъ людей. И мнѣ стало казаться, что, живя среди этихъ темныхъ, забитыхъ и, видимо, тупыхъ людей, въ обстановкѣ вѣчной картошки, сырости, холода, бѣдноты, слушая вой въ трубѣ бѣснующагося бурана, нельзя не вѣрить въ Тюргелли и не приносить ему жертвъ...

Конечно, этотъ злой духъ послалъ чувашамъ голодъ. Онъ часто приноситъ его.

— За вино,—утверждаютъ чувашки.

Чуваши разсказываютъ, „что случилось въ ихъ мѣстахъ нонѣшнею осенью".

Жилъ одинъ бѣдный чувашъ. Въ какой деревнѣ, никто не знаетъ. Пришла къ нему весной нужда. Пошелъ онъ къ богатому и говоритъ: „Дай мнѣ хлѣба, осенью изъ урожая отдамъ". Богатый далъ. Но осень оказалась голодной, и бѣдному было нечѣмъ возвратить взятое. Ходилъ-ходилъ богатый къ нему, все безъ толку. Тогда онъ свелъ у него лошадь со двора за долгъ. Плохо пришлось бѣдному. Надумалъ онъ продать на базарѣ что-нибудь изъ домашности, чтобы заплатить богатому и вернуть лошадь. Поѣхалъ на базаръ.

Ѣдетъ онъ лѣсомъ. Видитъ, идутъ навстрѣчу трое голыхъ людей: двое мужчинъ и одна женщина. Перепугался чувашъ. Они подошли и спросили, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. Сказалъ. Голые „наказали" ему:

— Когда продашь, купи намъ по рубашкѣ!

Продалъ на базарѣ чувашъ свою „домашность" и пошелъ къ купцамъ: „Дайте,—говоритъ,—самой плохой матеріи". И разсказалъ имъ, для кого онъ покупаетъ матерію. Купцы выслушали и не взяли съ него денегъ.

Ѣдетъ чувашъ обратно. Опять къ нему выходятъ голые. „Купилъ"?"—спрашиваютъ. Отдалъ онъ имъ матерію. „Хорошо,—одобрили голые,—теперь айда къ намъ въ гости". Сѣли въ телѣгу и хлестнули лошадь. Мужикъ сидитъ ни живъ, ни мертвъ. Подъѣхали къ землянкѣ. Вошли, а тамъ рай.

— „Что въ городѣ есть, то тамъ есть".

Сѣли пировать. Голые говорятъ чувашу:

— Мы не люди, мы—ангелы.

Чувашъ и самъ ужъ видитъ, что они—ангелы.

Во время пира вынесли большой снопъ ржи. Чувашъ замѣтилъ, что снопъ съ пустыми колосьями. Потомъ вынесли второй снопъ, но уже съ зерномъ. Затѣмъ третій—съ хорошимъ, налившимся зерномъ. И, наконецъ, четвертый, необычайный—тоже съ зерномъ, но облитый человѣческой кровью. Ангелы объяснили чувашу:

— Первый снопъ—нынѣшній голодный годъ, второй—будущій урожайный, третій—тоже урожайный и, наконецъ, четвертый—также урожайный, но *послѣдній* годъ. Урожай его будетъ уже не нуженъ людямъ, такъ какъ на землѣ случится страшное...

По одной версіи произойдетъ кровопролитная война. По другой возстанетъ братъ на брата, и люди истре-

бять другъ друга. По третьей—произойдетъ свѣтопреставленіе, „какъ батюшка въ церкви объяснялъ“.

— За вино наказанье,—объясняютъ чуваши.—„Преисполнилась чаша“, кровью своей отвѣтятъ люди за вино...

Учитель говоритъ:

Каждый день ходятъ ко мнѣ чуваши и спрашиваютъ, что имъ дѣлать. А я самъ не знаю.

Темные люди въ страхѣ. Они вѣрятъ въ сказку больше, чѣмъ въ Евангеліе. Никто ихъ не разубѣдитъ. Бабы на деревнѣ плачутъ. Мужики ходятъ задумчивые. Богатые пьютъ „на-послѣдяхъ“.

Я разспросилъ толпу, стоящую въ дверяхъ, о раѣ и адѣ. Рай въ ихъ представленіи что-то въ родѣ желѣзнодорожнаго буфета 3-го класса съ колбасой и огурцами на прилавкѣ.

— А адъ?—спрашиваю.

— Адъ, когда нечего ѣсть.

Нынѣшній годъ чуваши переживаютъ адъ.

— Божье наказанье! Никогда такого года не было.

17.

Полное отсутствіе помощи. — У кого просить? — Продажа „душъ“. — Вынужденная разборка общественнаго магазина.

Отъ ст. „Аксеново“, самаро-златоустовской желѣзной дороги, до границы Белебеевскаго и Стерлитамакскаго уѣздовъ—пространство, если ѣхать по прямой линіи, не менѣе 70-ти верстъ. Я ѣхалъ вкривь и вкось. И нигдѣ не встрѣчалъ ни общественныхъ работъ, ни столовыхъ.

Судя по послѣднему справочному листку белебеевскаго земства, во всемъ огромномъ уѣздѣ работы были только въ девяти мѣстахъ. Но я на своемъ пути не

встрѣтилъ ихъ. Лишь подъѣзжая къ границѣ, услыхалъ отъ татаръ:

— Качаганъ-страна была работа...

Въ Кочегановѣ и Гайнахъ, дѣйствительно, что-то копали недѣли двѣ. Насколько обезпечила деревню Кочеганово общественная работа, видно изъ того, что тамъ сейчасъ — страшное гнѣздо голоднаго тифа. При мнѣ было 16 тифозныхъ домовъ. О развитіи его мнѣ сообщила встрѣтившаяся „эпидемическая сестра“:

— Дня четыре тому назадъ было десять домовъ съ тифомъ, теперь я „прибавила“ шесть...

Голодъ вездѣ острый, требовавшій немедленной помощи еще въ сентябрѣ. А этой помощи населеніе не видитъ и теперь.

Крестьяне писали и постоянно пишутъ сейчасъ разные приговоры и извѣщенія. Тучей разсылаютъ ихъ всѣмъ тѣмъ „начальникамъ“, которыхъ они знаютъ. Толпами и поодиночкѣ осаждаютъ волостныя правленія, старшинъ, земскихъ начальниковъ. Но вездѣ ихъ встрѣчаетъ „неумолимое“—

— Нѣтъ.

Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ земскіе начальники все-таки обѣщаютъ...

— Кормовыя, можетъ-быть, будутъ...

Здѣсь не обольщаютъ надеждой, а откровенно говорятъ:

— Продовольственной ссуды не ждите! *)

Въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ голоднымъ башкирамъ совѣтуютъ:

— Хлѣба нѣтъ? А отчего душу не продаешь?

Продать „душу“—значитъ, лишиться послѣдняго. Лишиться, дѣйствительно, души...

Писарь въ с. Артюховкѣ мнѣ говорилъ:

---

*) Черезъ мѣсяцъ и здѣсь принуждены были дать продовольственную ссуду.

— Мы, наоборотъ, не совѣтуемъ. Продать „душу"— значитъ, по нашимъ мѣстамъ, создать вора-разбойника.

— Какъ такъ?

— Что же дѣлать татарину безъ земли, какъ не воровать? На промыслы онъ все равно не пойдетъ.

Но „души" все-таки продаются. „Воры" растутъ въ числѣ.

— Лучше умирать завтра, чѣмъ сегодня,—говорятъ голодные.

Земскіе начальники (въ селахъ Никифаровѣ и Ивановкѣ) на просьбу о помощи сначала отвѣчали:

— Ничего у насъ нѣтъ. Просите въ Уфѣ, въ Петербургѣ...

Потомъ просто „стали гонять".

Киргизміакинскій земскій врачъ, Х. Н. Васильевъ одно время отсылалъ прошенія о помощи въ уѣздную земскую управу. Въ этихъ безыскуственныхъ прошеніяхъ-мольбахъ пестрятъ выраженія: „помираемъ", „три дня не ѣвши", „болѣемъ отъ голода".

Уѣздная управа просила врача перемѣнить адресъ:

— Мы не можемъ ничѣмъ помочь. Отсылайте къ земскому начальнику. Продовольственное дѣло вѣдаетъ администрація.

Врачъ сталъ отсылать къ земскому. Тотъ однажды пріѣхалъ къ нему и сказалъ:

— Совершенно напрасно дѣлаете. Я ничѣмъ не могу помочь. Знаю, что есть голодъ и даже болѣзни на почвѣ недоѣданія. Но у меня нѣтъ средствъ. Обратитесь къ частной помощи! Пишите въ газетахъ!

Въ дер. Ивановкѣ (гдѣ живетъ земскій начальникъ), „лопнуло терпѣніе". Обращались ивановцы къ земскому съ разными просьбами:

— Дай общественную работу! Дай кормовыя! Помоги!

Все безъ результата. Наконецъ, попросили у него

отдать тотъ ихъ хлѣбъ, который лежитъ въ общественномъ магазинѣ.

— Мы не будемъ просить больше ничего, даемъ подписку,—говорили они.

Дали подписку, что отказываются отъ „кормовыхъ".
Но земскій отвѣтилъ:

— Нельзя.

Тогда ивановцы собрали сходъ, написали приговоръ, что общество беретъ свой хлѣбъ изъ общественнаго магазина. Всѣ крестьяне подписались. Потомъ толпой, среди бѣла-дня, они подошли къ магазину, разбили замки, сняли двери, взяли хлѣбъ (252 пуда ржи и 168 пудовъ овса) и раздѣлили. Затѣмъ составили приговоръ, что они взяли хлѣбъ и обѣщаются отдать изъ перваго урожая.

Приговоръ отослали губернатору.

Ихъ спрашивали:

— Какъ вы рѣшились это сдѣлать?

— Съ голоду...

Земскій начальникъ привлекаетъ ихъ по 29-й ст. уст. о нак. По этой статьѣ денежное взысканіе не свыше 50-ти руб.

Въ самые послѣдніе дни стало извѣстно, что земскимъ прислали деньги на организацію помощи. Кажется, рублей по 1,000.

Это, конечно,—капля, но и эти деньги пока не расходуются. Земскіе поставлены втупикъ: кому благотворить, въ какой формѣ, и какова отчетность?

Пришлось справляться въ уѣздномъ съѣздѣ...

Оказывается, при видѣ голодныхъ могутъ еще возникать вопросы о формѣ отчетности.

XVIII.

Голодный тифъ. — Тифозная изба. — Больная ложь. — Иллюстрація голода.

Тутъ кругомъ тифъ. Въ одномъ Киргизміакинскомъ медицинскомъ участкѣ шестнадцать деревень съ тифомъ.

— Голодный,—опредѣлилъ мнѣ земскій врачъ форму болѣзни.

Я самъ могъ это видѣть,—въ избахъ тифозныхъ въ большинствѣ случаевъ одно горе.

Тифъ расползается, ширится, безудержно растетъ. А помощи буквально никакой.

Край богатый землей, но опустошенный неурожаемъ и брошенный на произволъ судьбы.

Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ тифозная татарская изба. Тифъ поражаетъ въ большинствѣ голодающихъ, поэтому съ внѣшней стороны тифозныя избы больше похожи на хлѣвы или бани. Съ однимъ маленькимъ окномъ. Иногда вмѣсто стекла бычачій пузырь.

Нужно согнуться, чтобы влѣзть въ дверь.

Изба часто не топлена. Слабый свѣтъ освѣщаетъ широкія нары. На нихъ лежатъ рядомъ люди, съ головой закрывшись разнымъ тряпьемъ. Здоровые сидятъ тутъ же.

— Что болитъ у нихъ?—спрашиваю.

— Голова, животъ...

Больные услышатъ чужой голосъ, приподнимутся и выглядываютъ изъ-подъ тряпья. На лицѣ иногда капли пота,—видимо, жаръ,—иногда только блѣдность. Посмотрятъ безучастно и опять закроются тряпьемъ.

— Хлѣбъ есть?

— Нѣтъ.

Иногда это невѣрно. Гдѣ-нибудь здѣсь же, на виду, насыпано фунта три муки. Указываешь,—конфузятся или говорятъ:

— Христарамъ (Христа ради) собрали.

И ложь такая же больная, тяжелая, какъ вся ихъ несчастная жизнь. Конечно, ничего у нихъ, кромѣ этой муки, нѣтъ. И ничего, кромѣ „салмы“ изъ этой муки они не ѣдятъ. На дворѣ же у нихъ или „шаромъ покати“, или осталась какимъ-то чудомъ тощая лошаденка. Стоитъ она безъ корма или жуетъ старую солому и дожидается своей участи. Ее скоро „съашаютъ“.

Здоровые спятъ вмѣстѣ съ больными. Нары однѣ, и изба одна. Некуда дѣваться.

Въ Кочегановѣ въ одной семьѣ было сначала только трое тифозныхъ. Четверо здоровыхъ ожидали своей участи. Скоро легъ одинъ изъ здоровыхъ, потомъ другой и, наконецъ, два послѣднихъ члена семьи. Я засталъ всю семью въ тифѣ. Рядомъ, вплотную, лежатъ отецъ, мать и пятеро дѣтей. Укрыты плохо,—одежды на всѣхъ нехватило. Отецъ лежитъ почти безъ „одѣяла“.

Въ Курманай-Башѣ даже на „казенной квартирѣ“ лежатъ тифозные. Я спрашиваю старосту:

— Есть у васъ больные?

Онъ отвѣчаетъ:

— Да вонъ, рядомъ съ вами, лежатъ. Голова и животъ...

Здѣсь тифознымъ при мнѣ еще ничего не давали. Больные жевали сухой хлѣбъ, если былъ аппетитъ. Въ другихъ селахъ, посѣщая тифозныя избы, я заставалъ такія картины. Двое-трое лежатъ, а здоровые пьютъ чай съ молокомъ и ѣдятъ бѣлый хлѣбъ. Оглядываю избу,—обычная нищенская обстановка. Удивляюсь:

— Откуда бѣлый хлѣбъ? Лошадку продалъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ,—бабушка давала.

Оказывается, „бабушка“ (фельдшерица или эпидемическая сестра) дала молока, бѣлаго хлѣба и сахара

тифознымъ. Но у тѣхъ по большей части нѣтъ аппетита, или просто дѣтямъ нечего ѣсть, и больной отецъ отдаетъ имъ свою порцію...

Земстмо на хлѣбъ и молоко ассигновало киргизміакинскому врачу 200 рублей.

—Ну, а чѣмъ вы предупреждаете тифъ?—спросилъ я врача.

— Ничѣмъ. У насъ нѣтъ никакихъ средствъ.

По здѣшнимъ мѣстамъ, слава Богу, что тифозныхъ регистрируютъ. Есть углы (Четырманская волость) и даже цѣлые медицинскіе участки, въ которыхъ нѣтъ врача, гдѣ больныхъ даже не регистрируютъ. Люди болѣютъ, заражаются, умираютъ,—часто никто этого не видитъ и не знаетъ.

„Краснаго Креста“ до сихъ поръ нѣтъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ.

Киргизміакинскій врачъ получаетъ изъ всѣхъ угловъ приглашенія прибыть къ „больнымъ“.

— Пріѣзжаю,—разсказывалъ мнѣ врачъ,—иногда нахожу больныхъ, иногда нѣтъ.

Татары хватаются за врача, какъ утопающій за соломинку. Земскій отказываетъ въ помощи. Къ кому же обратиться? Зовутъ врача, какъ бы къ больнымъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы показать ему свою крайнюю нищету.

Голодъ, дѣйствительно, дошелъ здѣсь до „послѣдней черты“. Врачъ объ этомъ давалъ знать и во врачебное отдѣленіе, и въ уѣздный комитетъ, и земскому начальнику. Отвѣта ниоткуда не было.

— Хоть бейся головой о камень,—скаалъ мнѣ одинъ башкиринъ, описывая безвыходность своего положенія.

Онъ изъ бѣднѣйшей деревни Анясево. Было у него 2 лошади, 1 корова, 1 коза при 9 человѣкахъ семьи. Четыре голодныхъ мѣсяца боролся онъ съ нуждой. Девять человѣкъ семьи у него осталось, скотъ же онъ съѣлъ безъ остатка.

Анясево и весь этотъ несчастный забытый районъ останется у меня надолго въ памяти.

Въ Анясевѣ 540 дворовъ, изъ нихъ около 150 безлошадныхъ и безкоровныхъ. Нужда ужасная. Помощи никакой. Продаютъ уже перины, подушки. Но много домовъ, которымъ продавать нечего.

— Удивляюсь, какъ они живутъ,—говорилъ тамошній интеллигентный учитель-башкиръ.

Мы съ нимъ обходили дома.

Въ избушку Каснефуддина Месфандинова еле вошли. Дверь похожа на окно,—такъ она мала.

Самъ хозяинъ, человѣкъ лѣтъ 40, сидитъ на печкѣ. Грудь у него открыта. На ней зіяющая рана съ гноемъ и огромная синеватая опухлость. Туберкулезъ грудной кости.

Жена у него слѣпая. Шестеро дѣтей. Скота нѣтъ, хлѣба тоже.

— Ребята Христарамъ просятъ, — сообщилъ онъ.

Подаютъ мало. Учитель когда даетъ пятачокъ или гривенникъ.

— Но уменя самого,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего. Хлѣбъ дорогой, а жалованье маленькое.

Я далъ больному денегъ. Онъ взялъ дрожащей рукой и заплакалъ.

Другая избушка принадлежитъ Зайнегабдинову. Онъ лаптарь. Но лапти на базарѣ стоятъ копѣйка за пару. Ребята побираются. По суткамъ семья не ѣстъ, когда ребятамъ не подадутъ. Въ избѣ холодъ,—топлива нѣтъ.

— Былъ я работникомъ,—сообщаетъ башкиринъ,—заработалъ 30 руб. и на всѣ эти деньги посѣялся. Зерна не взялъ.

Въ третьей избѣ 85-лѣтній Тухфатуллъ Тухфатуллинъ тоже плететъ лапти. Но старыя руки не слушаются, и въ день онъ еле зарабатываетъ копѣйку.

Учитель передаетъ:

— Ученики просятъ меня теперь: „Отпусти поско-

рѣй!“ Заниматься имъ нѣтъ охоты. Вялые. Падаютъ въ обморокъ.

Чтобы сэкономить топливо, нѣсколько семей собрались въ одну избу и живутъ въ невозможной тѣснотѣ.

— Маханъ ѣдятъ протухшій, — передавалъ учитель, — мимо сарая пройти нельзя, тошнитъ, а они ашаютъ...

Три дома уже объявили:

— Ищемъ продать „души“. Невмоготу стало...

Но за 7½ десятинъ даютъ только 40 рублей.

Въ Курманай-Башѣ меня спрашивали:

— Народъ мы глупый. Не знаемъ, куда гулять за помощью. Научи, ты знаешь. Больно плоха наша стала...

— Вы кого просили?

— Старосту, старшину, писаря, земскаго. Земскій сказалъ: „Проси губернатора!“ А до Уфы билетъ стоитъ 5 руб. Лучше я хлѣба на эти деньги куплю...

У нихъ есть лѣсъ. Можно было бы дрова продавать, но въ деревнѣ никто не покупаетъ, а на базаръ „тащить“ нѣтъ лошади.

Приходили ко мнѣ „зажиточные“. У нихъ есть „товарищеская“, т.-е. купленная, земля. Продавать ее имъ не хочется. Они надѣются какъ-нибудь продержаться до весны. Хотятъ заложить изъ ней 62 десятины. Не знаютъ, въ какомъ банкѣ и какъ.

Въ волостныхъ правленіяхъ съ удовольствіемъ посовѣтуютъ:

— Продавай „душу“.

Но не научатъ, какъ выгоднѣе заложить землю въ банкѣ.

У дворовъ 20-ти заложить уже нечего. Хасанъ-Тухфатуллинъ трое сутокъ не ѣлъ. Вчера кто-то далъ ему 3 фунта махана. Ашалъ. У него въ семьѣ четверо больныхъ тифомъ.

— Что дальше буду дѣлать,—не знаю,—говорилъ онъ.

Фахрдинъ Богуддиновъ боленъ тифомъ. Больны и двое его сыновей. Здорова лишь дѣвица-дочь. „Товарищескую“ землю Фахрдинъ продалъ, послѣднюю лошадь проѣлъ. Ѣсть нечего. Больные посылаютъ дочь собирать милостыню. Но ей отъ нихъ отлучиться нельзя.

„Шабры“ знаютъ о бѣдственномъ положеніи семьи и приносятъ изрѣдка кусокъ хлѣба. Этими приношеніями и живутъ. Если никто въ избу не заглянетъ,— пролежатъ день безъ пищи.

У Ахмаджана Гильманова такое же положеніе. Больны тифомъ самъ, сынъ и дочь. Хлѣба и скота нѣтъ. Онъ ищетъ продать „душу“. Но никто не покупаетъ.

Нужно сначала „укрѣпиться“ въ ней, а потомъ продавать. Хлопотать объ укрѣпленіи некому,—владѣлецъ земли боленъ тифомъ и не можетъ двинуться съ мѣста.

Еще худшее положеніе въ третьей татарской деревнѣ—Ишлѣ. Тамъ уже дворовъ 20 „укрѣпились“ и продали „души“, при чемъ 7½ десятинъ прекрасной земли шли за 60—90 рублей. Тамошній мельникъ скупаетъ „души“. Въ самые послѣдніе дни здѣсь открыты 3 дѣтскихъ столовыхъ на средства уфимской частной организаціи.

Такъ же скверно приходится и башкирамъ деревень Кочеганово и Толкай-Гайны. Тифъ безудержно растетъ, а помощи нѣтъ. „Души“ идутъ по 10 руб. за десятину навѣчно. Аренда пала до 2 руб. 50 коп. Въ Толкай-Гайнахъ 185 дворовъ даже не засѣялись озимымъ.

Стонъ и крики стоятъ во всей этой округѣ Белебеевскаго уѣзда. Больно задавать вопросы, тревожить наболѣвшую рану голодающихъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мнѣ съ сердцемъ говорили:

— Все пишутъ да пишутъ, пять разъ насъ переписывали,—а помощи все нѣтъ. Для чего пишутъ?

Какъ тяжко выходить изъ избы послѣ опроса!

Спрашиваешь и чувствуешь по взглядамъ, что люди

видятъ въ тебѣ послѣднюю надежду: „поможетъ!..“ И вдругъ: „Прощайте!“...

Я уходилъ и за спиной своей чувствовалъ драму. Сердце повертывалось отъ жалости...

19.

Тифозный хуторъ.—Раззореніе и изгнаніе 60 семей.

На хуторѣ Сурошниковѣ тифъ свилъ себѣ гнѣздо.

Въѣзжаю. Вижу необычайное оживленіе. Будто базаръ. Ведутъ коровъ, гонятъ овецъ. Стоятъ фургоны съ нагруженными домашними вещами. Ворота настежь. Отчаянно мычатъ коровы, плачутъ ребята. Спрашиваю:

— Что такое? Переселяются, что ли?

— Да...

Отвѣчаютъ зло, нехотя.

Вмѣшиваюсь въ толпу стоящихъ около одной избы мужиковъ. Разспрашиваю. Рисуютъ такую картину.

Шестьдесятъ семей хохловъ Херсонской губерніи этой весной переселились сюда. Они „купили“ у самарскаго купца Сурошникова 2,000 десятинъ по 100 руб. за десятину. Дали задатокъ 10,000 руб.

Довѣренный Сурошникова, Яковлевъ, обошелъ ихъ кругомъ. Безграмотные хохлы мало понимаютъ въ документахъ. Въ запродажной записи были поставлены слѣдующія условія: хохлы обязывались совершить купчую 26-го сентября 1911 года и заплатить всѣ деньги сполна. Если они не совершатъ купчей въ этотъ день, то уплачиваютъ неустойку въ 10,000 рублей, земля отъ нихъ отбирается, задатокъ пропадаетъ.

Въ записи помѣчено просто „земля“, безъ указанія,—какая. Хохлы, когда осматривали землю, видѣли

пашню и лѣсъ. А когда явились сюда съ семьями, то лѣсъ былъ уже вырубленъ и проданъ.

— Гдѣ же лѣсъ? — спрашиваютъ. — Мы лѣсъ покупали.

— Какой лѣсъ? Землю вы купили...

Хохлы примирились съ этимъ.

Они истратили всѣ свои средства на задатокъ, переѣздъ, обработку земли и посѣвъ. И надѣялись, главнымъ образомъ, на урожай, а потомъ на то, что они заложатъ землю въ Крестьянскомъ банкѣ и съ его помощью расплатятся съ Сурошниковымъ. Но въ запродажной записи стояло условіе: хохлы имѣли право заложить землю только въ какомъ-то коммерческомъ банкѣ, въ которомъ владѣлецъ земли состоитъ участникомъ или вообще близкимъ человѣкомъ. Хохлы принуждены были согласиться и на это условіе.

— Урожай спасетъ,—надѣялись они.

Но вмѣсто зерна они собрали тощую солому. Поняли, что выхода нѣтъ. Коммерческій банкъ, указанный Сурошниковымъ, давалъ имъ подъ землю только 45 руб. за десятину. Нужно было доставать откуда-нибудь еще 50 руб. Но откуда?

Они надѣялись упросить Сурошникова подождать до слѣдующаго года, разсрочить:

— Человѣкъ, вѣдь, онъ! Видитъ, какой нынѣ годъ!..

Наступило 26-е ноября. Уполномоченные хохловъ встрѣтились съ Сурошниковымъ или его представителемъ въ Уфѣ, у нотаріуса, и били ему челомъ:

— Сдѣлай Божескую милость! Подожди до слѣдующаго года.

Но Сурошниковъ былъ твердъ. Онъ понялъ, что надо пользоваться голоднымъ годомъ. Ему было выгодно получить землю обратно, поэтому онъ наотрѣзъ отказалъ хохламъ.

— Заплатите неустойку и убирайтесь съ земли!

Уполномоченные пріѣхали на хуторъ и объявили во-

лю хозяина. Хохлы въ паникѣ бросились бѣжать, чтобы не платить неустойки. Откуда ее возмешь?

Я засталъ тотъ моментъ, когда они уѣзжали съ хутора. Кругомъ отчаяніе, слезы, проклятія по адресу Суропщикова и Яковлева.

Шестьдесятъ семей были совершенно разорены. Продали все за безцѣнокъ. Избы бросили.

Часть уѣзжала „на старину", нѣкоторые временно переселились на квартиры къ татарамъ д. Росланово и въ другія деревни.

Я попробовалъ отыскать въ суматохѣ тифозныхъ. Спрашиваю:

— Гдѣ они?

— Увезли ихъ куда-то...

Видимо, разселили по деревнямъ...

20.

По Стерлитамакскому уѣзду. — Продовольственныя ссуды. — Многіе остались безъ ссуды. — Земскій „Вово" и голодные башкиры. — Уфимская маниловщина. — Бессарабская мамалыга для башкиръ. — Разборка общественныхъ магазиновъ.

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ общественныя работы были организованы только въ девяти мѣстахъ. Это приблизительно на 400 селеній!

Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ рѣшили быть добросовѣстными и не вводить людей въ заблужденіе. Тамъ не было ни одной общественной работы.

Уѣздъ представляетъ „счастливое" исключеніе.

Онъ существуетъ для того, чтобы самымъ фактомъ своего бытія подорвать принципы продовольственной политики. Какъ извѣстно, вверху были установлены такіе „незыблемые" взгляды:

— Только общественныя работы и никакихъ продовольственныхъ ссудъ, которыя развращаютъ населеніе.

Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ осуществленъ другой принципъ:

— Никакихъ общественныхъ работъ и выдача продовольственной ссуды.

Впрочемъ, къ необходимости выдачи „развращающей населеніе" продовольственной ссуды должны были притти, въ концѣ-концовъ, во всѣхъ голодающихъ губерніяхъ.

Когда я проѣзжалъ Стерлитамакскимъ уѣздомъ, по деревнямъ кое-гдѣ уже шелъ разговоръ:

— Кормовыя выдаютъ. Староста поѣхалъ въ Стерлитамакъ.

— Всѣмъ?—спрашиваю.

— Многимъ нѣтъ.

— Почему же?

— По старымъ спискамъ выдаютъ.

Тутъ, кажется, разъ пять переписывали населеніе въ отношеніи его хозяйственности. Каждый разъ съ цѣлью чѣмъ-нибудь помочь ему. Списки куда-то отсылались, а помощи ниоткуда не приходило. Только напрасно безпокоили народъ.

Въ августѣ и сентябрѣ перепись была особенно подробная. Думали устроить общественные работы. Эту перепись и положили теперь въ основу выдачи продовольственной ссуды.

Получилась удивительная несообразность. Съ переписи прошли три голодныхъ мѣсяца, въ продолженіе которыхъ усиленно распродавался скотъ. Какой-нибудь Ахметъ въ августѣ имѣлъ четыре лошади, сейчасъ онъ имѣетъ уже одну. Ссуды ему не выдаютъ.

— Ты—богатый. У тебя четыре лошади.

— Скоро и одной не будетъ.

— Хлопочи, попадешь въ дополнительные списки.

Такихъ „богачей" масса,—чуть не полдеревни. Всѣ они остались за порогомъ. Чтобы получить ссуду по до-

полнительному списку, надо ждать чуть-ли не мѣсяцъ. Списки проходятъ инстанціи: отъ земскаго идутъ въ уѣздный съѣздъ, а затѣмъ въ губернское присутствіе. Только развѣ январскую ссуду получатъ эти обойденные люди. Въ декабрѣ же они продадутъ послѣдній скотъ и останутся совершенно нищими.

— За мѣсяцъ такъ отощаемъ, что, пожалуй, уже и не встанемъ,—говорятъ „богачи“.

Въ ссудѣ установили, какъ выражаются земскіе начальники, „критерій“. Начинаютъ выдавать съ одной лошади, одной коровы и одной козы. Тутъ также кроется большое „недоразумѣніе“. Годъ настолько тяжелый, что никакой хозяйственной разницы между этимъ „критеріемъ“ и двумя-тремя лошадьми съ коровами и козами нѣтъ.

Если не выдавать ссуды всѣмъ, исключая богачей, имѣющихъ свой хлѣбъ, то тѣ, которые стоятъ выше „критерія“, непремѣнно перейдутъ въ разрядъ нищихъ. Предстоитъ еще, вѣдь, длинная холодная зима...

Вообще ссуда въ такой постановкѣ только не дастъ сейчасъ умереть съ голода, истощенія же, обнищанія и паденія средняго крестьянства не остановить.

Но все-таки она—помощь. Желанная, долго ожидавшаяся. Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не было ссудъ, я слышалъ унылую пѣсню:

— Нѣтъ никакой помощи... Хоть ложись и помирай!

Что только ни дѣлали? Составляли приговоры и рапорты. Просили, умоляли, падали на колѣни... Ничто не помогало.

Одинъ земскій начальникъ въ отвѣтъ на просьбу башкиръ о помощи сдѣлалъ неприлично-оскорбительный жестъ. Башкиры не выдержали и избили его.

Такъ „помогалъ населенію“ кн. Шаховской, извѣстный всему уѣзду и даже губерніи подъ кличкой „Вово“.

Губернаторъ Башиловъ уволилъ „Вово“, и тотъ куда-то исчезъ, не сдавъ даже дѣлъ своему преемнику.

Другой земскій начальникъ сказалъ крестьянамъ, просившимъ у него помощи:

— Жрите хоть снѣгъ!..

Этотъ не былъ избитъ.

— У меня участокъ не настолько культуренъ,—говорилъ онъ,—чтобы бить земскаго начальника.

Остальные просто выгоняли просящихъ.

Земскіе сидѣли спокойно въ своихъ участкахъ, не хлопотали, не ходатайствовали, а отписывали о неурожаѣ въ казенныхъ выраженіяхъ. Продовольственной ссуды они не желали, такъ какъ „она развращаетъ населеніе“. Въ общественныя работы не вѣрили. Заниматься столовыми не было у нихъ ни времени, ни людей, ни охоты.

Они усвоили себѣ казенное убѣжденіе за № такимъ-то, что „голодныхъ смертей у насъ не можетъ быть“, о голодѣ „много кричатъ“, „голодныя болѣзни бываютъ каждый годъ“...

Въ Уфѣ тоже больше искали:

— Нельзя ли кого-нибудь привлечь къ суду за превышеніе власти или за бездѣйствіе?

А по поводу голода только фантазировали:

— Хорошо бы выпахать снѣгъ на поляхъ!

Или:

— Недурно бы привить населенію въ качествѣ пищи бессарабскую мамалыгу!

Былъ даже разосланъ рецептъ составленія этой мамалыги.

Впрочемъ, пытались помогать. Земскимъ начальникамъ были посланы 10 тысячъ на губернію. О нихъ я вскользь говорилъ ранѣе. Каждый здѣшній земскій получилъ по 600, 1,000 или 1,800 рублей.

— Что съ ними дѣлать?—спросили земскіе.

— Кормите голодающихъ!

Земскимъ показалось это неопредѣленнымъ. Они затѣяли переписку.

— Какихъ голодающихъ? По какой статьѣ?

А нѣкоторые къ тому же недоумѣвали:

— Какова форма отчетности?

Изъ губерніи было разъяснено:

— Устраивать столовыя по 92-й статьѣ.

Земскіе могли бы отвѣтить:

— Это все равно, что кормить мамалыгой.

Но предпочли просто:

— Не кормить. Деньги же держать у себя.

Съ казенной точки зрѣнія они были правы. 92-я ст. говоритъ о кормленіи сиротъ, калѣкъ, а также не имѣющихъ земли. Такихъ въ каждомъ селѣ не болѣе 3—5 человѣкъ.

— Нельзя же изъ-за трехъ человѣкъ устраивать столовыя?—говорили земскіе.

— Если же кормить на эти деньги вообще голодающихъ, то можно попасть подъ судъ,—указывали они.— Контрольная палата и съѣздъ сдѣлаютъ начетъ, и пожалуйте на цугундеръ!

— Не требуйте отъ насъ геройства,—говорили они.

Народъ молилъ о помощи, а деньги лежали...

Я слышалъ, что эти несчастные 10,000 рублей передали земству, не стѣсняя его никакими статьями.

Населеніе, не получая ниоткуда помощи, съ вожделѣніемъ поглядывало на свои общественные магазины.

Въ самомъ дѣлѣ, получалась дикая несообразность:

— Народъ голодаетъ, болѣетъ отъ недоѣданія, истощается, лишается скота, а въ общественномъ магазинѣ лежатъ сотни пудовъ его хлѣба!

Не для крысъ же этотъ хлѣбъ приготовили?

Обращались къ земскимъ начальникамъ:

— Дайте!

Кое-гдѣ дали, по закону, только очень бѣднымъ, иногда даже тѣмъ, которые не участвовали, по бѣдности, къ засыпкѣ. Тѣмъ же, которые засыпали, отказывали. Въ деревнѣ это кажется несправедливымъ. Тамъ держится иной взглядъ:

— Я засыпалъ,—мнѣ мое и отдай!

Нынѣшній голодный годъ утвердилъ такое понятіе:

— Кто нынѣ богатъ? У всѣхъ хлѣба нѣтъ. Всѣ бѣдные.

Начали думать, какъ обойти земскаго начальника. Жизнь вырабатываетъ пути... Просто самовольно разбирали магазины.

Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ было много такихъ случаевъ. Земскіе смотрѣли на разборъ сквозь пальцы:

— Три дня ареста.

Обыкновенно староста уѣзжалъ въ этотъ день по казенной надобности и забывалъ на столѣ ключъ отъ магазина.

Народъ бралъ „забытый“ ключъ и отпиралъ магазинъ. Спокойно дѣлилъ хлѣбъ: кто сколько засыпалъ, тотъ столько и получалъ. Старостину долю оставляли въ углу магазина.

„Комаръ носа не подточитъ“. По мнѣнію крестьянъ, не было наличности ни взлома, ни грабежа.

— Просто пришли и взяли свое безъ насилія!

Иногда процедура разбора разнообразилась. Дверь даже не отпирали, а съ замкомъ снимали съ петель. Въ этомъ случаѣ какъ-то особенно тянули всѣ за веревку и снимали дверь подъ звуки:

— Э-э-эй, ухнем-м-ъ!

Все-таки не вездѣ разбирали. Во многихъ селахъ „согласу не было“.

— Хоть и три дня, а сидѣть не хочется!..

Такъ наша дѣйствительность пріучаетъ деревню къ беззаконію. И на самый законъ устанавливаетъ странную точку зрѣнія:

„Законъ—по улицѣ протянутый канатъ“.

Черезъ него можно перешагнуть, подъ него подлѣзть, его обойти...

21.

Голодный хлѣбъ.—Обмороки дѣтей въ школахъ.—Попытки насилій.—Наказанный мулла.—Хищники.—Уфимская организація.

С. Дѣдово—центръ большого района Стерлитамакскаго уѣзда.

Тутъ оживленіе. Много энергичной, хорошей интеллигенціи.

Изъ этого угла дважды раздавались печатные призывы о помощи. Одно письмо было написано А. О. Вальтеромъ, управляющимъ имѣніемъ А. И. Кузнецовой, другое исходило отъ имени участковаго санитарнаго попечительства.

Меня здѣсь познакомили съ „вещественными доказательствами" голода—съ образцами „голоднаго хлѣба".

Тутъ цѣлыхъ два склада его. Два голодныхъ музея. Одинъ—у земскаго врача, другой—у землевладѣлицы А. Д. Лашкевичъ.

Какихъ только „уродъ" въ этихъ музеяхъ нѣтъ!

Черная, сожженная въ золѣ башкирская лепешка. Богъ знаетъ, изъ чего она сдѣлана. На видъ простой уголь.

Большая краюха какого-то не то „кизяка" (матеріала для топки печей), не то простой смѣси овсяной шелухи съ землей.

Грѣшный человѣкъ, не вѣрю я въ подлинность этого кизяка-хлѣба. Нигдѣ въ избахъ я не могъ достать его. Возможно, что такимъ хлѣбомъ кормятъ гдѣ-нибудь скотъ... Но... людей! Трудно допустить. Принесъ этотъ образецъ башкиринъ и сказалъ, что такимъ хлѣбомъ питается его семья...

Смѣсей вообще много. Муку мѣшаютъ съ дикой гречихой. Такая смѣсь стоитъ въ цѣнѣ чистой муки (1 руб. 20 к. пудъ). Смѣшиваютъ съ овсомъ. Пудъ такой муки тоже стоитъ 1 р. 20 к. Съ жолудями, при чемъ жолуди размолоты со шкуркой и даже съ шапочкой. Наконецъ, очень распространена смѣсь съ отрубями. Отруби преобладаютъ, и мука становится похожей на мякину.

Въ районѣ уже начались цынга и тифъ. Пока въ небольшомъ количествѣ и въ первичныхъ формахъ. Голодъ даетъ себя сильно чувствовать. Нужда кричитъ изъ каждой избушки.

— Изголодались мы, — говорилъ мнѣ одинъ чувашинъ,—а помощи все нѣтъ и нѣтъ.

Къ кузьминовскому священнику пришла на кухню толпа голодныхъ прихожанъ просить о помощи. Стоятъ, плачутъ, жалуются на горькую участь. Въ это время кухарка кинула сухую, горѣлую корку собакѣ. Голодные ребята бросились, отняли корку у собаки и съѣли.

— Книжку въ руки возьметъ читать, — разсказывалъ мнѣ кузьминовскій священникъ о своихъ ученикахъ, — руки трясутся. Книжка ходуномъ ходитъ. Потомъ опустится малецъ на парту и въ обморокъ. Нѣсколько случаевъ было. Ставлю ихъ на колѣни,—они стоятъ не могутъ, падаютъ... Что будешь съ ними дѣлать?

— Вы бы, батюшка,—говорю,—на колѣни-то перестали бы ставить.

— Что дѣлать,—ставлю... Страхъ Божій внушаю.

Попикъ-мордвинъ не старый, но малоразвитой, „ветхозавѣтный".

Такія или въ родѣ этихъ характеристики голода я слышалъ отъ многихъ учителей и учительницъ. Обмороки дѣтей стали теперь обычнымъ явленіемъ въ школѣ. А состояніе школьниковъ—самый вѣрный признакъ состоянія всей деревни.

Нынѣшній годъ въ школахъ небывалый наплывъ.

Некуда помѣщать дѣтей. Въ классахъ духота. Это не осуществленіе идеала всеобщаго обученія, а просто тотъ же голодъ: онъ заставляетъ посылать въ школу дѣтей. Родители знаютъ, что школьниковъ будутъ кормить прежде всѣхъ.

Но школьниковъ стали кормить только въ ноябрѣ. И далеко не во всѣхъ школахъ... Большинство школъ ждетъ кормежки.

Одинъ башкиринъ узналъ, что въ Дѣдовѣ открылась школьная столовая, привелъ своего сына и говоритъ:

— Съ осени такой форма искалъ, чтобы училъ и кормилъ...

Но сына его не приняли. Поздно. Да и некуда.

Въ школьныхъ столовыхъ бываютъ такія сцены. Мальчикъ приводитъ сестренку, 3—4-хъ лѣтъ, и усаживаетъ съ собой за парту.

Подаютъ щи. Онъ ѣстъ самъ и кормитъ ее. Ложку себѣ въ ротъ, ложку ей. Если кто скажетъ:

— Ей не полагается.

Мальчикъ увѣряетъ:

— Я лишняго не беру, самъ ѣмъ меньше.

Пока стоитъ тепло. Но начнутся морозы, и ребятамъ, за отсутствіемъ одежды, придется лишиться школьной кормежки. Куда выйдешь изъ дома въ стужу? Какая мать выпуститъ въ это время босого и раздѣтаго ребенка?

Въ д. Петровкѣ разсказывали:

— Двое мужиковъ у насъ кончились...

— Отъ чего?

— Отъ голода, знать. Сначала простудились. Потомъ дѣло пошло на поправку. Но ѣсть въ домѣ стало нечего. Они и умерли.

Голодъ, видимо, подорвалъ истощенный болѣзнью организмъ.

Обычная голодная смерть русскаго крестьянина.

Священникъ с. Яннадскаго плакался мнѣ:

— Сторожа церковнаго лишился. Сегодня посылаю за нимъ, чтобы отвезти меня въ школу, а онъ отъ слабости встать съ постели не можетъ,—1½ сутокъ не ѣлъ. Псаломщикъ тоже бѣжитъ изъ села,—ѣсть нечего... Просто ужасъ какой-то, а не жизнь.

Онъ передавалъ, что въ его селѣ ухитряются какъ-то размалывать солому и смѣшивать ее съ мукой. Въ такомъ видѣ ѣдятъ.

Отсутствіе помощи родило вполнѣ понятное озлобленіе.

По деревнѣ, какъ мгла, съѣвшая урожай этого года, ползутъ слухи, что ночью на дорогахъ кое-гдѣ останавливаютъ и обираютъ...

Умеръ въ одномъ селѣ ребенокъ. Родители не пожелали хоронить и обратились къ „начальству“.

— Съ голода умеръ. Ты не помогъ,—теперь ты и хорони.

Толпа голодныхъ пришла къ молоканамъ просить хлѣба взаймы. Тѣ не даютъ.

— Не дадите? Сами возьмемъ.

И двинулись къ амбарамъ.

Пришлось дать „взаймы“. Толпа взяла, но соблюла законный декорумъ: сама пожелала подписать обязательство, что вернетъ долгъ изъ перваго урожая.

Богатый мулла, имѣвшій 5 тысячъ пудовъ стараго хлѣба, хотѣлъ продать этотъ хлѣбъ. Башкиры этой деревни окружили плотнымъ кольцомъ его амбаръ и сказали:

— Не дадимъ продавать!

— Какъ такъ? Мой хлѣбъ.

— Знаемъ, что твой. Но не позволимъ. Кормовой не дадутъ; зима придетъ, что будетъ ашать?

— Мнѣ-то что до этого?

— Твой хлѣбъ ашать будемъ. А потомъ отдадимъ.

Такъ и не дали продать. День и ночь сторожили амбаръ муллы. Никого къ нему не подпускали.

Мулла разсчитывалъ нажить деньги,—нарочно долго не продавалъ хлѣба, цѣну выжидалъ. Но прихожане разстроили его планъ. Жаловаться на нихъ полиціи нельзя,наживешь враговъ и сократишь доходы.

Хищниковъ, въ родѣ этого муллы, въ деревнѣ много. Налетѣли, какъ коршуны. Всякій, у кого есть деньги и мало совѣсти, старается утилизировать петлю, накинутую голодомъ на шею крестьянину.

Очень усердствуютъ въ этомъ отношеніи волостные писаря. Чтобы имѣть право скупить башкирскія земли, нѣкоторые изъ нихъ приписываются къ башкирскому обществу и скупаютъ „души" десятками.

Изъ сосѣдней, Оренбургской, губерніи пріѣзжаютъ кулаки и также скупаютъ надѣлы въ дозволенномъ закономъ количествѣ: на себя шесть, на имя жены—шесть, дѣтей—по шести и на имя другихъ подставныхъ лицъ—въ такомъ же числѣ...

Крестьяне только кряхтятъ да ахаютъ, но продолжаютъ „укрѣпляться въ душевомъ надѣлѣ и тутъ же раскрѣпляться"... въ пользу этихъ хищниковъ.

Пала до послѣдней степени цѣна аренды. Въ д. Карлачикѣ десятина на 6 лѣтъ идетъ по... рублю. Одного пуда муки нельзя купить за десятину прекрасной земли. Только крайній смертный голодъ можетъ заставить отдать землю за такую ничтожную цѣну.

Въ д. Кузьминовкѣ одинъ очень безсовѣстный кулакъ скупаетъ землю по 25 р. за десятину, но платитъ не деньгами а ржаной мукой и ставитъ ее по цѣнѣ 2 рубля пудъ.

И продаютъ—что дѣлать?

Я бесѣдовалъ съ однимъ такимъ скупщикомъ. Онъ смотритъ на міръ ясными глазами:

— Я благодѣяніе оказываю,—говоритъ онъ,—поймите! Какая тамъ эксплоатація? Имъ нуженъ хлѣбъ, чтобы жить. Я даю. Кто бы у нихъ купилъ землю—нѣтъ въ нашей округѣ богачей.

Спорить съ нимъ нельзя. Все равно не убѣдишь. Разныя точки зрѣнія.

Въ Дѣдовѣ я впервые познакомился съ частной помощью. Она, какъ извѣстно, запрещена, но здѣсь сквозь толщу нелѣпаго запрещенія просочилась струйка живой воды...

У мѣстнаго врача М. Г. Купшира я понакомился съ гр. П. П. Толстымъ, членомъ Государственной Думы. Онъ объѣзжалъ пострадавшіе уѣзды Уфимской губерніи, какъ представитель особаго комитета при губернскомъ земствѣ.

Въ этомъ комитетѣ объединились земство, общеземская организація, вольно-экономическое общество и частные жертвователи.

Уфа—счастливый оазисъ.

Конечно, это не то, что организаціи 1898 года, когда на голодъ ѣхалъ, кто хотѣлъ, изъ разныхъ угловъ Россіи. Комитетъ опирается только на мѣстный интеллигентный элементъ. Но все-таки и это—частная помощь, и притомъ такая, что каждая копейка жертвователя идетъ непремѣнно голодающему.

Еще въ Киргизміякахъ я видѣлъ восемь дѣтскихъ столовыхъ, открытыхъ на средства уфимскаго комитета. Помощь пришла въ нужное время. 400 дѣтей были избавлены отъ истощенія и, можетъ-быть, отъ смерти.

Въ Дѣдовѣ комитетъ опирается на участковое санитарное попечительство. Это учрежденіе тоже общественное, неадминистративное.

Я склоненъ думать, что, какъ ни тяжело живется въ провинціи, все-таки тамъ можно, если захотѣть, коечто сдѣлать хорошее. Конечно, усмотрѣніе, гнетъ, жестокость, — все это такъ. Но для высшихъ распоряженій всегда находятся самые наизаконнѣйшіе обходы, а для смягченія мѣстнаго гнета устанавливаются хорошія людскія отношенія, которыя обязываютъ... Вездѣ, вѣдь, люди.

Губернскія земства учредили когда-то санитарно-благотворительныя попечительства. Чуть ли не во всѣхъ земскихъ губерніяхъ они есть, но, конечно, ничего не дѣлаютъ.

Въ Дѣдовѣ же такое попечительство вѣдаетъ дѣло помощи голодающимъ. Собираетъ частныя пожертвованія. Открываетъ столовыя.

Составъ его пестрый: священники, начальникъ почтоваго отдѣленія, земскій врачъ, учительницы, управляющій имѣніемъ, землевладѣлицы и даже два земскихъ начальника.

Душа попечительства—энергичный земскій врачъ М. Г. Кушниръ.

Взгляды и политическія убѣжденія у всѣхъ ихъ разныя. Но дѣло одно. Оно и объединяетъ всѣхъ.

22.

Постепенное истощаніе и смерть отъ голода.—Что такое голодный тифъ?

— Умерли три женщины...

— Неужели отъ голода?

— Позвали меня для исповѣди,—разсказывалъ кармальскій священникъ о. Никитинъ, — вижу—лежатъ, не могутъ двинуть рукой. „Что съ вами?“—говорю. „Ѣсть нечего, батюшка“. Причастилъ я ихъ, исповѣдалъ, а потомъ... и схоронилъ.

Онъ говорилъ это мистическимъ шопотомъ, съ ужасомъ въ лицѣ.

— Звали доктора?

— Нѣтъ, не обращались.

— Отъ какой же, по-вашему, болѣзни они умерли?

— Не знаю... жаловались они только на одну слабость, а она явилась, знать, отъ голода.

— И никто не помогъ имъ кускомъ хлѣба?

— Нанесли имъ пироговъ, когда было поздно... не ѣли ужъ онѣ, умирали.

Я спросилъ о семьяхъ ихъ.

— Много такихъ у насъ семей, — сказалъ священникъ. — День ѣдятъ, день нѣтъ. Какъ живутъ,—Богъ ихъ знаетъ.

Такъ какъ это не жизнь, а одна нудная, ноющая застарѣлая язва, то грань, отдѣляющая смерть отъ такой жизни, совсѣмъ бываетъ стерта. Ея нѣтъ. При жизни уже начинается смерть, и всѣ человѣческія понятія и самая человѣчность принимаютъ очертаніе какой-то уродливой простоты.

Умираютъ, какъ живутъ. Не слышно, не видно.

Я видѣлъ людей, которыхъ голодъ приводилъ къ веревкѣ. Но это—исключительныя натуры, и самые случаи такіе—исключительные.

Русская крестьянская смерть—тихая. Нашъ мужикъ даже и умирая отъ голода, словно стремится не тревожить любезное начальство, такъ какъ знаетъ, что у этого начальства и безъ того много заботъ о немъ...

— Двѣ старухи у меня въ приходѣ умерли,—разсказывалъ мнѣ другой испуганный батюшка.

— Отъ голода?

— Да,—опасливо сказалъ онъ.

Имъ было за шестьдесятъ. Въ трудовой крестьянской семьѣ они были обузой, такъ какъ даже прясть не могли,—руки тряслись и глаза были плохи. Словомъ, работы отъ нихъ не видѣли, а пищу имъ подавай. Когда былъ урожай, на нихъ въ семьѣ смотрѣли молча, равнодушно. Но подошелъ голодъ, и бѣдныя старухи стали лишними, ибо, не производя, потребляли цѣнности. Имъ открыто заявили:

— Умирайте!

Старухи сами искренно желали своей смерти, ибо были убѣждены, что жить онѣ права не имѣютъ.

— Не работницы мы... Поэтому и жить намъ не стоитъ. Зря только хлѣбъ ѣдимъ.

Но смерть сначала отнеслась къ нимъ юмористически: какъ онѣ ни звали, не приходила.

Когда голодъ усилился, само собой создалось положеніе, что старухъ стали „обносить". Нынче дадутъ кусокъ, завтра „забудутъ". Ребята ѣдятъ, сами хозяева (сынъ и дочь старухъ) тоже жуютъ, а старухамъ нѣтъ. Онѣ ужъ знаютъ причину и не просятъ. Дѣлалось это не потому, что сознательно хотѣли уморить голодомъ,—нѣтъ, просто хлѣба осталось мало. Есть въ сусѣкѣ пудъ, но это послѣдній пудъ. Съѣдятъ его,— надо будетъ вести на базаръ лошадь, продавать ее за 6 рублей. А съ лошадью ужъ закрывался для семьи горизонтъ. Помощи не было ниоткуда.

Разсужденія были страшно—логичны: старухамъ все равно, помирать, а изъ ребятъ работники выйдутъ...

Когда корабль тонетъ, сбрасываютъ грузъ въ море. И если нужно сбросить человѣка, то тѣ, кто остаются жить, не задумаются это сдѣлать...

Старухи, не доѣдая, стали слабѣть. А потомъ легли на постель и объявили, что онѣ умираютъ. Въ семьѣ стали креститься:

— Слава Богу! Лишній ротъ съ плечъ долой!

Крестились и старухи:

— Слава Богу.

Онѣ пожелали причаститься и передъ исповѣдью сказали священнику:

— Голодно, батюшка...

— Давно ѣли?

— Вчера сынъ кусокъ далъ, пожалѣлъ. Ему, кормильцу, невмоготу: хлѣба-то нѣтъ, а семья вонъ какая!

Священникъ принесъ умирающимъ хлѣба. Потомъ зашелъ навѣстить. Старухи ему сказали:

— Хлѣбъ-то твой ребятенки-внуки растаскали. Голодные, вѣдь... Мы не успѣли куска въ ротъ взять...

Онъ снова принесъ имъ хлѣба. Но дѣти опять растаскали. Наконецъ, онъ далъ женщинамъ кусокъ и остался сидѣть около нихъ. Ребята подскочили и стали вырывать у нихъ хлѣбъ. Произошла свалка. Слабыя старухи защищались, не давали, прятали кусокъ подъ одѣяло, спѣшили ѣсть. А голодные ребята рвали...

Въ концѣ-концовъ старухи умерли:

— Отъ „слабости"...

Такова общая типическая смерть, Я всюду слышалъ разсказы о ней. Они варьировались. Тамъ умерли такъ старухи, тутъ—старики, а въ иномъ мѣстѣ — дѣти.

Вода подступала, и за бортъ корабля выбрасывалось все лишнее, слабое, потомъ среди сильныхъ слабѣйшее, а затѣмъ исчезали въ пучинѣ и сильные...

Объ одномъ мужикѣ я слышалъ такой разсказъ:

— Ѣсть было нечего... Истощалъ. Легъ... Умеръ. Сосѣди узнали, что онъ умираетъ съ голода, только тогда, когда исправить было нельзя. Принесли хлѣба, а ему уже было ничего не нужно...

Батюшка разсказывалъ о двухъ умершихъ старухахъ въ присутствіи одного земскаго начальника. Когда онъ кончилъ, невольно явился вопросъ:

— Отъ чего старухи умерли?

Священникъ сказалъ:

— Отъ голода.

— Чепуха,—возразилъ земскій начальникъ. — У насъ нѣтъ смертей отъ голода.

Онъ былъ правъ и не правъ въ одно и то же время. Конечно, у насъ нѣтъ такихъ смертей отъ голода, какъ въ Индіи: тамъ во время голода тощіе, исхудалые люди сидятъ на улицахъ и ждутъ смерти. Недѣлями они не видятъ никакой пищи.

Было бы просто стыдно переживать такую картину.

Такого страшнаго голода у насъ нѣтъ. Но голодныя смерти все-таки есть. Онѣ только принимаютъ иную, малозамѣтную, не бьющую въ глаза форму.

Въ Россіи и голодаютъ просто, и умираютъ отъ голода такъ же просто. „Не эффектно“.

У насъ понемногу истощаются, надрываются. Истощеніе это иногда незамѣтно ни для постороннихъ, ни для семейныхъ, ни даже для самого истощающагося человѣка. Наступаетъ вотъ такой голодный годъ, какъ нынѣ. Разнообразіе пищи прекращается. Нѣтъ ни овощей, ни молока, ни мяса, ни даже чая. Остается одинъ хлѣбъ.

Сколько сотенъ тысячъ крестьянъ питаются въ голодный годъ однимъ хлѣбомъ?

Но и хлѣба мало,—приходится разсчитывать, ѣсть и оглядываться, со страхомъ смотрѣть въ будущее. Организмъ отъ всего этого надламывается. Человѣкъ ходитъ, говоритъ, но онъ уже не тотъ. Болѣе сильные выдерживаютъ, слабые валятся на постель. Въ истощенный организмъ влетаетъ какой-нибудь микробъ, —въ деревнѣ ихъ тучи,—и человѣкъ умираетъ.

— Отъ чего умеръ?—спрашиваютъ.

— Отъ брюшного тифа.

Или:

— Отъ горячки... Отъ лихорадки...

А иногда яснѣе:

— Ослабѣлъ... и умеръ.

Называютъ болѣзни, но не говорятъ о голодѣ. А, между тѣмъ, очевидно, что первоисточникъ смерти—недоѣданіе, другими словами—голодъ.

Но иногда и у насъ бьютъ въ глаза сильные примѣры такой смерти, о которой въ деревнѣ говорятъ прямо:

— Отъ голода.

Я уже отмѣтилъ разсказы двухъ священниковъ. Въ этихъ разсказахъ говорится о голодѣ, какъ причинѣ слабости и послѣдовавшей отъ нея смерти. Тутъ нѣтъ индійскаго „эффекта“, но голодная смерть остается та же. И ничѣмъ, никакими доводами ее не устранишь...

— Но тогда, — возразилъ мнѣ земскій начальникъ, — такія голодныя смерти могутъ быть и въ обычный годъ?

— Къ сожалѣнію, могутъ; при той нищетѣ, которую переживаетъ богатая Россія, могутъ. Но въ голодные годы такіе случаи становятся очень часты, очень замѣтны и очень остры. Въ томъ только разница...

Кстати о голодномъ тифѣ.

По этому старому вопросу царитъ разнообразіе взглядовъ. Я сообщилъ одному администратору, что въ киргизміакскомъ медицинскомъ участкѣ 16 деревень поражены тифомъ.

— Голоднымъ?—спрашиваетъ онъ.

— Да,—отвѣчаю.

Онъ улыбается.

— Не можетъ быть. Видимо, брюшнымъ?

— Есть сыпной, но болѣе брюшного.

— Значитъ, не голодный—голодный только сыпной...

Этотъ взглядъ, утвердившійся среди администраціи. Но правильно ли такое категорическое понятіе? Что говорить, оно только удобно для „начальства“, которое можетъ отписать и оправдаться:

„Во ввѣренномъ мнѣ участкѣ (губерніи) нѣтъ голоднаго тифа“.

Чтобы не создавать впечатлѣнія, оно, конечно, не прибавитъ тутъ же:

„ ... Есть нѣсколько тысячъ заболѣвшихъ брюшнымъ тифомъ“.

Сыпной тифъ бываетъ и не отъ голода. Брюшной можетъ быть отъ голода.

Надломленный недоѣданіемъ организмъ не только не противится тифозной бактеріи, но представляетъ

очень удобную почву для заболѣванія брюшнымъ тифомъ...

Одинъ земскій врачъ, въ участкѣ котораго много тифозныхъ, мнѣ передавалъ:

— Нужно имѣть мужество смотрѣть правдѣ въ глаза. Конечно, есть брюшной тифъ и въ урожайное время, какъ есть и цынга. Брюшной тифъ получается, главнымъ образомъ, отъ скверной воды. Но въ голодный годъ онъ развивается необычайно. И причиной его является, главнымъ образомъ, голодъ.

Это вѣрно, „если смотрѣть правдѣ въ глаза". Но у насъ вмѣсто этого принято прятаться за тонкія загородки разныхъ рубрикъ и категорій.

Эти рубрики ловко приноровлены къ тому, чтобы „не безпокоить начальство" и „не производить шума".

Поэтому у насъ нѣтъ

— Голодныхъ смертей.

Изъ тифовъ голодный только

— Сыпной.

А въ результатѣ нѣтъ и

— Голода.

23.

Хуторяне—хохлы. —„Столыпинскіе помѣщики".

Разспрашиваю о житьѣ-бытьѣ хуторянина-хохла, поселившагося на землѣ Крестьянскаго банка. Онъ жалуется:

— Разоренъ въ конецъ. Не знаю, какъ буду весной сѣяться.

— Зато помѣщикъ! — раздалось сзади меня.

Оглядываюсь. Это шаберъ хохла, такой же несчастный, разоренный человѣкъ. Находитъ еще возможность иронизировать надъ самимъ собой.

— Помѣщикъ, говоришь?

— Столыпинскій...

Здѣсь знаютъ покойнаго министра. Опредѣляютъ его такой фразой:

— „Собственность выдумалъ".

Поминаютъ его имя нерѣдко, хотя не всегда добродушно...

„Столыпинскимъ помѣщикамъ" пережить этотъ годъ, кажется, труднѣе, чѣмъ общинникамъ. У тѣхъ и другихъ ничего не родилось. Нѣтъ у нихъ и запасовъ. Этимъ всѣ преимущества хуторского хозяйства сведены на нѣтъ.

Но —

— „На людяхъ и смерть красна".

— „Въ міру и горе легче".

Община больше приспособлена къ продовольственной помощи, чѣмъ хуторъ.

Помню стараго хохла. Онъ сидѣлъ въ шубѣ въ своей промерзшей, сырой землянкѣ и горько плакался:

— Зачѣмъ поманули насъ? На старинѣ хоть мало было земли, зато мы сыты были. А тутъ что! Сидишь въ своей конурѣ, одинъ въ полѣ, и думаешь: забудутъ, какъ пить дадутъ, забудутъ! Снѣгомъ занесло, почитай, подъ самую крышу,—кто меня найдетъ? Да и кому до меня дѣло? Деревню или село не пройдутъ съ помощью мимо,—деревни всѣ на счету, на картахъ значатся. А наши хуторишки: одинъ тутъ, другой тамъ, разбросаны по степи... Какъ засиженныя мухами пятна. Никто ихъ не знаетъ...

— Ну, какъ же такъ,—пробую успокоить,—и вамъ учетъ ведется. Налоги съ васъ спрашиваютъ, не пропускаютъ же?

— То налоги. А съ помощью проѣдутъ и не замѣтятъ. Сколько страховъ у насъ тутъ. Что подѣлаешь,— дѣти... Торчимъ постоянно въ волости, все о себѣ напоминаемъ: не забудьте, молъ! А они спрашиваютъ: „Да

ты кто такой будешь?“ Объясняешь имъ, что Сидоръ, молъ, Поликарповъ съ Елизаветинскихъ хуторовъ. „Много васъ тамъ, развѣ упомнишь?“—„Дорога прямая,—говоришь имъ. — Какъ повернешь налѣво отъ кармальскаго пути, пройдешь (не проѣдешь потому конной дороги у насъ нѣтъ,—бураномъ заноситъ) сыртомъ съ версту, тутъ, около овражка, и стоитъ мой хуторъ“. Разъясняю имъ, а самъ думаю: забудутъ, обойдутъ, хуторъ — не деревня...

На хуторахъ нельзя устроить столовой. Какъ будутъ ходить голодающіе въ буранное или морозное время за 4—5 верстъ?

Трудно тамъ организовать и общественныя работы. Если вдали отъ хутора, то работы не будутъ достигать цѣли. А вблизи, пожалуй, не найдешь такой работы, которая была бы цѣлесообразна для группы хуторовъ. Работать же для одного хуторянина было бы смѣшно.

Только ссуду можно раздавать хуторянамъ. Но она, какъ извѣстно, „развращаетъ населеніе“...

— Кормовыя привезутъ,—слышу я голосъ старика,—въ деревнѣ всѣ узнаютъ. А намъ кто сюда въ сугробъ доложитъ?

Составители закона 9-го ноября не думали о голодѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, приспосабливать къ нему форму крестьянскаго землеустройства! Голодъ, принято думать, — ненормальность, исключительное явленіе. А, между тѣмъ, онъ сталъ уже обычнымъ дѣломъ.

Около огромнаго имѣнія милліонерши А. И. Кузнецовой разбросано много хуторовъ.

Ближайшіе, Васильевскіе, населены бѣлоруссами. Такой нужды, какъ у нихъ, пожалуй, не встрѣтишь въ башкирской деревнѣ. Васильевцы—новоселы, только-что лѣтомъ пришли сюда. Дождливой осенью поставили свои землянки, поэтому въ домахъ ихъ сырость, слякоть, какъ на улицѣ.

Сидятъ въ шубахъ, кашляютъ. Съ потолка, сдѣланнаго изъ хвороста съ землей, льетъ вода. Полъ земляной, сырой.

— Скотинешку, кака была, проѣли, — разсказываютъ. — Не знаемъ, какъ доживемъ до весны. Да и доживемъ ли?

— Чѣмъ же сейчасъ питаетесь?

— Кормимся, по милости Александра Осипыча. Если бы не онъ...

Это г. Вальтеръ, управляющій имѣніемъ А. И. Кузнецовой. Онъ даетъ голодающимъ по 5 — 10 и болѣе фунтовъ муки. Его маленькія дѣти, Наташа и Володя, устроили столовую для 12-ти дѣтей хуторянъ. Сама А. И. Кузнецова отличается широкой благотворительностью. Въ голодные годы она приходитъ на помощь окружающимъ деревнямъ въ очень большихъ размѣрахъ.

Отъ Васильевскихъ недалеко до Кондебаевскихъ хуторовъ. Это уже другой типъ хутора. Васильевцы живутъ вмѣстѣ особой слободой. Кондебаевцы разсѣяны на большомъ пространствѣ. Каждый хуторянинъ построился въ центрѣ своей земли.

У нихъ также землянки изъ воздушнаго кирпича, съ глиняными полами. Есть сырыя.

— Сколько у васъ десятинъ?—спрашиваю.

— По тридцати. Да что нынѣ десятины? Что тысяча, что одна,—все равно!

Это вѣрно. Неурожай у всѣхъ былъ одинаковъ. И съ тысячи десятинъ, и съ одной ничего не собрали.

— Какъ же живете?

— Кое-какъ. Больше на картошкѣ сидимъ. Продовольствія ждемъ. У Крестьянскаго банка ссуду просимъ.

— Не закладывали еще землю?

— Какъ заложишь? Крестьянскому банку не все выплатили, на 55 лѣтъ разсрочили... А если заложишь — пиши пропало: никогда не поднимешься, процентовъ не заплатишь...

— Лучше ли жить хуторами?—спрашиваю.

— По нашимъ мѣстамъ мы вотъ чего желали бы. Соединить всѣ наши земли вмѣстѣ и построиться деревней... Эхъ, хорошо было бы! Земля у насъ жирная, богатая... Міромъ мы бы гору своротили...

— А землю черезполосно?

— Конечно...

Вотъ идеалъ „столыпинскаго помѣщика".

Въ Оренбургскомъ уѣздѣ мнѣ по пути попались семь Холодковскихъ хуторовъ. Здѣсь хохлы также „сидятъ больше на картошкѣ" и жалуются:

— Продовольственной ссуды намъ не выдаютъ.

— Почему?

— Уѣздный съѣздъ отказалъ. Говоритъ: „Вы въ спискахъ не значитесь". Мы, оказывается, еще къ волости не приписаны...

— Какъ такъ?

— Поселились мы нынѣ лѣтомъ, купчую совершили въ іюнѣ. Думали, что сама волость насъ къ себѣ припишетъ. Анъ нѣтъ, — мы сами должны хлопотать.

Я вспомнилъ стараго хохла:

— Забудутъ насъ, обойдутъ, не найдутъ въ сугробахъ.

Вѣрно.

Холодковскіе живутъ слободами. У нихъ до 60-ти дворовъ. И то „забыли".

— Теперь съ нами никто изъ начальства и разговаривать не хочетъ. Какъ-будто мы не здѣшніе и не крестьяне. Говорятъ: припишитесь,—тогда другой разговоръ...

— А общественныя работы у васъ были?

— Тоже не были. И по той же причинѣ,—безъ волости мы...

— Помереть можно безъ волости,—добавляетъ другой хохолъ.

— Что будемъ теперь дѣлать,—не знаемъ. Лошадей уже продали... Да нынѣ на лошадь пяти пудовъ хлѣба не купишь.

Цѣна лошади здѣсь 5—7 рублей, а пшеничной муки (ржаной здѣсь не сѣютъ)—2 рубля за пудъ.

Въ д. Новониколаевкѣ мнѣ встрѣтился любопытный типъ хуторянина.

— Всѣ мытарства прошелъ,—говорилъ онъ.

Я засталъ уже послѣдній фазисъ его мытарствъ.

— Сейчасъ свою лошадь зарѣзалъ и ободралъ. Шкуру продамъ.

— Зарѣзалъ?—удивился я.

— Да... Все равно околѣла бы. Катуномъ (трава) кормилъ, не выдержала.

— Хоть бы башкирамъ продалъ?

— Не берутъ. Больно тоща, говорятъ. Давали 3 рубля, не отдалъ. Шкура стоитъ 4 рубля.

Хороша лошадь, если башкиры на мясо не покупаютъ.

— Она меня кормила. Побираться на ней ѣздилъ. Теперь не знаю, что дѣлать. Семь человѣкъ дѣтей...

Мужикъ молодой, съ виду здоровый.

— Какой у тебя надѣлъ?

— Земли у меня нѣтъ совсѣмъ. И избы нѣтъ. На квартирѣ съ семьей живу. Плачу 25 копѣекъ въ мѣсяцъ.

Совсѣмъ недавно онъ былъ „помѣщикомъ". Исторія его такова:

— Орловскіе мы, изъ Малоархангельскаго уѣзда. Была у насъ „душа",—2½ десятины. Показалось тѣсно, свободы захотѣлось. А тутъ слухъ прошелъ, что если не выйдемъ на отруба, землю отъ насъ возьмутъ,

а самихъ на Амуръ угонять. Изъ волости слухъ пущали. Отрубился я, а потомъ продалъ землю по 250 рублей за десятину и ушелъ вотъ сюда, въ Оренбургскій уѣздъ, въ д. Кармадиновку, купилъ здѣсь 30 десятинъ у Чиняева. Какъ-разъ были все голодные годы. Вижу я—дѣло плохо, кормиться нечѣмъ, хоть и земли много. Продалъ 30 десятинъ за 400 рублей и ушелъ съ семьей въ Верхне-Уральскъ. На покупку земли у меня уже не хватило. Занялся арендой. Снялъ 15 десятинъ у войскового правленія и засѣялъ. Но три года подъ-рядъ ничего не родилось. Одинъ лишь годъ взялъ 10 пудовъ съ десятины. Что дѣлать? Отощалъ уже я, обнищалъ. Нѣтъ силъ больше держать землю. Бросилъ я все и вернулся сюда, въ Новониколаевку. По дороги сына тринадцатилѣтняго отдалъ въ работники. Все-таки хоть одинъ ротъ съ плечъ долой. Гдѣ онъ теперь, — не знаю. Оставилъ его у Красной Мечети.

— А тутъ что дѣлаешь?

— Ничего. Работы нѣтъ никакой. Пришелъ и побираться сталъ. Да вотъ лошадь послѣднюю пришлось зарѣзать. Теперь хоть умирать...

Вспомнилась мнѣ дѣтская сказочка. Мужикъ промѣнялъ лошадь на корову, корову—на козу, козу—на зайца... А зайца, кажется, на иголку, которую и потерялъ.

Жизненная сказочка.

— А что я васъ спрошу,—обратился бывшій „помѣщикъ" ко мнѣ. — Дадутъ ли мнѣ продовольственную ссуду?

Вспоминаю холодковскихъ хохловъ.

— Къ волости приписанъ?

— Здѣсь нѣтъ. Можетъ, въ Камардиновкѣ не выписали?...

— Если не приписанъ, то ничего не получишь.

— Тогда какъ же? — растерянно бормоталъ мужикъ.—Умирать?

Если его и не выписали въ Камардиновкѣ, то ссуды, пожалуй, онъ все-таки не получитъ. Отдать ее не изъ чего,—земли нѣтъ.

— И еще хочу я васъ безпокоить,—сказалъ онъ.— Душу себѣ буду просить у начальства,—дадутъ ли?

— Дадутъ,—говорю, чтобы успокоить несчастнаго.

Отчего бы гдѣ-нибудь его и не приткнуть къ общинѣ? Мужикъ—работникъ.

— Да, вѣдь, опять „отрубишься" и уѣдешь,—говорю ему шутливо.

— Нѣтъ, уже довольно,—помыкался по бѣлу свѣту. Гдѣ ужъ намъ, нищимъ, помѣщиками быть!..

24.

Оренбургская губернія.—„Во время поспѣли".—Общественныя работы.—Съ „кормовыми" опоздали.—Продажа „душъ".—Ошибка.—Вычеты изъ кормовыхъ.—„Голодныя" лошади.

Оренбургскій уѣздъ.

Тутъ такъ же, какъ и вездѣ, полное разореніе, обезлошадѣніе и плачъ:

— Что будемъ дѣлать? Какъ проживемъ?

Здѣшняя администрація очень довольна собой:

— Мы во-время поспѣли съ помощью.

Почти вездѣ были общественныя работы. Неработоспособнымъ выдавали „фунтовыя" (1 ф. хлѣба въ день).

Это, можетъ-быть, предупредило голодную смерть и эпидеміи. Здѣсь нѣтъ той страшной картины, которую я видѣлъ въ Уфимской губерніи.

Но нужда и тутъ такъ велика, что ни общественными работами въ ихъ непривлекательномъ видѣ, ни „фунтовыми" ее не исчерпываешь...

Разоренія не предупредили и въ Оренбургской губерніи.

Прежде всего, пришли съ помощью далеко не вовремя.

Голодъ начался съ іюля — августа. Въ сентябрѣ исполняющій обязанности губернатора Сумароковъ преналвно отрицалъ голодъ и палецъ о палецъ не ударилъ, чтобы организовать какую-нибудь помощь. Надо было пріѣхать изъ Петербурга чиновнику министерства, чтобы убѣдить его превосходительство, что во ввѣренной ему губерніи дѣла обстоятъ очень скверно...

Затѣмъ прибылъ вновь назначенный губернаторъ Сухомлиновъ и, какъ Колумбъ, „открылъ" голодъ. Только въ концѣ октября, а во многихъ мѣстахъ уже въ ноябрѣ, были организованы общественныя работы.

Съ ними безусловно опоздали.

— Покопали мы недѣльки двѣ и кончили, — холода наступили, — слышалъ я нерѣдко, проѣзжая по уѣзду.

Въ продолженіи августа, сентября, а во многихъ мѣстахъ и въ октябрѣ крестьяне, не видя никакой помощи, распродавали скотину. Она дошла до цѣны шкуры. Кормовъ не было, и лошади бродили тѣнями. Даже башкиры ихъ не всегда покупали на мясо.

Общественныя работы были организованы, конечно, въ „русскомъ стилѣ".

Въ Шарлыкѣ, въ чайной, ко мнѣ присталъ земскій ямщикъ. Разсказывалъ о какомъ-то „Личардѣ Иванычѣ".

— Личарда Иванычъ восемь рублей мнѣ не заплатилъ. Я докладаю, а онъ грозитъ: въ чижовку хочешь? Такъ и уѣхалъ... Ну, химикъ!..

— Да кто же такой Личарда Иванычъ?

— Извѣстно кто, — техникъ, трудовую помощь давалъ...

Объ этомъ „химикѣ" передаютъ:

— „Фокину лощину" въ степи завалилъ. Хлѣбъ мы тамъ сѣяли, а онъ приказалъ: „Заваливай!" И завалили.

— Была у насъ ряда: четыре съ половиной рубля за кубъ. При расплатѣ Личарда Иванычъ объявляетъ: „Четыре!"—„Четыре съ половиной",—кричатъ мужики. „По четыре разсчитываю".—„Не беремъ". Галдежъ. Шумъ. Старики кричатъ урядннку: „Протоколъ составь за мошенство". А техникъ грозитъ земскимъ. Кончилось тѣмъ, что отдалъ четыре съ половиной, но сказалъ: „Припомню я вамъ этотъ полтинникъ, когда весной пріѣду!"

— А въ Крюковѣ такъ и вычли рубль съ куба...

Много земли испортили работами. На лугахъ, гдѣ прежде росла трава, землю брали и теперь тамъ трясина. На пашнѣ камень добывали. Разрыли пашню.

Въ с. Колычевѣ техникъ рѣшилъ завалить мѣсто, гдѣ сходились два оврага. Мужики было запротестовали.

— Не дадимъ. Чего зря портить? Много другой работы найдется...

— Тогда я изъ другихъ селъ мужиковъ пригоню,— погрозилъ техникъ.

Смирились колычевцы. Начали портить свою землю...

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работы были цѣлесообразны, полезны. Въ другихъ онѣ породили одни „анекдоты".

— Одинъ ямкамъ копалъ, другой зарывалъ, — характеризовалъ башкиринъ трудовую помощь. — А кто мала-мала подаркамъ давалъ, то и работать не надо: приходи и получай деньги.

Въ Уфимскомъ уѣздѣ мужики навозъ возили на свои поля. За это получали плату.

По крайней мѣрѣ, откровенно...

Въ Оренбургскомъ все производилось „по плану".

Въ с. Шарлыкѣ сыпали мерзлую глину на дорогу.

Это называлось: „дѣлать насыпь“. Весной всю эту работу, конечно, унесетъ вода.

Я спрашивалъ:

— Гдѣ же насыпь?

— Да вотъ она,—указывали.—Вы идете по ней.

Обычное кочковатое мѣсто въ уровень со всей улицей... Чудеса въ рѣшетѣ!

О работѣ въ с. Покровкѣ говорятъ:

— Прежде тутъ еще было можно ѣздить, теперь нельзя...

Наработали!

Полезныя и неотложныя работы есть въ каждомъ селѣ. Но работали въ большинствѣ то, что не нужно или менѣе нужно.

Въ с. Тачкахъ говорили мнѣ:

— Помираемъ безъ воды.

На первой очереди стояли родники, плотина, мосты. Вмѣсто этого тамъ скапывали горы.

— Измаялись мы на работахъ,—говорили вездѣ.—Сколько колесъ и телѣгъ поломали. Одежонку порвали. То грязь, то морозъ. Лошадь тощая, кормовъ нѣтъ,—воза вывести не можетъ. Бьешься, бьешься... Случалось, издыхали кони... Камень сидитъ глубоко, три сажня земли до него. Изволь покопать! Прямо каторга...

— Истязаніе народа...

Въ с. Шарлыкахъ пускались уже на хитрость. Дѣлали дыры въ телѣгахъ. Теряли землю по дорогѣ. Такъ и лошади было легче, и работа шла „спорѣе“.

Въ концѣ сентября отъ работъ стали кое-гдѣ отказываться. Въ с. Тачкахъ составили приговоръ объ отказѣ. Дѣло въ томъ, что уменьшили у нихъ число работающихъ. Работали черезъ день. Стало просто невыгодно.

— Лошадь только мучаешь... Три рубля въ недѣлю заработаешь, а кормовъ надо на трешницу.

Работающую лошадь нельзя, вѣдь, кормить соломой.

Въ с. Молочаѣ десятникъ подъ конецъ назначилъ:

— Завтра только 15 лошадныхъ рабочихъ. Больше нѣтъ работъ.

Уполномоченные отъ общества отобрали 15 человѣкъ, но не изъ самыхъ бѣдныхъ. Село поднялось на дыбы:

— Всѣ или никто! А будете работать,—головы поспибаемъ.

Прекратили работы.

Уполномоченные—язва общественныхъ работъ.

Аксіома:

— Если мужикъ выдвинется надъ толпой, онъ неизмѣнно становится эксплоататоромъ.

Уполномоченные выбираются изъ бѣдныхъ. Но, будучи выбраны, „ведутъ компанію“ съ десятниками и вообще съ „начальствомъ“, такъ какъ сами уже въ своемъ родѣ „начальство“. И какъ „начальство“, считаютъ нужнымъ обирать мужиковъ:

— Они привозятъ намъ деньги отъ старшины. За это берутъ съ насъ полкопѣйки съ рубля,—жаловались въ с. Камардиновкѣ.—Законовъ такихъ нѣтъ, чтобы брать у нищаго суму... Пусть расходы въ табель вписываютъ.

Егоръ Медвѣдевъ прямо говорилъ:

— Семь кубовъ у меня украли. Не заплатили за нихъ. Я поднялъ булгу. Ну, обѣщали внести въ слѣдующую табель. А у другихъ, которые посмирнѣе, такъ и пропали кубы. Уполномоченные себѣ вписали...

Заработокъ очень умѣренный. Поденно 50 коп. Я спрашиваю, сколько мужики заработали за все время. Отвѣчали:

— 7, 10, 15, 25 рублей...

Только-только, чтобы не умереть съ голоду.

— Жили впроголодь.

Деньги за работы платили нерегулярно и неаккуратно.

— Двѣ недѣли работали,—говорили мнѣ въ Шарлыкѣ,—а три ждали расчета

Въ Добринской волости долго не расплачивались Я былъ тамъ, когда общественныя работы уже прекратились, а расплаты все не было.

— Три недѣли не выдаютъ денегъ,—жаловались мнѣ въ д. Камардиновкѣ.

— Я за это время корову продалъ. Если еще недѣлю, послѣднюю лошадь отведу на базаръ...

— Народъ говоритъ, что совсѣмъ не заплатятъ...

Какъ водится, больше работали лошадные. А бѣднота нерѣдко только ходила мимо работъ...

Съ „фунтовыми" тоже выходило не вездѣ ладно. Нуждающихся въ нихъ, положимъ, 200, а выдавали только 50. Голодная толпа осаждала священниковъ, завѣдывавшихъ „фунтовыми".

— Давай!

— Вы въ спискѣ не значитесь, но могу, — отвѣчалъ тотъ.

Нѣкоторые, впрочемъ, „могли". Одинъ батюшка „фунтовыми" награждалъ за „благочестіе и добронравіе".

— Кто къ Богу прилеженъ, тотъ и получитъ... Не толпитесь, дѣти мои!

Въ бѣдной деревнѣ Петровкѣ выдавали не каждый день.

— Одинъ день дадутъ, два не даютъ.

Въ Исангильдиновѣ совсѣмъ забыли дать.—Такъ говорили мнѣ башкиры.

Словомъ, оренбургская помощь импонировала только внѣшностью. Работы! Пайки! Это выдѣлялось особенно на мрачномъ фонѣ Уфимской губерніи. Но въ существѣ эти работы и пайки были тѣми помочами,

на которыхъ подвѣшиваютъ падающую отъ безкормицы издыхающую лошадь... Не болѣе.

Я проѣзжалъ Оренбургскимъ уѣздомъ въ самую мрачную пору его жизни. Общественныя работы были прекращены. „Фунтовыя" выдачи тоже. Вездѣ ждали:

— Кормовыхъ.

Но ихъ еще не привезли.

На бумагѣ эта замѣна одного вида помощи другимъ происходитъ очень умно, просто и во-время.

— Вмѣсто работъ и „фунтовыхъ" получайте ссуду! Что же вы не радуетесь?

Въ дѣйствительности, эта замѣна,тяжелая для истощеннаго организма и жестокая операція...

Съ кормовыми опоздали...

Прекратить работы и „фунтовыя" было очень легко. Однимъ предписаніемъ. 1-го декабря ихъ уже не было. Но 1-го декабря нигдѣ еще не было кормовыхъ.

Кормовыя гдѣ-то „шли" или „лежали на станціи". Уже 1-го декабря начались крики:

— Ѣсть нечего. Голодаемъ. Помогите!

— Кормовыя идутъ. Что вы?

— Когда придутъ, а намъ сейчасъ надо ѣсть.

— Успокойтесь! Не позже 10-го.

— Но въ десять дней можно умереть съ голоду?

Съ с. Шарлыка до ст. „Покровской" меня преслѣдовали жалобы:

— Не всѣмъ нуждающимся даютъ. Расчислили по старымъ октябрьскимъ спискамъ. А съ тѣхъ поръ скотъ попродали. Богатые сравнялись съ бѣдными. За что же такая несправедливость?

По дополнительнымъ спискамъ они могли получить ссуду только въ январѣ. Чѣмъ же питаться декабрь? Распродавать остальную скотину и надѣлы—значитъ разоряться совершенно.

Невыносимо тяжелъ продовольственный механизмъ. Когда-то, когда-то повернется его колесо и... непре-

мѣнно задавить кого-нибудь, хотя и „безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія“.

Въ с. Колычевкѣ еще не получали кормовыхъ. Поѣхали за ними въ Оренбургъ.

— Если бы не картошка, была бы бѣда,—говорятъ здѣсь мужики, ожидая изъ Оренбурга „манны“.

Ѣдятъ они картошку и, гдѣ есть, хлѣбъ.

— Какъ-нибудь провертимся до кормовыхъ,—говорятъ.

„Вертѣлись“ не всѣ. Другимъ не на что было „вертѣться“...

Тутъ уже въ ходу „души“. Продано пока шесть (душа—15 дес.). Земля пошла по 21 рублю за десятину.

— Нынѣшній годъ продаютъ не болѣе прошлогодняго, — безапелляціонно заявляютъ оренбургскіе „руководители“ жизни.

Но они, по близорукости, смотрятъ только въ книги нотаріусовъ. Нужно бы поѣхать по деревнямъ и разспросить. Имъ бы разсказали, что сдѣлки совершаются наспѣхъ, „поскорѣе, чтобы не умереть съ голоду и не заболѣть“. До нотаріуса ли тутъ? Простой распиской закрѣпляютъ куплю-продажу. Покупаютъ даже неукрѣпленыя „души“. „Послѣ, молъ, укрѣпимъ!“ За земскимъ начальникомъ въ этомъ случаѣ дѣло не станетъ. Это не „кормовыя“ выдавать.

— Въ Софьевкѣ 30 душъ проданы,—говорили мнѣ колычевцы.

— По какой цѣнѣ?

— 210—240 рублей.

Это ли не безпомощность? Весной стояли тутъ такія цѣны: 600—700 руб. за душу.

Въ Колычевкѣ два горя. Одно—кормовыхъ все нѣтъ. Другое—земскій начальникъ, провѣряя списки на весеннее обсѣмененіе, изволилъ обрадовать:

— Сѣмянъ дадутъ немного: кому на полдесятины, кому на десятину, не болѣе.

— А остальныя десять десятинъ чѣмъ мы засѣемъ?

Теперь въ Колычевкѣ ищутъ, кому бы сдать землю въ аренду. Но охотниковъ нѣтъ.

Въ Тачкахъ я узналъ такую новость: земскій только-что прислалъ изъ Оренбурга телеграмму:

„Выхлопоталъ ссуду“.

Мужики „хвалили“ земскаго: „Ну, и молодецъ!“ Они не знали, что ссуду „выхлопоталъ“ совѣтъ министровъ.

Въ этомъ селѣ и кругомъ его сильная нужда. Мѣшаютъ картошку съ мукой и пекутъ изъ смѣси хлѣбъ.

Въ с. Тачкахъ земскій врачъ г. Сегеревичъ говорилъ, что въ башкирской деревнѣ Ибряевѣ ѣдятъ хлѣбъ изъ лебеды.

— Частной помощи никакой?

— Совершенно. Нельзя высунуть носа...

Свящ. о. Кедровъ прислалъ этому врачу 400 руб. и обѣщалъ присылать регулярно. Просилъ организовать столовыя.

— Опасаюсь,—говоритъ врачъ.

—Но вы же мѣстный человѣкъ?

— Все равно.

Нельзя забывать, что онъ—правительственный чиновникъ. А это обязываетъ... Онъ ждетъ, не откроется ли въ Оренбургѣ какого-нибудь законнаго „обхода“ нелѣпаго запрещенія. А пока деньги лежатъ безъ употребленія, хотя кругомъ стоитъ стонъ...

Недалеко лежитъ с. Мокренькое. Тамъ батюшка съ матушкой плакались мнѣ:

Безъ частной помощи мужики не проживутъ. Кормовыхъ мало. Хоть бы по фунту чернаго хлѣба раздавать ребятамъ...

Разговорились съ однимъ крестьяниномъ.

— Кормовыя—одно названіе!—говорилъ онъ. —

Высчитай, сколько получимъ! Нужно привезти изъ Оренбурга,—отдай за дорогу. Клади за помолъ фунтъ, на мельницу свезти—фунтъ,—своихъ лошадей у бѣдноты нѣтъ. Дальше розсыпь—2 фунта, отрубей — 7. И получимъ мы не пудъ, а 28—30 фунт. Но, главное,—когда получимъ? Я уже три дня одной картошкой питаюсь...

Въ с. Молочаѣ у мужиковъ другая печаль.

— Въ волости говорили, что изъ ссуды у насъ вычтутъ долгъ общественному магазину. Брали въ сентябрѣ.

Эту „новость" подтвердили мнѣ и въ с. Соплевкѣ.

— У меня, къ примѣру, 11 человѣкъ семьи, — говорилъ большой рыжебородый мужикъ. — Скотины нѣтъ никакой. Корки сейчасъ въ домѣ не найдешь. Я получаю 10 пудовъ ссуды. Если 7 у меня вычтутъ, останется три. Какъ же я прокормлю семью? Смѣются, что ль?

Въ с. Соплевкѣ попалъ на сходъ. Бѣднота просила у „міра" раздѣлить между нею оставшіеся въ общественномъ магазинѣ 42 пуда.

— Фунта, православные, нѣтъ въ домѣ, — съ отчаяніемъ говорилъ одинъ старикъ, — а семья, сами знаете, 11 душъ. Сегодня, Христосъ свидѣтель, не ѣлъ...

Міръ согласился раз ѣлить.

— Но, вѣдь, нужно согласіе земскаго начальника?—говорю.—Пройдетъ нѣсколько дней...

— Что же дѣлать, какъ-нибудь поголодаемъ...

— Кормовыя...

— Да, жди ихъ,—раздраженно перебиваютъ. — До нихъ съ голода подохнешь...

— А мнѣ вотъ и кормовыхъ нѣтъ,—выступилъ крестьянинъ Крупновъ.

— Значитъ, богатый?

— Ни хлѣба у меня нѣтъ, ни скота. А въ спискѣ поставлено: „имѣетъ 50 пуд. ржи".

— Ошибка,—заговорили мужики.

Конечно, ошибка, но когда ее исправятъ, пройдетъ 2—3 недѣли. Въ теперешнее страшное время ошибка можетъ стоить человѣческой жизни или здоровья...

— А намъ какъ быть?—говоритъ одинъ крестьянинъ. — У меня съ бѣдными разница въ одной овцѣ. Овцой больше. Имъ работа и кормовыя, а мнѣ нѣтъ ничего. Все изъ-за одной овцы. Ровно два ареста. Въ Манчжуріи кровь проливалъ—одинъ арестъ, теперь другой... За что же? Развѣ я отечеству не слуга?

Въ Исангильдиновѣ не у кого за деньги купить муки.

— Хожу по улицѣ,—говорилъ одинъ башкиринъ,—прошу продать пять фунтовъ до базара. Нѣтъ ни у кого. Съ деньгами помрешь съ голоду.

А кормовыхъ все нѣтъ. Поѣхали, говорятъ. Было уже 7-е декабря.

У нѣмцевъ въ колоніяхъ тоже дѣла печальныя. Осенью продавали скотъ. Бѣдные ѣдятъ одинъ хлѣбъ и пьютъ цикорій, вмѣсто кофе. Нѣтъ ни молока, ни овощей.

Они—русскіе подданные. Но въ планахъ продовольственной помощи ихъ не приняли во вниманіе. Они, впрочемъ, не обижаются.

— Сами не просили?

— Нѣтъ.

Екатеринославскіе нѣмцы-колонисты дали имъ взаймы 70 тыс. изъ 6% съ разсрочкой на 5 лѣтъ.

— Теперь мы и кормимся и будемъ сѣяться — все въ долгъ.

За нѣмецкими колоніями идетъ башкирская, Кипчакская волость. Плохо тамъ живетъ народъ.

— Двухъ фунтовъ хлѣба не найдешь,—клялись башкиры.

— За кормовыми поѣхали?—спрашиваю.
— Привезли. Въ магазинѣ лежатъ.
— Отчего же не раздаютъ?
— Не знаемъ. Земскій, знать не приказалъ.
— У насъ ашать нечего, корма нѣтъ, скотъ падаетъ, а въ общественномъ магазинѣ лежитъ нашихъ 1,000 пуд.,—жаловались башкиры.—Почему земскій не дозволяетъ брать?
Ободранный башкиринъ говорилъ, какъ плакалъ:
— Законовъ нѣтъ вычитать изъ кормовыхъ!
Земскій объявилъ, что отъ ст. „Покровской“ до волости возчики получатъ за провозъ „кормовыхъ“ по 15 коп. съ пуда съ тѣхъ лицъ, которымъ будетъ роздана ссуда. Лошадные получатъ съ безлошадныхъ... Башкиринъ негодовалъ:
— Законовъ нѣтъ!
Оказывается, это общее правило. Мы встрѣчали на пути длинные обозы съ кормовыми. На дровни положено по 12 пуд. („Больше лошади не везутъ“). Возчики говорили:
— Намъ два сорокъ отдай! Вытчемъ изъ кормовыхъ...
Они везли 100 верстъ—по 20 коп. за пудъ. Тотъ голодающій, которому слѣдовало получить 7 пудовъ, уже до получки лишался одного пуда...
Встрѣтили башкирина. Онъ ѣхалъ верхомъ. 12 пудовъ кормовыхъ везъ хохолъ съ хутора. Оказывается, лошадь стала... А хохолъ за провозъ на разстояніи 7 верстъ „содралъ“ съ него 1 пудъ кормовыхъ. Башкиринъ согласился — некуда было податься... Отдалъ пудъ.
— Но ты права не имѣешь,—говорю,—раздавать кормовыя? Они до дѣлежки пока казенныя!..
Жалко улыбается.
— Боялся лошадь сдохнетъ... Не успѣю ризать...
А до дома еще далеко. Раздастъ онъ по пути хохламъ всѣ 12 пудовъ.

Около ст. „Покровской“ такая картина. Башкиринъ на самой дорогѣ обдираетъ лошадь. Чуть не плачетъ. Кормовыя лежатъ на дровняхъ.
— Сдохла... Не успѣлъ ризать... Послѣдняя... Что буду дѣлать?
— Это Сулейманка, — говоритъ мой ямщикъ.— У него десять человѣкъ семьи, и ничего нѣтъ...
— Какъ же онъ довезетъ кормовыя?
— Продастъ ихъ кому-нибудь и придетъ пѣшкомъ.

25.

Тифозная семья. — Кандидатъ въ члены Государственной думы — нищій. — „Бабій разумъ“.

Однажды ночь застала меня въ степи. Днемъ ѣхать по огромнымъ снѣжнымъ пустырямъ непріятно, а ночью, когда на дорогу садится сѣрая мгла, особенно скверно. Не видишь ничего — ни впереди, ни сзади. Скучно и даже жутко бываетъ тогда.
— До села не доѣдемъ, Шерифъ,—говорю ямщику,—нѣтъ ли гдѣ поблизости деревни?
— Амановка въ трехъ верстахъ,—отвѣчаетъ онъ.
— Вези.
— Бѣдно тамъ,—роняетъ татаринъ.
Знаю. Хлѣба еще достанешь, но только хлѣба. О молокѣ и яйцахъ нельзя теперь мечтать. Все равно, думаю, только бы въ теплѣ ночевать.
Амановка—длинная и жуткая деревня. Было не болѣе шести часовъ вечера, а въ домахъ далеко не вездѣ свѣтились огни. Большинство крестьянъ, значитъ, сидѣло впотьмахъ, керосину купить было не на что.
Шерифъ заѣхалъ къ своему знакомому крестьянину Пахомову.

— Въ кандидатахъ ходилъ, — рекомендовалъ онъ мнѣ Пахомова.

Вхожу въ избу. На постеляхъ лежатъ человѣческія фигуры. Спрашиваю:

— Что рано спать легли?

— Больныя это,— говоритъ старуха,— Вторую недѣлю...

— Чѣмъ?

— Голова, животъ...

Мы расположились пить чай. Пришелъ хозяинъ. Спрашиваю у него о болѣзни его дочерей.

— Да... Докторъ говоритъ: тифъ...

Я было встревожился. Говорю:

— Нѣтъ ли гдѣ избы безъ больныхъ?

— Не найдете... Въ каждой, почитай, есть. Да бояться нечего...

Тутъ и пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ тифозными. Куда ихъ отдѣлишь, когда изба одна? „На грѣхъ" произошло домашнее событіе: свинья только что опоросилась, принесла одиннадцать поросятъ. Въ хлѣвѣ мать задавила бы новорожденныхъ,—взяли въ избу и ихъ и ее. Въ маленькой комнаткѣ ночевали мы, тифозные и свиньи...

Но въ деревнѣ, да еще въ голодающей не до удобствъ. Приходится отдыхать больше въ саняхъ, чѣмъ въ избахъ.

Хозяинъ нашъ мужикъ лѣтъ 50, съ осанкой и разговоромъ человѣка, знающаго себѣ цѣну. Недавно онъ былъ богатъ. Всего года два, какъ владѣлъ мельницей и лучшимъ домомъ въ Амановкѣ. Теперь чуть не нищій. Сгорѣли до тла въ одну темную ночь его мельница и изба. Еле самъ съ семьей изъ огня выскочилъ. А тутъ подошелъ голодный годъ. Съ 50 арендованныхъ десятинъ зерна не собралъ. Послѣднія деньги ухлопалъ на аренду. Но все-таки заплатилъ не все. 26 рублей не доплатилъ землевладѣльцу Х—ому.

Просилъ его:

— Отсрочьте! Знаете, какой нынѣ годъ.

— А мнѣ кто отсрочитъ?—отвѣтилъ тотъ.—Я засѣвалъ 1800 десятинъ, ничего не собралъ,—400,000 р. потерялъ.

Такъ и не отсрочилъ.

— Получилъ повѣстку, — говорилъ мужикъ.—На судъ баринъ зоветъ.

— Какъ же сдѣлаете?

— Не знаю...

Полное разореніе.

— Хлѣбъ-то сейчасъ есть?—спрашиваю.

— Есть малость. Корову продалъ, купилъ. Да жулики - торговцы желудевую муку въ ржаную прибавляютъ. Смотрите, какой хлѣбъ!

У Пахомова остались только лошадь и свинья. Лошадь едва ли выживетъ—худа, какъ скелетъ, питается исключительно, катуномъ (колючей травой). Если продышетъ зиму, то весной ее „вша заѣстъ". Это обычная исторія въ голодные годы. Пахомовъ уже спрашивалъ сосѣднихъ башкиръ, сколько дадутъ. Тѣ осмотрѣли скелетъ и огорчили хозяина:—„Три цѣлковыхъ".

— Шкура стоитъ четыре,—возразилъ онъ.—Да шкура-то плохая....

— Прогнѣвали Господа, — говорилъ Пахомовъ за чаемъ...

Онъ, впрочемъ, мало останавливался на печальномъ настоящемъ. Больше возвращался къ прошлому. Прошлое его было хорошее, онъ любилъ и могъ долго говорить о немъ.

— Выборщикомъ въ первую Думу былъ,—не безъ оттѣнка гордости сообщилъ онъ мнѣ.

— Вы?

Страннымъ казалось, что выборщикъ нищій. Я забылъ, что онъ былъ богатъ.

— Однимъ голосомъ въ первую Думу не прошелъ...

Былъ бы членъ Государственной Думы... Сколько они получаютъ?

— Больше трехсотъ...

— Въ мѣсяцъ?

— Да.

— Ой-ой-ой...

А онъ получаетъ „фунтовыя“ и ждетъ не дождется кормовыхъ по пуду на ѣдока въ мѣсяцъ.

— Нужда,—говоритъ,—подъ горло подступила...

— Я и въ третью Думу тремя голосами только не прошелъ. Не судилъ Богъ попасть туда...

Мы заговорили объ общественныхъ работахъ.

— Участвовали вы?—спрашиваю.

— И тутъ со мной несчастье. Въ спискахъ поставили. Но какъ разъ въ городѣ на это время судъ назначили, а я съ 1890 года состою присяжнымъ. Меня и потребовали. Амановцы наши всѣ пошли на работу, а я къ богачу на дорогу деньги занимать. Жена, дѣти плачутъ: „Что будемъ ѣсть“,—говорятъ. А я молчу, не знаю, что сказать имъ въ утѣшеніе. Какъ въ острогъ пошелъ. Конечно, пѣшкомъ...

— Пѣшкомъ? Тутъ 150 верстъ?

— Нанять лошадей не на что. Пять дней шелъ, чернымъ хлѣбомъ питался. Пришелъ. Остановился на постояломъ дворѣ. Другимъ присяжнымъ чай въ судѣ разносятъ, бутерброды даютъ, а я боюсь взглянуть, отказываюсь. Въ перерывъ иду на Толкучку, тамъ лапши на три копѣйки спрошу и ѣмъ. Судъ былъ долгій, затяжной,—недѣли три. Какъ ни скупо жилъ, а израсходовалъ рублей 12. Прихожу потомъ въ волость, говорю старшинѣ: оплати! Бросилъ онъ мнѣ десятку. Больше не даетъ. Своихъ не дополучилъ и общественныя работы прозѣвалъ,—такой грѣхъ! Вотъ тутъ и служи государству!

— А я такъ думаю,—сказалъ онъ, немного помолчавъ,—можно бы присяжнымъ казенную подводу давать. А?

— Нужно,—говорю.

— И я такъ мекаю.

Говоритъ спокойно, безъ тѣни раздраженія и негодованія.

Мы уже ложились спать, какъ Пахомовъ сообщилъ, что онъ былъ за границей. Я удивился.

— Въ Турціи былъ. Оттуда проѣхалъ въ Іерусалимъ. Хотѣлось все видѣть. Въ Москвѣ и Петербургѣ побывалъ.

Онъ долго съ особенной любовью разсказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ. Потомъ мы замолчали, былъ уже часъ ночи. Я засыпалъ, какъ услышалъ его ровный, спокойный голосъ:

— А что я васъ спрошу? Что такое террористы?

Я объяснилъ.

— Судили мы одного молодчика,—говорилъ онъ,—деньги онъ выманивалъ. Писалъ письма: клади столько то въ такое то мѣсто...

— Это, должно быть, простой мошенникъ,—говорю.

— Ишь ты! И я думалъ что простое мошенство. А прокуроръ все твердилъ намъ: террористъ, террористъ. Только запуталъ насъ.

Свѣтъ лампы падалъ на его лицо. Я видѣлъ, что мужикъ крѣпко думалъ о чемъ то. Ему о многомъ, видимо, хотѣлось разспросить, многое разузнать, на многое пожаловаться... Кто въ нашу глушь заѣзжаетъ?—говорилъ онъ давеча за чаемъ. „Людей не видимъ... Вотъ уѣдете вы и опять, какъ въ колодезь меня опустятъ“. О голодѣ, о больныхъ дѣтяхъ, о томъ, что баринъ продастъ за долгъ его послѣднюю лошадь и скоро ему нечего будетъ съ семьей ѣсть—онъ не думалъ. Можетъ быть отмахивался отъ горькихъ думъ... Мечтательная натура его выдѣлялась на сѣромъ, болѣзненномъ фонѣ

деревни, на которомъ мрачными красками нарисована одна забота, одна дума—какъ бы не умереть съ голода.

Утромъ кое-какъ нашелъ себѣ одну лошадь. Долго искалъ. Лошадей хорошихъ, т.-е. сытыхъ не было. Были какія то тѣни. Пахомовъ грустный ходилъ около меня:

— Я бы васъ самъ отвезъ,—говоритъ,—да—видите!

Показываетъ на свою лошадь. Она понуро жуетъ катунъ.

Выѣхали. Проѣхали версты двѣ и остановились. Пошли пѣшкомъ около лошади. Ямщикъ былъ смущенъ и жаловался на „времена“.

— Съ катуна далеко не уѣдешь. Съ эстого бабьяго разума то ногъ не потащишь! Вы ужъ извините! Маемся, а не живемъ.

— Какого „бабьяго разума“?

— Да катунъ то!

Его называютъ „бабьимъ разумомъ“.

— Почему такъ?

— Оторветъ его вѣтромъ и катитъ по степи, не остановишь...

Въ деревнѣ такое несамостоятельное и „легкомысленное“ положеніе напоминаетъ мужикамъ женщину. Отсюда—„бабій разумъ“.

Въ изобиліи катунъ выростаетъ только въ голодные годы. Такъ, по крайней мѣрѣ, замѣтили крестьяне. Роль его въ мужицкомъ хояйствѣ „провокаторская“. Скотъ жуетъ его, хотя онъ бываетъ сухой и колючій, но переварить не всегда можетъ. Здѣсь потому повсемѣстный падежъ лошадей.

— Рогатый скотъ ничего, терпитъ, но лошади, особенно тощія, не выдерживаютъ... околѣваютъ. Колючки впиваются имъ въ желудокъ.

Въ одномъ селѣ я видѣлъ лошадь, которую кормили этимъ ядомъ. Ротъ у ней ободранъ, въ крови, на языкѣ волдыри.

Мнѣ хотѣлось знать, что думаетъ Амановка о Пахомовѣ. Я спросилъ о немъ ямщика.

— Мужикъ правильный,—отвѣтилъ ямщикъ,—книгу пишетъ.

— Какую книгу?—изумился я.

— Не знаю, какую... А только каждый день пишетъ...

Вспоминаю, что Пахомовъ утромъ хотѣлъ мнѣ что то сказать. Видъ у него былъ такой. Но такъ и не сказалъ. Не о книгѣ ли своей?

Что это за книга, такъ я и не узналъ. Можетъ быть стихи? Это подходило бы къ нему...

26.

По Уральской области.—Разоренное поселеніе.—Нѣтъ силъ пахать.

Въ поселкѣ Ивановскомъ, видимо, былъ большой пожаръ. Издали видно: торчатъ стѣны домовъ безъ крышъ и безъ оконъ.

Подъѣзжаемъ ближе. Тутъ словно „Мамай воевалъ“. Все разбито, повалено, растаскано. Однѣ развалины. Онѣ тянутся сплошь цѣлыми улицами, навѣвая тоску.

Мертвый поселокъ.

Но вотъ вдали вьется изъ землянки дымокъ. Слава Богу, остались еще люди. У воротъ стоитъ неподвижный, лѣнивый хохолъ.

— Когда сгорѣли?—кричу ему съ дороги.

— Богъ миловалъ.

— А это что же?—указываю на пустой, разрушенный „порядокъ“.

— Поутикали,—объяснилъ хохолъ.

Дома не сгорѣли, а разорены.

Въ Ивановскомъ три года назадъ осѣли хохлы Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Построили 110 зем-

лянокъ. Но мать-земля оказалась „мачехой“, и 61 семья черезъ два года „утекла“. Однѣ—въ Сибирь, другія—„въ Рассею“, на старое, разоренное пепелище.

Остались 49 семей. Но и онѣ почувствовали, что жить здѣсь нельзя. Переписались въ другіе переселенческіе участки. Изъ Ивановскаго еще не ушли. Когда уйдутъ, Ивановское обратится въ груду развалинъ.

На этомъ кладбищѣ, среди мертвецовъ будутъ жить лишь 13 семей. Онѣ пока держатся за поселокъ, не уходятъ и не переписываются.

Эти семьи должны быть сейчасъ очень богаты. Я подсчиталъ количество земли, на которомъ онѣ свободно могутъ сѣять.

Оказалось,—8,100 десятинъ.

Паны, а не крестьяне.

Переселенческое управленіе открыло недавно въ поселкѣ столовую. Спрашиваю завѣдующую, фельдшерицу Е. С. Клеманскую:

— Кого же вы кормите?

— Почти всѣхъ. Совершенно нищій поселокъ...

Нищіе—владѣльцы тысячъ десятинъ! Явленіе—чисто-русское... Въ землѣ лежатъ милліоны, а ѣсть нечего.

Трудно представить болѣе жалкое и печальное явленіе, чѣмъ уральскіе переселенцы. Они—жертвы нашей несуразной переселенческой политики... Мученики за чужіе грѣхи...

— У васъ нынѣ неурожай?—спрашиваю ивановцевъ.

— Полный. Ни зерна не взяли.

— А въ 1910 году?

— Тоже былъ неурожай.

— Въ 1909?

— Тоже.

— Въ 1908?

— Родилось, но все сусликъ поѣлъ. Мы только-что тогда пришли и сѣяли мало.

— Но урожай здѣсь все-таки можетъ быть?

— Нѣтъ,—увѣряли ивановцы,—земля у насъ неродючая...

— Зачѣмъ же ее выбрали?

— Ходоки наши зимой были, не доглядѣли. Поманули насъ. Насказали небылицъ. Въ переселенческой книжкѣ мы читали: если 30 фунтовъ проса посѣять,—400 пудовъ соберешь. А мы зерна не видали. Прямо обманъ.

— Кто же обманулъ?

— Казна...

— Разорили насъ въ чистую,—говорятъ хохлы,—а теперь и помощи не оказываютъ...

Дѣйствительно, разореніе ясное. „Ни кола, ни двора“. Хлѣба нѣтъ. Безъ помощи ивановцы давно бы уже умерли съ голоду.

Но интересно, что у нихъ было, когда они явились сюда? У нѣкоторыхъ, говорятъ, было много. Они принесли сотни рублей. У большинства же отъ ликвидаціи хозяйства остались крохи.

Уральскіе переселенцы въ массѣ—тѣ „голодранцы“, которые у себя „въ Рассеѣ“ экономически были уже за бортомъ крестьянской жизни.

— У меня было 12 саженъ земли,—разсказывалъ одинъ.

— У меня полдесятины...

— А у меня совсѣмъ ничего не оставалось.

Но все-таки тамъ они были на своей, родной почвѣ. Кое-что имѣли. Кое-какъ жили, съ голоду не могли умереть.

Здѣсь, въ Киргизской степи, имъ сразу дали по 15-ти десятинъ на душу. Богатство, о которомъ они никогда не мечтали. Имѣть 45—60 десятинъ,—это ли не жизнь?

Паны!

Надо только „робить“. Но тутъ и произошла „заминка“.

— Силовъ нѣтъ пахать,—говорятъ хохлы.

Чтобы спахать десятину „цѣлины“, надо имѣть 6—8 быковъ. Но въ Ивановскомъ, напримѣръ, 10 семей совершенно безъ всякаго скота. Эти „паны“, имѣющіе по 60—75 десятинъ, живутъ исключительно подачками, и въ „крестьянскомъ“ смыслѣ люди безнадежные.

Остальные имѣютъ кто лошадь, кто пару быковъ. Никто, слѣдовательно, не можетъ распахать „цѣлину“ одинъ.

— Пашете же вы что-нибудь?

— Какъ же, пашемъ... старую, киргизскую распашку. Тамъ земля мягкая, намъ легко.

Иные и этого не дѣлаютъ. Просто идутъ бороной по киргизской мякоти и сѣютъ. И по наивности думаютъ, что земля имъ будетъ родить съ 30-ти фунтовъ 400 пудовъ.

„Цѣлина“ остается почти непаханной.

— Не подъ силу... Обманули насъ...

За четыре года въ Ивановскомъ распахали что-то около 50-ти десятинъ „цѣлины“. Только всего. Это весь вкладъ въ культуру.

Культуртрегеры!

— Какъ же вы пахали?

— Собирались 3—4 хозяина, складывали быковъ и пахали.

Киргизы и казаки берутъ только 5—6 рублей за распашку десятины.

— Но у насъ денегъ нѣтъ,—возражали хохлы,—обманули насъ, разорили...

Земледѣліе ихъ „россійское“, хищническое. Даже не трехпольное. Дѣленіе на три поля здѣсь еще въ большинствѣ поселковъ не введено. Просто, кто гдѣ приткнется, тамъ и сѣетъ. Дѣлятъ „клины“ на доли.

Сѣютъ до изнеможенія земли. Ивановцы откровенно разсказываютъ:

— Сѣяли мы три года подъ-рядъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

До нихъ тамъ киргизъ сѣялъ. Тоже, небось, лѣтъ 5. Взяли изъ земли всѣ соки и негодуютъ:

— Земля у насъ неродючая. Все неудобіе... Обманули насъ.

— Гдѣ же вы теперь посѣяли?

— Пробуемъ новый клинъ. Но которые немогущіе, тѣ посѣялись опять на старомъ мѣстѣ...

Такихъ „немогущихъ“ болѣе половины. У нихъ и на слѣдующій годъ будетъ голодъ.

Впрочемъ, тутъ у всѣхъ будетъ голодъ. Не можетъ не быть голода.

— Сколько вы засѣяли?—спрашиваю.

— Своихъ сѣмянъ у насъ не было. Дала намъ казна по 5 пудовъ ржи на обсѣмененье. Этимъ мы и засѣялись.

— Сколько же десятинъ?

— Одну...

— Всѣ посѣяли?

— Нѣтъ. Многіе размололи и съѣли. Ѣсть-то, вѣдь, было нечего.

— Какъ же они будутъ жить въ будущемъ году?

— Надѣются на весеннюю сѣменную ссуду.

— Но, вѣдь, весной тоже будетъ ѣсть нечего?

— Что-жъ? Съѣдимъ и весеннюю ссуду. Казна поможетъ: она насъ вызволила,—обязана, значитъ, и помогать.

Говорятъ съ оттѣнкомъ явнаго озлобленія.

Большую хозяйственную несостоятельность трудно представить.

Всѣ 49 семей ивановцевъ засѣютъ приблизительно 80 десятинъ изъ 8,100. Ясное дѣло, что у нихъ будетъ недостатокъ хлѣба, если бы даже онъ и родился.

Но переселенцы увѣрены, что хлѣбъ не родится. Съ этой увѣренностью они пашутъ и сѣютъ. Конечно, такъ и пашутъ и сѣютъ...

— Если не будетъ засухи,—говорятъ они,—то обязательно придетъ сусликъ съ пустыхъ киргизскихъ степей и уничтожитъ посѣвъ.

Въ первый годъ они держались гордо. Надѣялись:

— Нынѣ плохо, въ будущемъ году будетъ хорошо.

Но когда и 1910 годъ оказался неурожайнымъ, переселенцы стали падать духомъ:

— Мы пріѣхали пановать, а придется съ сумой итти!.. Обманъ!..

1911 годъ окончательно оборвалъ всѣ нити, связывающія ихъ съ землей.

Они теперь не вѣрятъ ни въ землю, ни въ себя. Нѣтъ имъ охоты трудиться. Даже говорить о „неродючей" землѣ имъ противно.

27.

Неустройство жизни переселенцевъ. Сырость и угаръ въ избахъ. Просятъ борща. Всѣмъ недовольны. Переселенецъ—казенная вещь.

Сквозь сонъ слышу шепотъ. Около печки шушукаются бабы.

— Что вы?—окликаю я ихъ.

— Къ вашей милости... Мы вдовы съ сиротами...

— Еще не разсвѣло... Успѣете!

— Мы до мужиковъ хотѣли все объяснить...

Слушаю бабьи слезы и чувствую, что не могу поднять головы. Угорѣлъ.

Мука останавливаться въ хатахъ переселенцевъ. Не найдешь сухой.

— Неужели,—спрашивалъ я,—до сихъ поръ вы не научились строить избы и класть печи?

Хочется съ досады ругать этихъ неприспособленныхъ къ жизни, доведенныхъ до отупѣнія людей.

— Хоть бы у киргизъ поучились...

Молчатъ. Потомъ кто-нибудь кинетъ обычное:

— Не крѣпко сидимъ здѣсь. Такъ и строимся.

Потолокъ въ хатѣ всегда сырой. Оттуда каплетъ. Со стѣнъ бѣгутъ ручьи. Днемъ холодъ. Всѣ сидятъ на печкѣ въ шубахъ. Тамъ и обѣдаютъ.

Ночью, когда потопятъ печку, угаръ. Синеватый дымокъ разстилается по избѣ.

Хаты-землянки изъ воздушнаго кирпича. Но у киргизъ такія же землянки, только сухія, а у хохловъ неизмѣнно сырыя.

— За то у киргизъ грязно, а у насъ все выбѣлено,—хвалятся хохлы.

Я набрелъ на одинъ фельдшерскій пунктъ. Тутъ три года сидитъ несчастная фельдшерица и терпитъ нестерпимую муку.

— Главное, угаръ,—жалуется она,—никакъ не могу привыкнуть...

Къ холоду уже „привыкла". Но сидитъ всегда въ шубѣ.

Угаръ и безнадежность сдѣлали изъ переселенцевъ хмурыхъ, сумрачныхъ людей. Стоятъ они сейчасъ въ избѣ около стола, и мнѣ кажется, что угарная жизнь оставила имъ только одинъ вопросъ:

— Дастъ или нѣтъ?

Все остальное, живое, человѣческое вытравила.

Я слышалъ, какъ они разспрашивали моего ямщика:

— Зачѣмъ начальникъ пріѣхалъ? Давать?

— Что вамъ надо?—спрашиваю у нихъ.

— До вашей милости. Всей громадой желаемъ, чтобы борщъ былъ всѣмъ...

— Какой борщъ?..

Въ 10 изъ 65 уральскихъ поселковъ, и въ частности, въ Ивановскомъ устроены столовыя. Почему только въ 10, когда такая же нужда среди переселенцевъ вездѣ— Аллахъ знаетъ. Въ этихъ столовыхъ варятъ борщъ или кандеръ (кулешъ) и раздаютъ на дома дѣтямъ и старикамъ. Но приваркомъ, конечно, пользуется вся семья.

— Только по ложкѣ достается,—жаловался здоровенный и сумрачный хохолъ.—Этакъ съ голода не долго помереть.

— Даютъ не тебѣ, а твоимъ дѣтямъ,—говорю.

— А я съ голода буду подыхать? На нихъ смотрѣть?

Весной прошлаго года кругомъ обозначились цынга и тифъ. Заболѣвшимъ выдали на домъ чай, сахаръ, кислоты, консервированную зелень, бѣлый хлѣбъ. Тотчасъ же шинки наполнились свертками чая и сахара.

— Мы къ этому не привычны, — говорили хохлы о чаѣ.

Кислоты, хлѣбъ и зелень ѣли больше здоровые, чѣмъ больные. И такъ оправдывались:

— А мы будемъ съ голода подыхать?

— И еще мы желаемъ,—говорятъ ивановцы,—чтобы хлѣбъ отпускали всѣмъ. Да не по фунту, а по два. Развѣ фунтомъ въ день человѣкъ сытъ бываетъ?

Въ тѣ семьи, которыя получили ссуду мукой, переселенческіе чиновники распорядились не выдавать хлѣба. Предполагалось, что хлѣбъ въ такихъ семьяхъ есть. Но продовольственную муку расходуютъ въ первыхъ числахъ мѣсяца. Отдаютъ ею старые долги. Усиленно ѣдятъ. А потомъ зубы на полку. Семья хлебаетъ одинъ приварокъ безъ хлѣба.

— И то по ложкѣ...

Ссудой они также недовольны.

— Мало выдали. Не каждому. У кого есть скотина, тѣ не получили...

Всего въ декабрѣ поселокъ получилъ только 92 пуда.

— Отъ нихъ и помину не осталось.

Питаются исключительно около столовой, т.-е. за счетъ своихъ дѣтей, у которыхъ отнимаютъ послѣднее.

Дѣло, оказывается, не въ скотинѣ, а въ общественныхъ работахъ. Уѣздному съѣзду заблагоразсудилось исчислить максимумъ заработка въ 1 р. 30 к. Кто вырабатывалъ эту норму тотъ продовольственной ссуды лишался.

— Но я работалъ и тутъ же проживалъ деньги,— возражаетъ переселенецъ.

— Ты долженъ былъ копить,—учитъ его начальство.

— Насъ объ этомъ не предупреждали,—пробуетъ оправдаться переселенецъ.

— Предупреждали, но ты не слушалъ.

Главное, что все это не серьезно. И этотъ максимумъ, и угрозы. Съ переселенцемъ такъ няньчатся, что можно быть спокойнымъ: у него будетъ и хлѣбъ, и приварокъ. Объ этомъ заботится и областное управленіе, и переселенческое. Оба наперерывъ. Это не Самарская и Уфимская губерніи, гдѣ нужны были героическія усилія, чтобы обратить вниманіе на голодающихъ.

Это, наконецъ, не киргизы, до которыхъ ни областному, ни тѣмъ болѣе переселенческому управленію нѣтъ дѣла. Умерли они или еще живутъ—это никого не безпокоитъ.

Переселенецъ сталъ казеннымъ человѣкомъ, какъ солдатъ или арестантъ. А казенныя вещи прежде всего вытаскиваютъ изъ огня.

Конечно, хорошо, что заботятся о прокормленіи переселенца. Онъ, дѣйствительно, голодающій. Бьетъ въ глаза лишь неравенство отношеній. Переселенцу все, а башкирину Уфимской губерніи, или несчастному киргизу—ничего.

— Какъ хотите, такъ и вывертывайтесь изъ бѣды!

Ивановцы строили плотину, но не у себя, а гдѣ-то за 15 верстъ. Тамъ жили и ночевали въ кибиткахъ. Они разсказываютъ:

— Холодно, сыро... да и не выгодно. Многіе такъ и не пошли.

— Разсуди самъ,—говорилъ старый хохолъ съ чубомъ,—у меня 10 душъ семьи. Заработалъ я на плотинѣ 8 рублей. Ихъ вычли изъ ссуды, и я получилъ на 10 душъ всего 3½ пуда муки. Какъ я могу прокормиться мѣсяцъ?

— А борщъ?

— То другое дѣло.

— А съ киргизъ взяли за выпасъ?

— То опять совсѣмъ другое дѣло...

Но ивановцы, дѣйствительно, нуждающіеся люди. Въ хатахъ у нихъ одни слезы. Для скота имѣется колючка (катунъ) и кое-гдѣ сѣно (корма тутъ все-таки уродились), а для людей часто не хватаетъ куска хлѣба.

Я наблюдалъ, какъ проводятъ они время. Утромъ встаютъ и начинаютъ по очереди выбѣгать на улицу, смотрятъ:

— Не поднятъ ли флагъ надъ столовой?

Это условный знакъ, что борщъ поспѣлъ.

Какъ только взвивался національный флагъ, ребята съ чашками мчались въ столовую. Приносили борщъ, разводили водой, чтобы увеличить количество, подогрѣвали, и семья садилась обѣдать. Это самый свѣтлый моментъ дня. Въ остальное время хохлы сходились у воротъ и говорили:

— На какія земли лучше переселяться: на кабинетскія или крестьянскаго банка?

Чая они не пьютъ. Во всемъ поселкѣ не найдешь 3 самоваровъ. Вечеромъ пекутъ картошку. Ложатся

рано, чтобы „провести время". Спятъ часовъ 9—10. Затѣмъ снова смотрятъ:

— Поднятъ флагъ или нѣтъ?

„Хорошее житье". Отъ него уже сбѣжали 60 семей въ Ивановкѣ. Здѣсь нѣтъ поселка, откуда бы не „утикали" переселенцы. Оставшіеся говорятъ:

— Ничего бы мы больше не попросили. Пусть отдадутъ то, что мы истратили при переселеніи!.. Возьмемъ и уйдемъ. Ну ихъ съ борщомъ!

Отъ хорошей жизни не убѣжишь.

Скота мало. Онъ убываетъ.

Скотъ имѣетъ здѣсь особое значеніе. У „россійскаго крестьянина" онъ еще не самое послѣднее. Послѣднее—земля, которую можно продать. Переселенецъ не имѣетъ права ни продавать земли, ни отдавать ее въ аренду.

Онъ „панъ" только на посѣвъ.

Тутъ, значитъ, скотъ все.

Если его нѣтъ, или мало, то нѣтъ, въ сущности, и крестьянина. Остается вѣчный нахлѣбникъ переселенческаго управленія... Пенсіонеръ.

Таковы почти всѣ ивановцы и сотни переселенцевъ другихъ поселковъ.

28.

Мечта вернуться въ „Россію". — Переселенческая политика—игра въ жмурки.

Одна мысль у уральскаго переселенца:

— Уйти отсюда.

Многіе уже ушли. Вѣрнѣе,—въ паникѣ бѣжали. Унесли остатки того, что принесли изъ „Рассеи". Но нѣкоторые изъ нихъ вернулись обратно.

— Тутъ плохо, а на родинѣ еще хуже... Здѣсь хоть кормятъ...

Оторванные отъ почвы, разоренные переселенцы стали чужими людьми для своего родного угла. Купить земли не на что, а работы не найдешь,—своихъ коренныхъ людей тамъ много.

Нѣкоторые ушли въ Сибирь.

Но большинству уйти нельзя. Безъ денегъ съ мѣста не сдвинешься. Голодные годы унесли скотину и всѣ старые, „рассейскіе“ запасы. А землянкамъ цѣна грошъ.

Они все-таки мечтаютъ уйти.

— Куда же?—спрашиваю я.

О, они прекрасно знаютъ, куда!

— Въ Россіи много удѣльныхъ и кабинетскихъ земель,—говорятъ они,—почему бы ихъ не раздать намъ? Мы отечеству служимъ... Они же насъ стронули съ мѣста!..

Въ Ивановскомъ хорошо освѣдомлены о хуторской политикѣ правительства.

— Пусть Крестьянскій банкъ нарѣжетъ намъ въ „Рассеѣ“ хуторовъ!

— Но, вѣдь, хутора надо купить?—говорю.—Даромъ ихъ не даютъ.

— Банкъ разсрочитъ, подождетъ. Изъ перваго урожая заплатимъ...

— А если не будетъ урожая?

— Взять съ насъ нечего.

— Продадутъ ваши хутора, опять вамъ придется переселяться...

Но они все-таки мечтаютъ. Мечтой и живутъ.

— Не издыхать же здѣсь!.. Не суслики мы, а люди.

Скептики изъ нихъ махаютъ безнадежно рукой.

— Никудышные мы, выбитые изъ колеи,—опредѣлилъ старый хохолъ.

А одна старуха такъ охарактеризовала свой поселокъ:

— Не живемъ, а отживаемъ...

Переселенцы перестали уже смотрѣть на землю.

Нечего отъ нея ждать. Смотрятъ въ руки переселенческихъ чиновниковъ:

— Не дадутъ ли чего?

Выработалось даже убѣжденіе:

— Должны дать.

Если долго не даютъ, то переселенцы говорятъ съ озлобленіемъ:

— Завезли и бросили!

— Киргизамъ же не даютъ,—говорю я ивановцамъ.

— Киргизы не русскіе. Имъ зачѣмъ давать? Они къ тому же здѣшніе, коренные. А мы разореные. Намъ податься некуда...

Переселенцы, буквально:

— На полномъ казенномъ иждивеніи.

Правда, какъ арестантовъ, досыта ихъ не кормятъ...

— Кормятъ, какъ киргизъ лошадь,—говорятъ съ неудовольствіемъ сами переселенцы,—голодомъ не уморятъ, но и досыта у нихъ не наѣшься...

Не знаю, зачѣмъ переселенческіе чиновники зовутся „чиновниками по водворенію“. Они теперь больше чиновники по кормленію неудачно водворенныхъ.

Провіантмейстеры.

Помощь начинается съ самыхъ первыхъ дней жизни переселенца. Сейчасъ же по водвореніи ему даютъ 100 р. на домъ и 65 р. на инвентарь.

Не забудьте—онъ свободенъ отъ всѣхъ земельныхъ налоговъ.

Продовольственную помощь здѣсь начали оказывать еще съ прошлаго года, когда о голодѣ не было даже слышно. Былъ вездѣ урожай. А тутъ ужъ былъ голодъ.

Осенью давали сѣменныя.

Зимой кормили. Три мѣсяца выдавали по пуду зерномъ на каждаго.

Ранней весной бросили-было выдавать. Переселенцы, понятно, стали голодать. Открылись болѣзни. Въ одномъ Уральскомъ уѣздѣ было 2,000 больныхъ.

Цынга. Тифъ.

Стали раздавать больнымъ „пайки".

Въ іюнѣ уже опять кормили всѣхъ. Дали по пуду.

Осенью 1911 года выдавали сѣменныя.

Въ сентябрѣ были общественныя работы.

Октябрь и ноябрь—опять выдавали по пуду въ мѣсяцъ каждому.

Въ декабрѣ снова выдача.

Передъ Рождествомъ поѣхали просить выдать сейчасъ январскую ссуду.

— Праздникъ не съ чѣмъ встрѣтить.

— А въ январѣ что будете дѣлать?

— Тамъ видно будетъ.

Весной опять обсѣмененіе.

Сейчасъ кое-гдѣ (въ 10-ти пунктахъ изъ 65-ти) столовыя.

И все-таки:

— „Мало".

Дѣйствительно, мало. Голодъ здѣсь злой. А главное—онъ безконеченъ. Кормить надо годы, можетъ-быть, вѣка...

Переселенцы открыли мнѣ свои дальнѣйшіе замыслы:

— Хотимъ просить воловъ и лошадей!

— Денегъ также на обзаведеніе!

Самое лучшее переселенческому управленію платить переселенцамъ опредѣленное мѣсячное жалованье...

— Они насъ разорили. Теперь должны помогать.

Кто виновникъ этой страшной комедіи?

Меньше всего переселенецъ... Онъ движется стихійной силой нужды. Что съ него спросить?

Тотъ, кто переселяетъ, долженъ знать, кого и куда онъ переселяетъ.

Нельзя же играть въ жмурки. Тутъ въ самомъ дѣлѣ, живутъ люди, тысячи людей, а не суслики...

29.

Среди киргизовъ. Кредиты разные, а городъ одинъ. Вытѣсненіе киргизовъ переселенцами. Враждебныя отношенія киргизовъ и переселенцевъ.

Тургайскій и уральскій губернаторы рано начали говорить:

— Мы предотвратили голодъ... Мы во-время пришли на помощь. Теперь въ нашихъ областяхъ нѣтъ голодающихъ...

Но пусть общество не думаетъ, что рѣчь идетъ о „ввѣренныхъ имъ областяхъ". Нѣтъ—только о переселенцахъ.

Киргизовъ же помощь не коснулась.

— Почему такъ?—спрашиваю одного чиновника.— Вѣдь, губернаторы здѣсь не спеціально переселенческіе?

— Конечно... По кредиты разные.

Важная штука эта разность кредитовъ. Изъ-за нея можно умереть съ голода. Въ одномъ поселкѣ мнѣ разсказывали:

— Приходятъ къ намъ въ столовую киргизы изъ сосѣднихъ ауловъ. Тощіе, худые, голодные, оборванные. Просятъ: „Корми, умираемъ!" Я спрашиваю переселенческаго чиновника: „Можно?" А онъ: „Ни подъ какимъ видомъ! Столовая содержится на переселенческіе кредиты. Какъ же можно кормить киргизовъ?"

Существуютъ ли кредиты киргизскіе,—сказать трудно. Извѣстно только, что существуетъ голодъ киргизскій. Знаю я и то, что до 1-го января голодающимъ киргизамъ Уральской области не было выдано ни одной копейки денегъ и ни одного фунта муки. Такъ мнѣ го-

ворили сами киргизы, когда я посѣщалъ ихъ аулы. Не было, конечно, у нихъ и общественныхъ работъ. Продовольственный хлѣбъ везли мимо ихъ ауловъ къ переселенцамъ. Киргизы только щелкали зубами...

Въ Актюбинскѣ въ концѣ декабря мнѣ передавали:

— Кажется, и киргизамъ дадутъ!

Будто бы составляютъ продовольственные списки.

Списки эти будутъ провѣряться. Затѣмъ будутъ „возбуждены ходатайства". И, наконецъ (къ 1-му февраля—марта—апрѣля?), будетъ выдано... изъ собраннаго съ киргизовъ же спеціальнаго капитала.

Въ Уральской степи мнѣ говорили киргизы:

— Просили, просили... Не даютъ.

— Кого же вы просили?

— Своихъ аульнаго и волостного управителей.

Выше киргизы не идутъ. Русской кокарды они боятся, какъ огня...

Въ аулѣ № 2-й мнѣ пришлось ночевать у стараго киргиза. Онъ взялъ у меня записную книжку и расписался въ ней по-киргизски: „Асанъ Карасартъ". А потомъ долго смѣялся, какъ ребенокъ.

Славный дикарь. Онъ, конечно, принялъ меня за „начальство", просилъ, но просилъ благородно,—не за себя, а за бѣдныхъ.

— Не оставьте нашу бѣдноту. Похлопочите!

Я прошелся по избамъ аула. Голая, неприкрытая бѣдность. Такая же, какъ у переселенцевъ.

Мнѣ еще въ поселкахъ передавали:

— Киргизы обычно по-міру не ходятъ. Но нынѣ ихъ туча проситъ Христа-ради. Видно,—голодъ.

Киргизы живутъ отдѣльною, своею жизнью. Никто изъ русскихъ не знаетъ, что творится въ ихъ аулахъ.

---

*) Въ концѣ-концовъ киргизамъ также стали выдавать въ уральской и тургайской областяхъ продовольственныя ссуды. А. П.

И не хочетъ знать. Только догадывается по тѣмъ или другимъ признакамъ.

Одинъ мануфактурный приказчикъ разсказывалъ мнѣ:

— Поѣхалъ я весной года два тому назадъ съ товаромъ въ степь. Подъѣзжаю къ аулу. Заглядываю въ кибитку,—мертвые лежатъ. Въ другую,—безъ памяти валяются, умираютъ... Въ третьей—то же. Много, знать, ихъ погибло....

Говоритъ равнодушно, какъ о сусликахъ.

Киргизы въ степи голодаютъ и умираютъ совершенно безъ помощи. И никто не старается притти къ нимъ на помощь:

— Зачѣмъ? Киргизъ—не переселенецъ.

Асанъ разсказалъ мнѣ о нынѣшнемъ годѣ:

— Пропадаемъ... Послѣдній скотъ рѣжемъ...

Киргизъ сѣетъ только просо. Оно нынѣ не родилось. Ѣстъ онъ просо съ чаемъ. Обходится безъ хлѣба, но безъ махана жить не можетъ. Нѣтъ махана,—значитъ, голодъ. А махана становится все меньше и меньше. Степь сокращается, скотоводство падаетъ.

Киргизъ съ 10-ю головами скота—нищій. Съ 5-ю онъ—„самый тощій человѣкъ". По ауламъ я самъ видѣлъ семьи съ одной лошадью и одной козой.

— Какъ же будете жить,—спрашиваю,—когда скотину порѣжете?

— И теперь уже у богатыхъ занимаемъ.

Богатые даютъ, но „три цѣны кладутъ". Корова стоитъ 30 руб., они отдаютъ ее въ долгъ за 60 руб. Выбираютъ долгъ просомъ, отработкой, лугами...

— По горло сидимъ въ долгу у богачей.

Нищихъ, конечно, масса.

Помощь здѣсь такъ же неотложна, какъ и у переселенцевъ. Даже болѣе.

Появленіе „россійскаго" крестьянина въ Киргизской степи обязано—праву захвата.

Отнимаютъ степь у киргизовъ и отдаютъ „культуртрегеру“-переселенцу.

Вопросъ этотъ старый. Но сейчасъ, во время голода, мимо него, какъ мимо совѣсти, не проѣдешь, не задѣвши.

Формально захвата нѣтъ. У насъ все „по-закону“.

Приходятъ топографы и нарѣзаютъ самые лучшіе куски Киргизской земли. Отмежевываютъ ихъ и говорятъ:

— Это для переселенца.

Но на этой землѣ вѣка живутъ киргизы. Ихъ стада здѣсь кормятся со временъ Чингизхана.

— Прогнать!

Конечно, „соблюдая законъ“.

Къ землянкамъ подходитъ „согласительная комиссія“ и „предлагаетъ“:

— Уходите отсюда! А за землянки мы вамъ заплатимъ.

— Все равно возьмутъ,—думаетъ киргизъ.—Сколько заплатите?

— Сколько стоитъ?

— 100 рублей.

На самомъ дѣлѣ, землянка стоитъ 80 рублей.

Не торгуясь, даютъ киргизу сто. Онъ гонитъ свое стадо въ глубь степи и думаетъ:

— Здорово я ихъ надулъ!

А иногда и этого миража не было. Асанъ мнѣ разсказывалъ:

— Намъ за землянки не заплатили. Просто прогнали.

Должно-быть, заплатили, но аульный старшина взялъ себѣ.

Такъ шли годы. Переселенческое движеніе поощрялось и потому развивалось. Киргизы же всячески стѣснялись. Киргизскіе бунты противъ отнятія земли оканчивались для киргизовъ очень печально... Степь для

нихъ все сокращалась и сокращалась. Стало уже негдѣ пасти скотъ. Лучшую землю отдали переселенцу, солонецъ и песокъ оставили за ненадобностью киргизу.

— Живи!

Сейчасъ киргизы просятъ:

— Сравняйте насъ съ переселенцами! Нарѣжьте по 15-ти десятинъ на душу!

Въ этой просьбѣ увидали „торжество культуры“. Переселенческое управленіе приписало эту „побѣду“ себѣ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе.

— Если нарѣжутъ и дадутъ, то хоть не выгонятъ,— думаютъ киргизы.—Лучше осѣсть, чѣмъ умереть со скотомъ на тысячахъ десятинъ собственнаго солонца!

Есть и другое побужденіе. Недѣленая степь выгодна только богатымъ киргизамъ,—они пасутъ на ней гдѣ угодно свои табуны. При нарѣзкѣ и укрѣпленіи, бѣдные могли бы отдавать богатымъ свои десятины на выпасъ.

Но дѣло не въ мотивахъ. Просьба киргизовъ поставила втупикъ:

— Что же мы имъ нарѣжемъ? Солонецъ?

Всѣ удобныя земли уже отданы переселенцамъ.

— Прямо совѣстно нарѣзать,—говорятъ топографы.

Дошло дѣло до того, что каждый годъ, съ наступленіемъ зимы, киргизы приходятъ къ переселенцамъ и умоляютъ:

— Дайте свою степь на выпасъ!

Переселенецъ думаетъ, выгодно это ему или нѣтъ. Степь все равно пустая, особенно зимой. Изъ 9,000 десятинъ подъ запашкой отъ силы 100. Но переселенецъ думаетъ о другомъ:

— Взять ли ему съ киргиза за выпасъ или загонять его лошадей и требовать за потраву? Что выгоднѣе?

Часто онъ находитъ, что выгоднѣе степь не сдавать. И не ошибается. Голодныя киргизскія лошади, ища подъ снѣгомъ корма, разбредаются по степи и перехо-

дять межу. Тутъ ихъ поджидаютъ „культуртрегеры“. Иногда переселенцы сами загоняютъ киргизскій скотъ на свою землю. Иногда ведутъ его домой прямо съ Киргизской степи.

Это единственный „кустарный“ промыселъ хохловъ.

— На сколько нынѣшній годъ загнали,—спрашиваю я по поселкамъ.

— На пятьсотъ.

Значитъ, на тысячу. Совѣстно, вѣдь, признаться.

Киргизы, конечно, платятъ тою же монетою. Крадутъ лошадей у хохловъ. Отношенія между ними милыя. Переселенецъ говоритъ:

— Киргизъ—воръ!

А киргизъ:

— Хохолъ—разбойникъ! Пришелъ и ограбилъ.

Кстати, кромѣ системы загона лошадей, переселенецъ привилъ киргизу и другія блага культуры. Именно, сифилисъ и алкоголизмъ.

Такимъ путемъ родная мать-степь стала для киргиза мачехой. Только богатый можетъ снять у переселенца землю на выпасъ. Бѣдный пускаетъ лошадь на свой солонецъ. Къ веснѣ она становится похожей на скелетъ. А если весна поздняя,—то дохнетъ. Съ ней гдѣ-то тамъ, въ необозримой, пустой степи, умираетъ нерѣдко (а, можетъ быть, и часто,—кто знаетъ?) киргизъ.

Одинъ здѣшній аборигенъ мнѣ говорилъ:

— Киргизы вымираютъ.

Не удивительно. Трудно имъ бороться съ „системами“...

---

30. ГОЛОДНАЯ ВЕСНА 1912 г.

Угрюмое настроеніе. „Отъ глада“. Тѣни вмѣсто лошадей. Разореніе. Задержка „кормовыхъ“. Безлошадные. Роль газетъ. „Безпокойство“ становыхъ. Великолѣпный „руководитель жизни“.

Я ѣду Бугурусланскимъ уѣздомъ. Тѣми селеніями, которыя посѣтилъ въ ноябрѣ прошлаго года. Тогда здѣсь стоялъ ужасъ передъ завтрашнимъ „послѣднимъ“ днемъ. Люди метались, кричали, умоляли:

— Помогите!

Крикъ нашелъ откликъ. Въ январѣ, февралѣ и мартѣ была выдана продовольственная ссуда. Много было частныхъ пожертвованій. Пришло на помощь земство. Кое-гдѣ поддержалъ „Красный Крестъ“.

Теперь, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ—крика нѣтъ. Все тихо. Осталось угрюмое, вялое настроеніе, какъ результатъ физической истощенности и подавленнаго нравственнаго состоянія.

Помощь только не давала умирать съ голода. Разоренія же не предотвратила. Пришла она поздно—въ декабрѣ—январѣ. Къ этому времени мужикъ уже былъ разоренъ,—съ іюля до декабря надо было кормиться, и онъ успѣлъ за это время продать много земли и скота.

Помощь выражалась въ кормленіи людей, на устой же крестьянскаго хозяйства—скотъ—обращали мало вниманія. О томъ скотѣ, который остался до весны, мужики говорятъ:

— Чудомъ прожилъ.

Вотъ село Радовка.

Здѣсь 180 домовъ. Изъ нихъ приблизительно 40 безъ лошадей. Скотъ частью проданъ и проѣденъ, частью палъ:

— Не успѣли татарамъ продать...

Падежа „отъ глада",—какъ выражаются радовцы,— здѣсь нельзя учесть.

— Какъ только лошадь начнетъ шататься, ослабнетъ,—сейчасъ ее татаришкамъ за трешницу... Тѣ ножъ въ горло, и дѣлу конецъ...

Но въ нѣсколькихъ семьяхъ не успѣли обратиться къ помощи татаръ. Скотина пала „отъ глада".

Одна бѣда ведетъ за собой другую.

— Болѣзнь какая-то напала на лошадей, тоже, знать, отъ глада. А потомъ повальное воспаленіе легкихъ на коровахъ. Многіе лишились своихъ кормилицъ.

Что представляютъ собой оставшіяся отъ голодной зимы лошади?

Тѣни какія-то. Впалые бока, безобразно торчащій костякъ крупа. На многихъ лошадяхъ нѣтъ волосъ.

— Отчего это?—удивляюсь я.

— Всегда въ голодные года такъ бываетъ. На изморенныхъ вошь нападаетъ,—точитъ волосъ...

Поля подъ яровые здѣсь пашутъ осенью. Это избавляетъ истощенныхъ за зиму лошадей отъ непосильной работы.

— Пахать на нихъ нельзя сейчасъ,—въ одинъ голосъ говорятъ крестьяне.—Сдохнутъ или съ мѣста не сдвинутся.

Но бороновать приходится теперь. Я наблюдалъ: пройдетъ лошаденка по бороздѣ шага три и остановится, отдыхаетъ, потомъ соберется съ силами, опять двинется шага на три. Мужикъ ужъ не понукаетъ, не кричитъ.

— Даемъ отдышаться,—говорили мнѣ крестьяне.

Оттого сѣвъ длинный, тянется недѣлю и больше.

И это не только у бѣдняковъ, но и у многихъ „богачей", у которыхъ остались 3—4 лошади.

— Всѣ мы кормимъ однимъ и тѣмъ же.

— Чѣмъ?

— Соломой съ крышъ.

Разбираютъ „рыги", амбары.

Солома на крышахъ трехгодовая, вся черная, истлѣла. Нарубятъ этой черной мякины, соберутъ на одоньѣ земляной пыли, предполагая, что въ ней есть и хлѣбныя зерна,—и даютъ лошади. Во многихъ домахъ отъ своихъ „кормовыхъ" горсточку муки удѣляютъ скоту.

— Отъ ребятъ беремъ,—жалко скотину.

Такъ кормили лошадей всю зиму. Такъ кормятъ сейчасъ.

Въ Радовкѣ большой процентъ „освободившихся отъ земли". Домовъ 25—30 остались „на свободѣ". Часть обезземеленныхъ отправилась въ Сибирь, но другая часть „проѣла" надѣлы окончательно и должна будетъ перейти въ батраки, если не пойдетъ нищенствовать.

Въ с. Сафай-Гирѣ одинъ древній старикъ-инвалидъ говорилъ мнѣ:

— Лежу я на печи, дѣлать мнѣ нечего, считаю нищихъ. Сегодня до обѣда 30 человѣкъ приходило. И все лоботрясы.

Я интересовался вопросомъ обсѣмененія. Оказывается, на посѣвъ яровыхъ дали и, главное, въ свое время, но не въ полномъ размѣрѣ. Такъ что мужику пришлось стать передъ вопросомъ:

— Десятину-двѣ я посѣю, а съ остальной землей что стану дѣлать? Неужели бросить пустой?

Жизнь выработала свои практическіе пути. Изъ остальной земли крестьянинъ „продаетъ" (т.-е. сдаетъ въ аренду) десятины двѣ и на полученныя деньги засѣваетъ еще десятину-другую. Аренда паханной съ осени земли весной поднялась до 12—15 руб.

Сѣяли по недостатку сѣмянъ не такъ густо, какъ въ нормальные годы.

— А какъ сѣялись тѣ, у которыхъ не осталось лошадей?

— Кое-какъ. Отрабатывали или договаривались отработать за бороньбу, отдавали часть будущаго урожая...

Словомъ, всѣми мѣрами и средствами старались засѣять поле. Слишкомъ ужъ тяжело положеніе голодающаго.

Незасѣянныхъ полей въ этомъ углу Бугурусланскаго уѣзда не будетъ.

Переѣзжаю въ с. Матвѣевку.

Картина еще мрачнѣе, хотя село въ общемъ богаче Радовки.

Село огромное, до 760 домовъ. Тутъ живутъ „купцы". Но рядомъ съ „купцами" ютится крайняя бѣднота.

— Кормятъ въ столовыхъ?—спрашиваю.

— Нѣтъ. Была столовая,—закрыли. Теперь только человѣкъ 30 школьниковъ кормятъ.

— Какъ же живутъ взрослые бѣдные?

— Всѣ мы живемъ на однѣ кормовыя,—на пудъ въ мѣсяцъ на душу. Но кормовыя что-то перестали выдавать...

Оказывается, продовольственную ссуду выдавали въ январѣ, февралѣ и мартѣ. За апрѣль же не выдали. Я былъ въ Матвѣевкѣ 26-го апрѣля,—кормовыхъ еще не было. Обычная задержка нерасторопнаго земскаго начальника. Но результаты этой нерасторопности очень печальны.

— Голодаемъ,—говорятъ крестьяне.—Выдали намъ около 15-го апрѣля сѣменныя, мы не знаемъ, что съ ними дѣлать: ѣсть или сѣять? Семья голодная, ни куска хлѣба,—мартовскія кормовыя выдали около 15-го марта, успѣли уже все съѣсть,—какъ тутъ быть? Сѣменныя съѣшь,—безъ урожая останешься. Не ѣсть нельзя. Кор-

межка тѣмъ болѣе требовалась большая: и для себя, и для лошади, такъ какъ началась работа... Ну, конечно, ущербили изъ сѣменныхъ, а оставшееся посѣяли... Сейчасъ сидимъ безъ хлѣба. Если кормовыя не выдадутъ совсѣмъ,—около новаго хлѣба помремъ.

Нужда такова, что крестьянинъ потерялъ всякую самостоятельность и устойчивость. Живетъ, какъ чиновникъ: не выдастъ казна жалованья 20-го числа,—нужно ложиться и умирать.

Несчастное, приниженное положеніе. Правительственная помощь, въ силу такихъ обстоятельствъ, должна бы быть систематической, какъ жалованье... Крестьянинъ не даромъ съ горечью говоритъ о себѣ:

— Мы люди казенные...

На-дняхъ въ Матвѣевкѣ произошелъ такой случай. Четыре женщины были пойманы въ чужихъ ямахъ, гдѣ хранится картофель. Искали тамъ:

— Не осталось ли отъ зимы картофеля?

Воровокъ схватили. Испугались онѣ, плачутъ. Оказывается, изъ хорошихъ семей матери. Мужья ушли куда-то на сторону. Въ домѣ крошки нѣтъ. Дѣтей куча. Кормовыхъ не выдаютъ. Столовыхъ нѣтъ.

— Бились, бились мы и пошли воровать... Стыдобушка...

Другая бѣда. Ветеринарнымъ надзоромъ запрещено продавать на базарѣ рогатый скотъ. Ходитъ повальное воспаленіе легкихъ,—боятся распространенія болѣзни.

— Въ шабрахъ у насъ живетъ женёнка,—говорили мнѣ въ одномъ домѣ.—Мужа у ней нѣтъ, дѣтей пятеро, голодъ,—крохи нѣтъ, корову продать не велятъ... Изъ силъ она выбилась, на стѣну полѣзла, кричитъ, воетъ... Пришла фельдшерица,—головной тифъ, сказала... Отъ горя, знать!

Въ Матвѣевкѣ до 100 домовъ безлошадныхъ. Всѣ „на стѣну лѣзутъ". Общественныхъ работъ тамъ нѣтъ.

Въ этомъ углу Бугурусланскаго уѣзда весной ни-

гдѣ не начинались работы. А крестьяне очень разсчитывали на нихъ.

Въ сосѣднемъ селѣ Старомъ Якуповѣ также еще не получена апрѣльская продовольственная ссуда. Народъ бѣдствуетъ. Земство кормитъ только около ста больныхъ и „тощихъ".

— А насъ, поди, тысяча людей въ деревнѣ поспѣетъ,—говорятъ татары.

Тамъ не вывѣтрилась еще цынга, и сейчасъ до 30-ти человѣкъ „подозрительныхъ" на земскомъ корму.

Въ с. С.-Якуповѣ 170 дворовъ, изъ нихъ до 50-ти обезлошадѣли.

Въ мордовскихъ Зерыклахъ также разореніе,—изъ 271 дома 75 безлошадныхъ.

Я ѣхалъ дальше и дальше. Вездѣ одна и та же картина страшнаго разгрома, полнаго крушенія крестьянскаго хозяйства....

— Если будетъ нынѣ урожай, поправитесь?—спрашиваю.

— Трудно. Нуженъ рядъ урожаевъ. Нынѣшній урожай, если онъ будетъ, пойдетъ на уплату долговъ, недоимокъ, податей. Да и то всего не уплатишь...

Вездѣ, гдѣ я былъ, священники, врачи, учителя мнѣ указывали на высокую роль печати въ переживаемомъ общественномъ бѣдствіи.

— Послѣ статей, описывавшихъ нашъ голодъ, у насъ сейчасъ же завели столовыя, къ намъ посыпались частныя пожертвованія деньгами и бѣльемъ. Газеты сыграли громадную роль.

Многіе жертвовали не черезъ редакціи газетъ, а по статьямъ спеціальныхъ корреспондентовъ отсылали деньги непосредственно на мѣста голода. Жертвовали такимъ путемъ сотни рублей...

Одного здѣшняго священника просили прислать голодающихъ крестьянъ работать въ Москву: на одну фабрику и въ имѣніе одного присяжнаго повѣреннаго.

Священникъ отправилъ нѣсколькихъ крестьянъ. Опытъ оказался очень удачнымъ.

— Такая помощь лучше денегъ, — говорилъ батюшка.

Но рядомъ съ этимъ жаловались, что статьи о голодѣ причиняли массу безпокойства и тревоги.

— Частныя пожертвованія запрещены. Что было дѣлать? Мы принуждены были проводить ихъ сначала черезъ „Красный Крестъ", а потомъ уже расходовать на крестьянъ.

Наконецъ, каждая статья возбуждала запросъ изъ министерства:

— Вѣрно ли?

Къ тѣмъ лицамъ, на которыхъ ссылались корреспонденты, ѣздили становые, урядники. Поднимали „булгу". Опрашивали ихъ съ явнымъ недоброжелательствомъ:

— Черезъ васъ безпокойство!

Эти люди занимали мѣста въ спискѣ „подозрительныхъ", и даже „неблагонадежныхъ".

Словомъ, налицо была обычная тупость мѣстныхъ „руководителей жизни".

Одного изъ такихъ „руководителей" я встрѣтилъ сейчасъ. Онъ великолѣпенъ въ оцѣнкѣ положенія.

— Я пріѣхалъ сюда изъ Петербурга въ декабрѣ и могу сказать прямо: остраго голода не вижу, а вижу одно нахальство крестьянъ...

— Больше ничего не видите?

— Ровно ничего...

Мало. Стоило ли ѣхать изъ Петербурга, чтобы руководить цѣлымъ участкомъ нахаловъ?

За деревню страшно...

31.

Въ цынготномъ поселкѣ. Недостатокъ сѣменныхъ. При урожаѣ будетъ голодъ. Эпидемія цынги растетъ. 500 случаевъ. Падежъ скота.

Белебеевскій уѣздъ.

Троицкій поселокъ. Это въ предѣлахъ несчастнаго киргизміякинскаго медицинскаго участка.

„Гнилой уголъ“,—называютъ этотъ участокъ.

Сидятъ въ поселкѣ хохлы Кіевской губерніи. Купили они у крестьянскаго банка землю, построились и теперь ждутъ... всего сквернаго.

Мы съ эпидемическимъ врачомъ, М. В. Курбатовымъ, заѣхали сюда „по пути“.

— Тутъ трое цынготныхъ,—говорилъ врачъ.

Изба Терещенко. У него „баба“ въ цынгѣ. Кромѣ вспухшихъ, кровоточащихъ и источающихъ дурной запахъ десенъ, огромные сине-багровые кровоподтеки на ногахъ. Видъ страшный.

Это—результаты длительнаго недоѣданія.

Вся семья истощенная.

— На старинѣ, небось, этой болѣзни не знали?— спрашиваю хохла.

Старина для нихъ—Кіевская губернія.

— Отроду не видывали, хоть и въ нищетѣ жили...

Тутъ для „столыпинскихъ помѣщиковъ“ выдалась „не жизнь, а каторга“.

— Что толку, что земли много?—говорилъ одинъ хохолъ.—Лежитъ она пустая...

Сѣменныхъ дали всего на двѣ десятины. А озимыхъ здѣшніе хохлы сѣяли или по полдесятинѣ,—сѣмянъ имъ не давали,—или совсѣмъ не сѣяли.

— На слѣдующій годъ у насъ и при урожаѣ будетъ голодъ...

Нужно принять во вниманіе, что если будетъ урожай, то вотъ какія нужды долженъ „исправить“ мужикъ: купить скотъ и одежду („обносился“), заплатить мірскіе сборы, долгъ крестьянскому банку, возвратить продовольственную и сѣменную ссуды...

— Какъ же вы заплатите?

— Въ томъ-то и дѣло, что не изъ чего будетъ платить. Что соберешь съ двухъ десятинъ?

— Можетъ быть, паханную землю сдаете въ аренду?

— Сдаемъ,—никто не беретъ. Ни у кого сѣмянъ нѣтъ. Вонъ татары дошли до того, что сотенную десятину паханную сдаютъ за 4 руб., а непаханную за 1—2 руб., но также никто не беретъ.

Положеніе, дѣйствительно, критическое. Будь урожай изъ урожаевъ, кругомъ все-таки будетъ пустыня. Можетъ быть, только одна треть полей засѣяна, а остальныя двѣ трети земли лежатъ пустыми.

Голодъ при урожаѣ—оригинальное русское явленіе.

У Терещенко вмѣсто избы землянка.

Хохолъ этотъ—пародія на „настоящаго“ кіевскаго Терещенко...

Только крыша у его избы стоитъ надъ землей, а все остальное закопано глубоко въ землѣ.

— Хата сухая,—говоритъ несчастный „помѣщикъ“, владѣющій 20-ю десятинами прекрасной земли.

Какое ужъ тамъ сухая!..

Позвали насъ въ другую избу. Опять цынга, такая же страшная, какъ у Терещенки.

— Это уже новая, незарегистрированная,—сказалъ врачъ.

Въ третьей семьѣ тоже цынга. Девятнадцатилѣтній Пичкуръ умираетъ отъ злѣйшаго туберкулеза. Безжа-

лостная судьба наградила его и цынгой. Получилось нѣчто ужасное...

Цынга и въ третьей, и въ четвертой, и въ пятой избахъ.

— Это уже не три случая,—говорю врачу.

Насчитали 8 цынготныхъ. Маленькій (23 дома) хохлацкій поселокъ разлагается.

— Не успѣваемъ регистрировать, — говоритъ врачъ.—На слѣдующей недѣлѣ тутъ будутъ уже десятки больныхъ.

Страшная гостья явилась въ „гнилой уголъ" только весной.

Всю зиму, съ октября, киргизміякинскій участокъ горѣлъ огнемъ тифа. Было до 500 случаевъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ я еще въ ноябрѣ видѣлъ цѣлыя тифозныя семьи. Лежали всѣ—отъ отца до грудного ребенка. Если принесутъ сосѣди напиться,—хорошо, а позабудутъ зайти,—больные горятъ и стонутъ отъ страшнаго жара... Доползетъ кто-нибудь до двери, покличетъ,—придутъ...

Двѣ такихъ безпомощныхъ семьи я видѣлъ въ татарской деревнѣ Анясевѣ.

Въ мартѣ тифъ пошелъ на убыль. Теперь его осталось 200 случаевъ. Но вдругъ, какъ-то сразу, открылась цынга.

Было „водополье". Нельзя было проѣхать ни на саняхъ, ни на телѣгѣ. Медицинскій персоналъ немного задержался въ своихъ штабъ-квартирахъ. А когда спала вода, и стало можно ѣздить, въ избахъ голодающихъ крестьянъ сидѣла уже цынга. Какъ-будто ее кто-то принесъ съ полой водой.

Въ регистраціонные списки болѣзнь сразу попала въ огромномъ количествѣ. Теперь она поражающе быстро растетъ. Я засталъ ее на цифрѣ 450, но послѣ меня она вылилась за 500 и неудержимо шла вверхъ.

Сколько ускользающихъ отъ регистраціи? Съ цынгой, не такъ рѣзко обозначившейся?

Эпидемія ширится, волной разливается. Нѣтъ силъ ее сократить. Наступили холода, спряталось солнце,—это увеличиваетъ ростъ цынги.

Страшную гостью радушно встрѣтили ея „предтечи" и помощники: тифъ, туберкулезъ, сифилисъ, а главное—голодъ, который за годъ такъ истощилъ организмъ крестьянина, что цынга въ немъ одномъ находитъ свою почву.

— И какой голодъ!

Русскій... Съ продовольственными ссудами и столовыми...

Что было бы, если бы не было даже этой жалкой помощи?

— Получили кормовыя?—спросилъ я хохла.

— Получили, только...

— Что?

— Впроголодь съ ними сидѣли... Самъ посуди: насъ пять душъ, давали намъ два съ половиной пуда муки въ мѣсяцъ. Развѣ это помощь?

Кромѣ муки, у нихъ ничего нѣтъ. Ни овощей, ни молока. Хлѣбъ нынѣ, хлѣбъ завтра, хлѣбъ цѣлый годъ.

Такая продовольственная помощь нисколько не гарантировала поселокъ отъ цынги. Не могла, конечно, она и предотвратить совершенное разореніе.

— Многіе совсѣмъ обезлошадѣли...

Распродавали все зимой, распродаютъ, если у кого что осталось, и теперь.

— Какъ же вы бороновали?—спрашиваю.

— У кого нѣтъ лошадей, занимали ихъ у тѣхъ, кто ихъ сохранилъ. День стоитъ 1 р. Въ два дня бороновали одну десятину.

— Такъ мало?

— Лошади не идутъ. Три-четыре раза въ день выпрягали. Горе, а не работа.

Конечно, плату за аренду лошади собственникъ ея получитъ изъ будущаго урожая...

Лошадей восемь околѣло отъ голода. Оставшіяся бродятъ, какъ тѣни. Вотъ-вотъ упадутъ. Каждый день хохлы съ ужасомъ заглядываютъ въ хлѣвъ,—не лежитъ ли ужъ тамъ трупъ?

Въ киргизміякинскомъ участкѣ раздавали въ ссуду лошадей.

— Сколько вамъ дали?—спрашиваю хохла.

— Ни одной.

Троицкій поселокъ обошли помощью:

— У нихъ земли много.

— Что въ ней толку, въ землѣ-то?—слышу я горечь хохла.—Долгу на ней банку больше, чѣмъ колосьевъ! Продать нельзя, въ аренду никто не беретъ...

32.

Разложеніе. Георгіевскій кавалеръ. Нѣтъ средствъ. Красный Крестъ. „Руководители жизни".

Деревня Анясово.

Огромная и вся насквозь пропитанная бациллами всевозможныхъ болѣзней...

Вотъ подъ-рядъ три дома Хадайназаровыхъ.

У Рахматуллы вся семья въ цынгѣ. Трое лежатъ, не встаютъ. У самого старика-хозяина почернѣла нога: она пузырится и имѣетъ страшный видъ.

Сынъ на ногахъ, но съ пораженными, кровоточащими деснами. Ему бы лежать, а онъ ушелъ въ поле бороновать. Больше некому. Дочь тоже на ногахъ, хотя и съ кровоподтеками. Она прислуживаетъ отцу, матери и брату, которые лежатъ недвижимо. Ходитъ „черезъ силу" за водой, топитъ печь.

Въ семьѣ Абдуллы Хадайназарова въ цынгѣ трое: отецъ, мать и дочь.

У отца сильный отекъ ногъ. Онъ, видимо, очень страдаетъ. Тусклый взглядъ, потъ на лбу, стоны. Врачъ осмотрѣлъ его, поставилъ градусникъ и сказалъ:

— Кромѣ цынги, у него еще и тифъ...

Это сочетаніе частое. Тифъ истощаетъ организмъ, и на ослабленнаго человѣка набрасывается цынга.

Въ такихъ случаяхъ положеніе врача тяжелое. При тифѣ нѣтъ аппетита. А цынготному надо ѣсть. Зелень и надо ѣсть, и нельзя.

У третьяго Хадайназарова тоже цынга...

Мы вышли изъ избы. Татарка, съ ребенкомъ на рукахъ, чистымъ русскимъ языкомъ зоветъ:

— Къ намъ зайдите!

— Зингля? Мы только эту болѣзнь ищемъ,—предупреждаетъ врачъ М. В. Курбатовъ.

„Зинглей" татары зовутъ цынгу.

— Да,—отвѣчаетъ татарка.

Входимъ. Чистая, жарко натопленная изба. Съ наръ поднимается худой, блѣдный человѣкъ, въ бѣломъ пиджакѣ съ солдатскимъ Георгіемъ и медалью.

— Цынга?—спрашиваетъ врачъ.

— Нѣтъ.

Глаза молящіе. Извиняется, что обманулъ. Очень ужъ хочется испробовать всѣ средства, чтобы поправиться.

— Тутъ болитъ,—показываетъ на грудь и спѣшитъ раздѣваться.

Врачъ ослушиваетъ.

— Хотите?—предлагаетъ онъ мнѣ трубку.

Прислушиваюсь къ работѣ хилаго организма. Сильные хрипы во всей груди. Яркій туберкулезъ.

— Приговоренный,—говорятъ глаза врача.

Больной проситъ лѣкарства. Врачъ садится писать никому не нужный рецептъ. А я спрашиваю Ахмета:

— За какое дѣло получилъ Георгія?

— Подъ Мукденомъ имѣлъ три раны... Попалъ въ плѣнъ. Годъ пробылъ у японцевъ...

— Плохо живете?

— Питаюсь кое-какъ. Братъ кормитъ.

Мы переходили изъ избы въ избу, съ содроганіемъ осматривая длинную, затерявшуюся вдали галлерею мучениковъ. И, казалось намъ, не было конца человѣческому страданію...

Вотъ изъ лохмотьевъ поднимается испитое лицо женщины съ страшной цынгой. А рядомъ съ ней грудной ребенокъ, на котораго нельзя безъ ужаса смотрѣть. На немъ „живого" мѣста нѣтъ. Вмѣсто кожи оспенная маска...

Другая женщина съ растрепанными волосами, похожа на идіотку. Со скрюченными ногами и горбомъ, Вся высохшая. Кричитъ и стонетъ. При каждомъ ея крикѣ плачетъ сынъ ея, ребенокъ лѣтъ пяти...

Масса брюшного тифа.

И цѣлое море цынги самой тяжелой формы.

Много новыхъ случаевъ, еще не зарегистрированныхъ.

— Цынга только начинается,—говоритъ врачъ.

Въ голодовку 1906 г. эта болѣзнь исчезла только въ серединѣ іюня и была такъ тяжела, что имѣла нѣсколько смертельныхъ исходовъ.

— Бороться намъ трудно,—говоритъ врачъ,—мы хотѣли расширить столовыя, открыть ихъ въ новыхъ селеніяхъ. Запросили губернское земство, но получили отвѣтъ:

— Нельзя. Расширеніе возможно только на счетъ сокращенія въ существующихъ столовыхъ.

Видимо, изсякли средства. Въ губернскомъ земствѣ собраны были частныя пожертвованія, капиталы общеземской организаціи, вольно-экономическаго общества и т. п.

Но общество забыло о голодѣ. Въ далекой Англіи собираютъ деньги на нашихъ голодающихъ, а у насъ голодъ уже не привлекаетъ общественнаго вниманія: для многихъ голода уже нѣтъ.

— Рано отвернулись, — говоритъ врачъ. — Въ нашемъ районѣ только теперь начинается страшная расплата за недоѣданіе...

Существующая форма борьбы оказалась недостаточной.

— Мы даемъ на домъ фунтъ ситнаго, ковшъ похлебки, чай, сахаръ, лимонъ.

Но эту порцію ѣстъ не одинъ цынготный, а вся семья. Цынготному попадаетъ мало.

— Нужны,—говорю,—цынготныя больнички, изоляція и усиленное питаніе.

— У насъ нѣтъ на это ни средствъ, ни людей,—отвѣчаетъ врачъ.

Тутъ сидитъ отрядъ „Краснаго Креста". У него больше средствъ, привезены цынготныя больнички.

Но средства свои онъ тратитъ также путемъ выдачи порцій на домъ.

Въ одной избѣ я встрѣтилъ татарина съ тяжелой цынгой. Смотрю, у крыльца его избы развѣвается флагъ „Краснаго Креста".

— Ты кто же?—спрашиваю больного.

— Столовщикъ.

Если самъ содержатель столовой „Краснаго Креста" заболѣлъ результатами недоѣданія, то нельзя удивляться, что цынгой болѣютъ получающіе порціи на домъ.

Больнички „Красный Крестъ" не развертываетъ. Не считаетъ нужнымъ.

Врачъ отряда, Д., оказался страннымъ человѣкомъ. Пріѣхалъ шумно, съ предписаніемъ отъ властей и потребовалъ отъ организацій губернскаго земства и частныхъ:

— Передвиньтесь куда-нибудь, а я сяду на ваше мѣсто!

— Какъ? Со складами, столовыми? Какой смыслъ? Мы здѣсь съ ноября, а вы прiѣхали въ февралѣ?!

— Знать ничего не знаю. У меня предписанiе сѣсть въ Киргизмiякахъ.

— Но киргизмiякскiй участокъ великъ. Ступайте въ такiя-то села, тамъ никого нѣтъ, а помощь нужна...

Но убѣдить страннаго врача было нельзя. Онъ началъ открывать столовыя тамъ, гдѣ уже были открыты онѣ губернскимъ земствомъ, московскимъ обществомъ грамотности и т. п. Когда эпидемическiй врачъ поѣхалъ открывать столовую въ дер. Ушакбашъ, г. Д. погнался за нимъ и заявилъ:

— Я не позволю вамъ открывать.

Онъ торжественно вручилъ свое полномочiе ушакбашскому старостѣ.

„Всѣ сельскiя власти должны оказывать мнѣ содѣйствiе",—прочелъ староста.

Но такiя полномочiя имѣются у всѣхъ. Посмѣялись надъ ретивымъ врачомъ и открыли столовую.

Работа стала тормозиться. Пришлось довести до свѣдѣнiя губернатора о дѣйствiяхъ г. Д. Тотъ, къ счастью, унялъ его и перевелъ въ тотъ край участка, который оставался совершенно безъ помощи.

На дорогѣ дѣла стоятъ и нѣкоторые земскiе начальники.

Чтобы остановить цынгу, надо усиленно питать. Совсѣмъ иначе, видимо, думаютъ земскiе. Они уменьшаютъ „кормовыя" тѣмъ семьямъ, въ которыхъ цынготные получаютъ свои порцiи.

Явная, жестокая несообразность!..

Земскiе просили сообщить имъ фамилiи лицъ, получающихъ порцiи. Врачи отказались дать списки.

Тогда земскiе подослали своихъ людей разузнать объ

интересующемъ ихъ вопросѣ... Приходилось прямо скрывать списки.

Были дѣла и похуже.

Одному земскому начальнику какой-то жертвователь прислалъ 200 пудовъ крупчатки:

— Раздайте голодающимъ своего участка!..

Но земскiй муку не принялъ:

— У меня дѣла по горло. Буду я путаться съ частной помощью!

Мука пошла обратно.

— Вы бы хоть телеграфировали жертвователю, чтобы онъ далъ адресъ на санитарное попечительство,—говорили земскому начальнику.—Вѣдь, вы—членъ попечительства?

— Не хотѣлъ расходоваться на телеграмму.

Что будешь дѣлать съ такимъ „руководителемъ деревенской жизни"?

Въ Анясевѣ 19 столовыхъ. Кормится въ нихъ до 1,000 человѣкъ. И все-таки цынга растетъ и ширится.

Слишкомъ велика нужда.

Разоренiе полное.

Безлошадныхъ 153 дома.

Посѣвъ нынѣшняго года ничтожный.

— Одну треть посѣяли,—говорили мнѣ татары.

— Кто сѣялъ шесть, теперь сѣетъ полторы-двѣ десятины.

Сѣменная ссуда незначительная.

Въ аренду землю сдать некому. Отдаютъ за безцѣнокъ. Но сѣмянъ ни у кого нѣтъ, поэтому никто не беретъ.

Огромная площадь земли остается безъ ярового сѣва.

— Голодъ опять будетъ,—предсказываютъ татары.

Этотъ годъ былъ такъ тяжелъ, что они перестали надѣяться на урожай.

— И я какъ-то мало надѣюсь,—говорилъ мнѣ одинъ врачъ.—Какъ бы не пришлось, окончивъ одну продовольственную кампанiю, начать сейчасъ же вторую...

33.

Гнилой уголъ. Задержка ссуды. „Подсыпка". Дѣятельность праваго земства. Вмѣсто лошадей „калечь".

Цынги больше всего въ центрѣ „гнилого угла",— д. Киргизміякахъ. Тамъ земскій медицинскій пунктъ, съ энергичнымъ врачомъ, Х. Н. Васильевымъ, тамъ ранѣе другихъ пунктовъ были открыты столовыя. И все-таки —

— Семьдесятъ девять случаевъ.

А послѣ меня цифра увеличилась, несомнѣнно, до 100.

Впрочемъ, въ этомъ „гниломъ углу" есть свой „гнилой уголъ", деревня Тамьяны. Она вся переболѣла тифомъ, а теперь на удобренной почвѣ выросла тамъ „поголовная" цынга.

Страшно въ Тамьянахъ. Не деревня, а лазаретъ. Но и въ Киргизміякахъ не менѣе страшно.

Мы съ врачами Х. Н. Васильевымъ и М. В. Курбатовымъ ходили по избамъ и осматривали больныхъ.

Картина безотрадная. Много тяжелыхъ формъ. Лежатъ съ почернѣвшими, отечными ногами и трупнымъ запахомъ...

Одной цынготной татарки не оказалось дома.

— Гдѣ она?—удивляется врачъ.—У ней были поражены ноги.

— Въ поле пошла,—отвѣчаетъ мужъ больной.— У насъ существуетъ повѣрье, что отъ зенгли (цынги) помогаетъ озимая зелень, надо только ѣсть ее прямо ртомъ съ земли...

Оказалось, что больная не дошла до поля и пришла назадъ.

— Боюсь, упаду,—говоритъ.

У нея кровоподтеки на ногахъ и болѣзненный, анемичный видъ.

Много такихъ, какъ она. Всѣхъ не отмѣтишь. Болѣзнь однообразна по своему мертвому виду.

Голодающіе крестьяне очень озабочены „кормовыми". Кто-то распространилъ слухъ, что ссуда продолжится только до 20-го іюня.

— Чѣмъ же мы будемъ питаться послѣ 20-го іюня?—спрашиваютъ они.

Питаться будетъ нечѣмъ. Развѣ воздухомъ.

Здѣсь помнятъ, сколько тяжелыхъ дней крестьяне пережили, когда февральскую продовольственную ссуду запоздали выдать во-время и выдали только въ мартѣ.

На канцелярскомъ языкѣ это именуется простымъ терминомъ:

— Задержкой.

За нее всегда бываютъ отвѣтственны дороги, но не люди.

А на языкѣ крестьянъ эта „задержка" называется:

— Голодомъ.

„Задержка" стала системой. Произошла она и съ озимыми сѣменными.

Во многихъ селеніяхъ ихъ совсѣмъ не выдали. Площадь озимаго посѣва сильно сократилась.

А въ поселкѣ Плановскомъ,—какъ заявили его жители лицамъ, производившимъ подворную опись,—сѣменная рожь была выдана въ декабрѣ...

Во-время...

Ее смололи и... съѣли.

„Задержка" произошла и съ „подсыпкой" (кормъ лошадямъ).

Съ осени была продана масса лошадей. Оставшіяся такъ отощали за зиму отъ безкормицы, что валились на землю.

Ихъ втаскивали въ избу и грѣли около печки.

— Въ теплѣ имъ лучше,—почему-то думали крестьяне.

— Ткнешь ее въ бокъ,—передавали мнѣ посѣщавшіе зимой избы крестьянъ,—она падаетъ...

Не лошадь, а тѣнь, призракъ лошади.

Все-таки до весны онѣ жевали кое-какъ черную солому, снятую съ крыши. Но какъ только наступила оттепель, перестали ее ѣсть. Отъ соломы, когда началась весенняя сырость, пошелъ такой дурной запахъ, что лошади предпочитали умирать, чѣмъ употреблять такой кормъ.

Начался падежъ.

Въ 192 селеніяхъ киргизоміакскаго участка 2,209 безлошадныхъ домовъ.

Въ нѣкоторыхъ селахъ было продано и подохло 40—50% лошадей.

Бороновать и пахать многимъ было не на чемъ.

Врачъ Х. Н. Васильевъ наблюдалъ такую картину:

— Татаринъ лопатой „пахалъ“ свою полосу...

Оригинально и... плакать можно.

Въ то время, какъ дохли отъ безкормицы лошади, весь уѣздъ зналъ, что белебеевское земство имѣетъ капиталъ, отпущенный правительствомъ на кормъ лошадямъ.

Съ марта ждали „подсыпки“ и не дождались...

Произошло „запозданіе“...

Капиталъ огромный—200 тысячъ. Можно было бы сохранить массу лошадей.

Всѣ земства Уфимской губерніи воспользовались деньгами. Одно белебеевское „съэкономило“...

— Почему?—спрашивалъ я.

— Да, видите,—отвѣчали,—казна отпустила деньги только въ мартѣ. Гдѣ было тогда достать хлѣба? Началось половодье, прекратились пути. Желѣзная дорога была забита грузами...

А, можетъ быть, просто потому, что управа состоитъ

изъ назначенныхъ лицъ, а все земство—правое? У такихъ „земцевъ“ всегда бываютъ виноваты пути сообщенія.

Конечно, казна, обычно, „спѣшила“ съ помощью населенію. Но все-таки можно было достать хлѣбъ на мѣстахъ или въ сосѣднихъ уѣздахъ и провезти его на лошадяхъ. Стоило только захотѣть и поработать.

Но управа вмѣсто работы созвала собраніе, чтобы рѣшить:

— Какъ поступить съ ассигнованной „подсыпкой“?

Собраніе рѣшило:

— Поздно. Выдать деньгами.

Оно предполагало, что крестьяне сами купятъ себѣ „подсыпку“. А управа купить не могла.

Постановленіе собранія прошло благополучно черезъ губернское присутствіе. Но у губернатора Башилова оно застряло. Онъ представилъ въ министерство протестъ.

Въ министерствѣ послушались доводовъ г. Башилова, и вотъ результатъ:

— Отказать.

Причемъ въ канцеляріяхъ министерства очень долго рѣшали этотъ вопросъ. Белебей и Уфа осаждали Петербургъ телеграммами, время шло, и наступалъ уже такой періодъ, когда и выдача денегъ была бы безцѣльной. Но Петербургъ все „рѣшалъ“, пока не рѣшилъ отрицательно.

Такъ „подсыпка“ прошла мимо носа белебеевскихъ голодающихъ и вернулась обратно въ казну.

Какъ водится, опоздали и съ лошадьми. Губернское земство еще въ іюлѣ 1911 года просило 2,700,000 руб. на лошадей.

Но министерство лишь въ мартѣ 1912 года ассигновало земству 600,000 рублей на покупку лошадей.

Исторія закупки очень поучительна.

Чтобы удовлетворить всю нужду уѣзда, надо было

нѣсколько тысячъ головъ. Но предпочли пока ограничиться тремя стами.

Многія селенія совсѣмъ не получили лошадей. Въ Киргизоміаки, вмѣсто 100, дали 8.

Помощь ничтожная. Но и эту ничтожную помощь сумѣли организовать „по-союзнически“.

Губернское земство, которое расходуетъ частныя пожертвованія, договаривалось съ мѣстными (пономаревскими) барышниками. Тѣ обѣщали поставить 300 головъ, по цѣнѣ 60 р. Условіе: лошади должны быть „вполнѣ здоровы, безъ какихъ-либо пороковъ и пригодны для работы“.

Пріемная комиссія состояла изъ члена уѣздной управы Шумилова, бывшаго или настоящаго предсѣдателя союза русскаго народа, и другихъ лицъ, не менѣе почтенныхъ.

Какъ эта комиссія принимала,—объ этомъ много говорятъ мѣстные крестьяне...

А *что* они приняли,—объ этомъ я сужу по жалобамъ крестьянъ:

— „Калѣчь“, а не лошади...

— Не знали мы, радость это или напасть!..

Лошади доставались по жребію, „счастливчикамъ“.

— Возьмешь ее и думаешь: сегодня она околѣетъ или завтра?

Тощія, жалкія, ободранныя клячи.

— Не стронешь съ мѣста, бьешь-бьешь...

— *Наши* лошади...

По 60 руб. крестьянамъ „всучили“ такихъ же издыхающихъ одровъ, какіе остались у нихъ отъ зимы. Можетъ быть, ихъ же собственныхъ клячъ, проданныхъ на базарѣ.

Это—*помощь*...

Но въ этомъ грустномъ вопросѣ есть и другая сторона. *Такія* лошади на базарѣ стоятъ теперь 25—35

руб. Крестьянамъ „пришли на помощь“ и продали по 60 руб., съ разсрочкой на три года.

У кого же въ карманѣ осталась разница?

Г. Шумиловъ въ пріемномъ актѣ аттестовалъ одровъ какъ „вполнѣ удовлетворительныхъ коней“. Иныхъ онъ и не могъ принять.

Это называется „хозяйственной закупкой“.

— Всѣ брали?—спросилъ я крестьянъ.

— Отчего же не взять? Когда-то мы тамъ отдадимъ! А „калѣчь“ продать можно за пятерку... Все деньги.

Смотрятъ какъ на даровое. А отдавать 60 руб. все-таки когда-нибудь придется.

Голодающій мужикъ, какъ несостоятельный купецъ:

— Буду брать, гдѣ можно. Направо и налѣво. Не все ли равно: и за 100 руб., и за 100 тысячъ, одинаково посадятъ въ долговую яму.

Мужику терять нечего,—онъ все потерялъ за голодный годъ.

— Взять съ меня нечего...

Голъ, какъ соколъ.

34.

Ужасный годъ пережитъ.

На сценѣ жизни уже другіе вопросы и интересы. Всѣ, какъ будто, забыли о разореніи крестьянина, его нищетѣ и перенесенныхъ жесточайшихъ страданіяхъ.

Но онъ опять придетъ—этотъ ужасный, голодный годъ!.. Часто онъ заглядываетъ въ деревню.

Неужели, опять, въ тысячу первый разъ дѣло помощи будетъ поставлено также „великолѣпно“, какъ оно было поставлено въ кампанію 1911—1912 гг.?

Опять найдутся люди, которые будутъ говорить, что „голода нѣтъ?“ Явятся карьеристы и будутъ „экономить“ деньги, ассигнованныя на помощь голодающимъ?

Когда стоны деревни станутъ слышны далеко,—организуютъ безтолковую, лихорадочную помощь? Безъ плана и соображеній? Сотни тысячъ рублей, предназначенныхъ на голодъ, попадутъ опять въ карманы жадныхъ, безчестныхъ людей? Снова будутъ стѣснять частную помощь?..

Пора бы кончить этотъ „пиръ во время чумы"... Опыта было болѣе, чѣмъ достаточно.

Пора начать голодъ называть голодомъ, а не выдумкой масоновъ...

Но, главное, пора, наконецъ, организовать планомѣрную и исчерпывающую помощь голодающему населенію. Для этого необходимо начать работу организаціи теперь же, когда еще нѣтъ голода, чтобы не смотрѣть на голодъ, когда онъ явится, раскрытыми отъ удивленія глазами.

Опытъ прошлыхъ голодныхъ годовъ намѣтилъ двѣ формы планомѣрной помощи: своевременную, дешевую закупку хлѣба и общественныя работы. Необходимо поэтому теперь же выработать планъ закупки, и начать эту закупку не во время голода, а ранѣе—въ урожайные годы. Постройка элеваторовъ и зернохранительницъ должна быть ближайшей задачей. Такою же задачей нужно считать правильную, научную постановку урожайной статистики, которая давала бы знать о приближающемся бѣдствіи. Сюда относится и урегулированіе дѣла общественныхъ, хлѣбозапасныхъ магазиновъ, въ его современной постановкѣ очень жалкаго.

Планъ общественныхъ, общеполезныхъ работъ долженъ быть выработанъ значительно ранѣе появленія голода.

Словомъ, съ голодомъ надо начать борьбу до появленія его. Встрѣчать ужасное бѣдствіе необходимо съ оружіемъ въ рукахъ, а не съ безпомощнымъ видомъ, съ какимъ мы встрѣчали его доселѣ.

Самое правильное, если бы все дѣло борьбы съ голодомъ было передано въ руки земствъ. Всякія эксцессы возможны, конечно, и въ земствахъ, особенно такихъ, какъ современныя правыя земства. Но земская работа—общественная, открытая, ясная работа. Ея недостатки можно подмѣтить и исправить. Но составъ земствъ мѣняется и союзническія тенденціи, несомнѣнно, скоро уступятъ мѣсто прогрессивнымъ теченіямъ.

Наконецъ, необходимо разъ навсегда открыть широкую дорогу частной иниціативѣ. Смѣшно бояться людей, у которыхъ одна цѣль—помощь ближнему. Когда же, въ самомъ дѣлѣ, наше общество будутъ пускать гулять безъ няньки?

Придетъ онъ опять—этотъ страшный, голодный годъ. И не одинъ разъ придетъ. Взгляните на него яснымъ, не затуманеннымъ предвзятостью и канцелярскою сухостью, взглядомъ и обратитесь за помощью—

— Къ обществу.

Довѣрьтесь ему!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАТАЛОГЪ КНИГОИЗД—ВА „ПОРЫВЫ“.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОРЫВЫ“.

Редакторъ-издатель В. П. Португаловъ.

Москва, Сивцевъ Вражекъ, 18. Тел. 222-93.

ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ. Θамира-киθарэдъ. Вакхическая драма. Изданіе посмертное, съ портретомъ И. Θ. Анненскаго. Сто нумерованныхъ экземпляровъ. 2 руб.; въ изящномъ мягкомъ сафьяновомъ переплетѣ 2 р. 50 к.

А. М. БОДЯНСКІЙ. Драма міра. Мистерія въ 5-ти актахъ. 1 р. 25 к.

А. БУРНАКИНЪ. Разлука. Пѣсенникъ. 50 коп.

А. БУРНАКИНЪ. Морская поэма. 25 коп.

АЛЕКСАНДРЪ ГАЛУНОВЪ. Книга мертвыхъ (Книга мертвыхъ. Цвѣты развалинъ. Nihil). 50 коп.

ЯКОВЪ ГОРДИНЪ. Сарра Фингергутъ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, изъ еврейской жизни. Переводъ А. Волконскаго. 1 руб.

ВИКТОРЪ ЕВТИХІЕВЪ. Requiem. Драма. 75 коп.

ВИКТОРЪ ЕВТИХІЕВЪ. Весна. Романъ. 50 коп.

ПАВЕЛЪ ЕГОРОВЪ. Холера. Повѣсть. 50 коп.

КОНСТАНТИНЪ КРАЕВСКІЙ. Стихи. 75 коп.

ВАЛЕНТИНЪ КРИВИЧЪ. Цвѣтотравы. Тетрадь стиховъ. 50 коп.

НИКОЛАЙ МѢШКОВЪ. Снѣжныя будни. Книга стиховъ. 75 коп.

БОРИСЪ ОЛИДОРТЪ. Геммы. 25 коп.
МАРІЯ ПАПЕРЪ. Безъ выхода. Трагедія одинокой души. 50 коп.
А. С. ПАНКРАТОВЪ. Безъ хлѣба. Очерки русскаго бѣдствія (голодъ 1898 и 1911—12 гг.). 1 р.
ПЕТРЪ ПОЛАКЪ. Вечеръ. Книга стиховъ. 1 руб.
ВАЛ. СВЕНЦИЦКІЙ. Интеллигенція. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 6 картинахъ. 1 руб.

Готовятся:

„ПОРЫВЫ". Альманахъ на 1913 годъ.
ЮРІЙ БОЧАРОВЪ. Via dolorosa. Стихи.
ІОНА БРИХНИЧЕВЪ. Огненный сѣятель. Пѣсни восхожденія.
А. БУРНАКИНЪ. Моя душа. Книга стиховъ.
АЛЕКСАНДРЪ ГАЛУНОВЪ. Израиль.
СЕРГѢЙ ГАРИНЪ. Рыцарь бѣдный. Средневѣковая легенда, въ 6 д., музыка проф. Н. Р. Кочетова.
И. А. ДАНИЛИНЪ. Николай Жаровъ. Романъ изъ жизни рабочихъ.
В. ЕВТИХІЕВЪ. L'amour — c'est tout. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 2-е.
ПАВЕЛЪ ЕГОРОВЪ. Распятый. Романъ.
ЗАПИСКИ ИНОКА. Изъ воспоминаній монастырскаго послушника.
ЛЮБОВЬ КОПЫЛОВА. Обида смутная. 2-я книга стиховъ.
К. Р. МИЛЛЬ. Просвѣтленный бытъ. Критическіе очерки.
ВЛАДИМИРЪ НАРБУТЪ. Поле и разлужье. 2-я книга стиховъ. Предисловіе Сергѣя Городецкаго.
БОРИСЪ ОЛИДОРТЪ. Insula doloris.
А. С. ПАНКРАТОВЪ. Милліоны въ землѣ. Очерки русской жизни.
ПЕТРЪ ПОЛАКЪ. Утро. Вторая книга стиховъ.
М. В. РОСЛЯКОВЪ. Разсказы. Т. 1-й.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Косые лучи. Поэмы.
ѲЕДОРЪ СТРАХОВЪ. Аллегорическіе разсказы.
Н. Н. РУСОВЪ. Три повѣсти.
АЛЕКСАНДРЪ ТИНЯКОВЪ (ОДИНОКІЙ). Старый Редакторъ. Повѣсть.
ЛАЗ. ФЛЕГОНТОВЪ. Дѣвичье. Сцены изъ жизни современной женщины.
АХ. ЦАЛИКОВЪ. Кавказъ и Поволжье. Очерки инородческой политики.
ЧАСТУШКА. Дѣвственные романсы. Собраны и записаны Ник. Вержбицкимъ.
С. ЭФРОНЪ. Абуя бенъ Амори. Талмудическая легенда.

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА К—ВА „ПОРЫВЫ".

Готовятся:

СЕРГѢЙ ГАРИНЪ. Юмористическіе разсказы.
АРКАДІЙ ИРИСОВЪ. Веселые разсказы.
СИМВОЛИСТЪ. Басни.
Н. А. ТОЛСТОЙ. Вокругъ свѣта. Похожденія двухъ москвичей.
ФРИЦХЕНЪ. Книга литературныхъ пародій.
ЕВГ. ХОХЛОВЪ. Цвѣты бездѣлья. Веселые стихи.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА К—ВА „ПОРЫВЫ".

Готовится:

РОСИНКА. Дѣтскій альманахъ.

КНИГИ А. С. ПАНКРАТОВА:

I.

Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій. Книга первая. (Яма.—Первые сектанты. Евангелистъ.—Безсмертники.—Святодуховецъ.—Пророкъ Іезекіиль.—Миссіонеръ.—Рабочій толстовецъ.—Два Парамона.—Народные проповѣдники.—Московскій братецъ Іоаннъ.—Петербургскій братецъ. Торговецъ-пророкъ М. А. Курамшинъ.—Неплюевское братство.—„Свободное христіанство": епископа Михаила, И. М. Трегубова.—Моск. свобод. христіанство.—Новый Израиль.—Студенты-христіане.—Адвентисты.—Сіонянка.—Старообрядцы: поповцы, безпоповцы, бѣглопоповцы, единовѣрцы.—Религіозные портреты).

Цѣна 1 рубль.

II.

Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій. Книга вторая. (Безсмертный.—Пророчица.—Крестьяне-опрощены.—Жизнь по совѣсти,—А. И. Архангельскій.—„Братъ Сергѣй".—А. М. Бодянскій.—Князь Д. А. Хилковъ.—Николай Толстой, къ исторіи уніатства въ Россіи.—Игра въ религію (о. Евстафій Сусалевъ).—За старую вѣру (Ѳ. Е. Мельниковъ).—Старообрядческій сектантъ Ѳ. И. Смирновъ. Бурханизмъ. Приложеніе. Отецъ Матѳей, духовникъ Н. В. Гоголя).

Цѣна 1 рубль.

Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ. Москва, Тверская, д. Найденова, кв. 10, А. С. Панкратову.

Типографія Т. Д. Моск. Изд. „Копѣйка", Б. Дмитровка, д. 26.